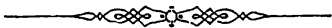


ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).



МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1892.

I.

Ужаснѣйшую и славнѣйшую эпоху нашего времени приходится мнѣ описывать. Но прежде нежели приступлю къ исполненію обязанности, которую, не спросясь моихъ читателей, возложилъ я на себя, будто для ихъ пользы и удовольствія, постараюсь на время потерять ихъ изъ виду; равномерно и ихъ охотно разрѣшаю, можетъ быть, отъ скуки читать сію первую главу. Я буду писать ее единственно для внуковъ и правнуковъ братьевъ и сестеръ моихъ; имъ посвящаю ее и въ ней изобразю послѣднія минуты примѣрной жизни того необыкновеннаго человѣка, происхожденіемъ отъ котораго имѣеть право гордиться тотъ изъ нихъ, который будетъ сколько-нибудь достоинъ называться его потомкомъ.

Я пріѣхалъ въ опустѣлый безъ него домъ. Онъ мнѣ показался трупомъ, отъ котораго отлетѣла душа, хотя унылая, обезсиленная, но долѣе все одна его оживлявшая. Въ избыткѣ горести, моя мать казалась даже нечувствительною къ пріѣзду любимаго сына. Выраженіе этой горести инымъ могло бы показаться преувеличеннымъ, и неестественнымъ только тѣмъ, которые не знали безпредѣльной ея любви къ покойному мужу; въ Пензѣ же никто не позволялъ себѣ осуждать ее, всѣ изъявляли участіе и сожалѣніе; даже дивились, какъ она могла пережить свое несчастіе. Я нашелъ, что занавѣски у кровати матери моей, равно какъ и у окошекъ ея комнаты, были черныя, закрытыя, того же цвѣта были одѣяло и чехлы на креслахъ; этотъ усиленный трауръ, этотъ мракъ, которымъ она окружала себя, всѣ знаки глубокой скорби ея, одни были для нея усладительны. Она лежала неподвижна, безсловесна. Врачи опасались, что продолженіе такого состоянія будетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія вообще для здоровья ея и особенно для разсудка, и для того, чтобъ выводить ее изъ онѣмленія, одеревененія, прибѣгали къ средству сильному, къ припоминанію причины ея горести. Успѣхъ бывалъ ужасенъ: нечеловѣческій, страшный и тяжкій стонъ, раздирающій душу присутствующихъ, начиналъ выходить изъ глубины ея груди. Одному только простодушному, свя-

тому старцу, епископу Аеанасію, самому удрученному болѣзнями, удавалось врачевать ея душу. Его сердце было исполнено челоувѣколюбія, а уста нѣжныхъ, утѣшительныхъ словесъ; о предчувствуемомъ небѣ умѣлъ говорить онъ какъ о знакомомъ почти мѣстѣ. Слушая его, она тихо проливала потоки слезъ и чувствовала на время облегченіе сердечной скорби своей.

Такъ продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, Небо послало ей нѣкоторую твердость, и она начертала себѣ новый образъ жизни, которому слѣдовала до конца ея. Ровно двадцать лѣтъ осуждена была она влечь свое вдовство, и ничто не измѣнилось въ принятомъ ею порядкѣ. Она всегда носила черное платье, только по большимъ праздникамъ надѣвала бѣлое. Прежде любила она играть иногда въ вистъ; на карты наложено запрещеніе въ домѣ ея; не только въ какія-нибудь собранія, ни даже запросто ни къ кому она не ѣздила, посѣщала одни Божіи храмы, да навѣщала больныхъ и скорбныхъ. Однимъ словомъ, безъ постриженія, вела она всегда иноческую жизнь. О печали, которая никогда ея не покидала, никому не говорила; за то трудно было дожидаться улыбки на лицѣ ея, прежде всегда веселомъ, довольномъ.

Возвратясь изъ Петербурга, какъ мнѣ рассказывали, покойный отецъ мой нѣсколько было ожилъ. Онъ принялся опять за любимую страсть свою, продолжалъ отдѣлывать вновь имъ выстроенную каменную церковь въ селѣ Лебедевкѣ и доканчивать новый, большой деревянный домъ въ селѣ Симбухинѣ, который началъ возводить онъ, не имѣя средствъ отдѣлать другой каменный трехэтажный домъ, тутъ же давно имъ построенный. Къ этому примѣшалась еще другая страсть. Въ первой части сихъ Записокъ говорилъ уже я о привязанности его къ меньшей дочери, которую любилъ онъ паче всѣхъ другихъ дѣтей своихъ: онъ не видѣлъ въ ней никакихъ несовершенствъ, хотя, къ сожалѣнію, они были. Ее призвалъ онъ на совѣтъ при составленіи плана новаго строенія; она не имѣла понятія объ архитектурѣ и такъ, шутя, наобумъ стала проводить линіи карандашомъ. Этотъ странный чертежъ рѣшился онъ привести въ исполненіе, тѣшась мыслию, что онъ твореніе любимой дочери. Къ счастью, вышло что-то совсѣмъ необыкновенное, но не совсѣмъ дурное. Разумѣется, и во внутреннемъ небогатомъ убранствѣ слѣдовали ея же вкусу. Наконецъ, домъ поспѣлъ, и 14. Ноября, день именинъ его, жители Пензы за 13 верстъ во множествѣ пріѣхали праздновать съ нимъ новоселье. Веселились, пили, ѣли, танцевали, и звуки музыки тутъ послѣдній разъ раздавались въ домѣ нашемъ.

Конечно, эти строенія *разстраивали* все болѣе семейное состояніе; но какъ они были послѣднею, единственною его утѣхой, то бѣд-

ная, бережливая мать моя не хотѣла, показывая ему истину, отвѣчивать его отъ силъ непомятыхъ издержекъ. Когда домъ былъ со-всѣмъ оконченъ, и прекратились его занятія, онъ опять началъ впа-дать въ уныніе и тоску; это было совершенно состояніе больного дитяти, котораго можно только развлекать игрушками. Къ Рождеству уговорили его переѣхать въ городъ; почтительное состраданіе вкра-лось въ сердца прежнихъ враговъ его: всѣ оказывали ему знаки не-притворнаго уваженія; ко всему оставался онъ невнимателенъ, равно-душень.

Вдругъ 25 Января захворалъ онъ сильною простудой, пересталъ выѣзжать изъ дому, однако не слегъ. Отмѣнно досадно казалось ему, что онъ не можетъ быть на какомъ-то пирѣ, на какомъ-то балѣ, ко-торый дворянство, не знаю по какому случаю, хотѣло дать въ Бла-городномъ Собраніи своемъ, и тамъ полюбоваться пляскою дочери. Часу въ двѣнадцатомъ вечера, 27 числа, когда всѣ улеглись, кромѣ его, но еще не спали, побрелъ онъ въ комнату дочерей, присѣлъ на кровать меньшей и вошелъ подать новое бальное платье, въ которомъ она должна была явиться на помянутомъ пирѣ. Посмотрѣлъ на него гру-стно, потомъ всталъ и, прощаясь съ необыкновенною нѣжностію, по-цѣловалъ обѣихъ дочерей. Среди ночи, часу въ четвертомъ, мать моя была пробуждена какимъ-то страннымъ шорохомъ, и при свѣтѣ лам-пады, передъ образомъ зажженной, увидѣла его какъ тѣнь бродящаго по комнатѣ. Онъ сказалъ, что чувствуетъ сильное круженіе головы, приливъ къ ней крови и надѣется, что ходьбою оно пройдетъ. Потомъ, уставши, прилесть на диванъ и минутъ черезъ десять страшно захри-пѣлъ. Его не стало.

Съ крикомъ бросилась къ нему испуганная супруга. Менѣе чѣмъ черезъ четверть часа весь домъ былъ на ногахъ, и гонцы верхомъ по-сланы за священникомъ и врачомъ. Они явились; къ счастью, мать моя находилась тогда въ совершенномъ безпамятствѣ, и это брату моему дало возможность сказать ей прощительную въ семь случаевъ ложь, будто въ это время покойный на нѣсколько минутъ открылъ глаза и успѣлъ причаститься святыхъ таинъ. Съ ея набожностію, безъ этого успокоительнаго обмана, она бы промучилась всю жизнь. Че-резъ три дня жители Пензы, въ томъ числѣ множество простаго на-рода, 13 верстъ провожали тѣло бывшего начальника губерніи, до села Симбухина, гдѣ недавно праздновалъ онъ временное новоселье, а этотъ разъ поселился на вѣчное. Тамъ, въ имѣ же построенной каменной церкви сего помѣстья, которое отъ первой супруги по наслѣдству ему досталось и носить ея фамильное имя, лежитъ онъ, подобно графу Глейхену, близъ нея и рядомъ со второю супругою своею.

Но одна тяжкая печаль ожидала меня въ Пензѣ, но и заботы дотолѣ мнѣ вовсе незнакомыя. Все имѣніе, состоявшее не съ большимъ изъ шести сотъ душъ, было опутано долгами, такъ что десятками тысячъ рублей ихъ считалось. Прежде предохранявшая его отъ разоренія, заботливая мать первоначально отказалась отъ всего и объявила дѣтямъ, чтобъ они спасались какъ хотятъ и умѣютъ, а что ей ничего не нужно. Изъ двухъ сестеръ одна близилась къ сорока годамъ, другая едва перешла за двадцать. Старшая дала обѣтъ никогда не отлучаться отъ матери, совершенно посвятить себя ей и не имѣть иныхъ заботъ. Меньшая никогда ихъ не знала, думала объ однихъ только нарядахъ и удовольствіяхъ жизни, которыя по возможности были ей доставляемы; ничѣмъ нѣсколько серіознымъ не умѣла заниматься, ни чтеніемъ, ни даже руководіемъ. Первое горе, ее постигшее, и самое для нея тяжкое, не могла она, по примѣру сестры, перенести съ покорностію къ волѣ Божіей, и отчаяніе ея походило на сумасшествіе. Наконецъ, старшій братъ Павелъ давно замышлялъ омыть хотя бы свою кровію незаслуженное пятно, которое правительство и общее имѣніе наложили на провіантское вѣдомство, къ которому онъ принадлежалъ. И для того, еще при жизни отца, умолялъ оавъ военнаго министра Барклая-де-Толли, лично его съ хорошей стороны знавшаго, объ опредѣленіи его по прежнему и съ прежнимъ чиномъ въ военную службу. Тотъ отвѣчалъ ему, что воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выполнить его желаніе, но что это для него самого даже трудно: ибо съ 1807 года не было примѣра, чтобы кто-нибудь, служившій въ провіантскомъ штатѣ былъ принятъ въ службу армейскимъ чиномъ. Съ недѣли на недѣлю ожидая рѣшенія судьбы своей, онъ также совершенно не могъ приступить къ управленію имѣніемъ.

Итакъ вся обуза должна была лечь на меня. Много помогали мнѣ сначала совѣты старшаго опытнаго брата. Изъ всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ жизни моей, при всей моей торопливости, часто необдуманности поступковъ, всегда выходилъ я довольно благополучно. Не смѣю и подумать, чтобы чѣмъ-либо заслужилъ особое милосердіе Божіе, но оно одно всегда явно выводило меня изъ пучины золъ мнѣ угрожавшихъ. Какъ же мнѣ было не любить и не страшиться этого невидимаго всемогущества? Какъ отъ всей души не вѣровать было въ него, посреди общаго почти невѣрія? И въ этомъ случаѣ явило оно благодать свою надо мною и надъ моими, такъ что къ концу года денежные дѣла наши взяли самый благоприятный оборотъ.

За Сурой, въ большомъ лѣсномъ участкѣ, намъ принадлежащемъ, называемомъ Кичкилейка, былъ у насъ винокуренный заводъ. Такого рода заведенія обыкновенно даютъ значительный доходъ; только нуженъ

хорошій присмотръ, а его-то послѣднее время и не было. Къ тому же десятилѣтнее существованіе этого завода истребило лѣсъ и разорило мужиковъ. Необходимость заставила его погасить. Послѣ него осталось большое количество мѣдной посуды, которую можно было продать только на вѣсъ; къ счастью, одинъ добрый сосѣдъ, который въ это время приступалъ къ такого же рода предпріятію, не сталъ торговаться, а купилъ посуду почти по той же цѣнѣ, по которой она намъ обошлась, и такимъ образомъ можно было выручить нѣсколько тысячъ рублей. Еще другія тысячи получили мы благодаря угасшему заводу. Правительство, полагая, что всѣ сѣверо-западные области изобилуютъ рогатымъ скотомъ, обратилось къ нимъ съ предложеніемъ пожертвовать нѣкоторую часть онаго для прокормленія собравшейся на границѣ арміи. Въ Симбирской и въ Саратовской губерніяхъ, особливо же за Волгою, было тогда еще болѣе, чѣмъ нынѣ, необозримыхъ степей, на которыхъ тысячами паслись стада: для нихъ эта жертва была совсѣмъ не значительна. Но для Пензенской губерніи, которая такъ туго заселена, гдѣ такъ мало пастбищныхъ мѣстъ, которую мясомъ по большей части продовольствуютъ сосѣди, для нея это было довольно накладно. Пріятно было видѣть радостную готовность, которую, не смотря на то, изъявило Пензенское дворянство въ семь случаевъ: она въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, была предзнаменованіемъ того великодушнаго всеобщаго, дружнаго возстанія, которое не замедлило потомъ обнаружиться во всей Россіи. Положено было купить 2.400 быковъ, по какой бы то цѣнѣ ни было, и съ надежнымъ чиновникомъ, на дворянскій счетъ, отправить къ войску, разложивъ сумму, для того употребленную, на помѣщиковъ по числу душъ ими владѣемыхъ. На нашу долю пришлось весьма мало, или лучше сказать, ничего, или лучше сказать, меньше чѣмъ ничего: на нашемъ заводѣ были десятки быковъ, которыхъ содержаніе дотолѣ намъ приходилось даромъ, которые сдѣлались не нужны, а кормить ихъ становилось дорого. Представился единственный случай ихъ дорого сбыть съ рукъ, и я не упустилъ имъ воспользоваться.

Одинъ Нижегородскій откупщикъ Мартыновъ, за проданную и поставленную ему водку, былъ долженъ пятнадцать тысячъ рублей отцу моему, но подъ разными предлогами отказывался уплачивать сіи деньги, какъ ни просили его и на него, такъ что долгъ сей почитали мы пропавшимъ. Видно, вдругъ ему стало совѣстно, ибо онъ прислалъ мнѣ эту сумму сполна, при письмѣ, въ которомъ объясняетъ, что, узнавъ о стѣсненномъ положеніи нашего семейства, хотя и самъ находится въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, далѣе откладывать уплаты не хочетъ.

Въ душевной тоскѣ и тѣлесномъ расслабленіи, метаясь, можно сказать, не зная куда, отецъ мой задумалъ было поселиться въ Москвѣ и для того послѣднею осенью купилъ въ ней за шесть тысячъ рублей небольшой деревянный домъ въ какомъ-то переулкѣ, близъ Арбата; этотъ домъ намѣренъ былъ онъ послѣ себя отдать любимой дочери. Въ благополучные дни нашего семейства, было у матери моей и у сестеръ нѣсколько алмазовъ, въ томъ числѣ одна сохранившаяся брилліантовая нитка, которая имѣла нѣкоторую цѣнность и была предназначена старшей сестрѣ, болѣе въ видѣ капитала, чѣмъ украшенія. Той и другой предметы сіи были обѣщаны, а не отданы. Однакоже, для продажи я счелъ долгомъ испросить ихъ согласія, и онѣ, безъ малѣйшаго затрудненія, дали его. Но гдѣ было сыскать покупателей въ такое время, когда всѣ, чуя приближеніе чернаго дня, берегли пренего деньги, а многіе даже прятали ихъ? Судьба послала ихъ. Одинъ богатый помѣщикъ, Вельяшевъ, просваталъ въ это время единственную дочь свою за богатаго же помѣщика Ранцова и хотѣлъ дать ей различное обоемъ состояніямъ приданое: брилліантовую нитку купилъ онъ у насъ за пять тысячъ рублей. Сыскался и другой, человекъ неблаго-разумный, неосторожный, котораго прозванія не запомню, но котораго не мнѣ осуждать: онъ купилъ Московскій домъ за десять тысячъ рублей, четырьмя тысячами дороже того, что онъ былъ заплаченъ, домъ, который, черезъ два мѣсяца спустя, съ тысячею другихъ, долженъ былъ обратиться въ пепель.

Было еще нѣсколько такихъ неожиданныхъ, благопріятныхъ случаевъ, о коихъ говорить не буду и которые помогли мнѣ въ полгода, совсѣмъ почти выпутать изъ долговъ семейство мое. Всѣ эти мелочи, подробности, можетъ-быть, вовсе не занимательны, не сважу только для читателей моихъ (отъ нихъ уже отрекся я въ началѣ сей главы), но даже и для потомковъ моихъ родителей. Но мнѣ не упоминать о нихъ было бы и стыдно, и грѣшно, когда во всемъ этомъ видѣлъ я несомнѣнные знаки милосердія небеснаго къ оспротѣвшему семейству честиблѣваго человека въ мірѣ, которое простодушіемъ и любовію къ ближнимъ было его достойно, и къ неопытному молодому человеку, пожирасмому желаніемъ быть полезнымъ еще болѣе ему, чѣмъ самому себѣ. Одинъ умный человекъ сказалъ, что то въ чемъ черствыя души видятъ одинъ слѣпой случай, не что иное, какъ инкогнито Провидѣнія, и что о ни чувствительныя, благодарныя сердца способны Его угадывать.

Осенью другія заботы мнѣ представлялись, и тогда, закрывъ свою комиссію погашенія долговъ, всѣ дѣла при вѣрномъ отчетѣ вручилъ я матери моей, которая, изъявивъ мнѣ свое удовольствіе, къ счастью, въ состояніи была опять успѣшно и прилежно заниматься ими.

II.

Около года Крыжановскаго не было въ Пензѣ. Грубіянь, безстыдный лгунъ, грабитель, который явно лѣзъ ко всѣмъ за пазуху, и непотребная жена его, которые два года наполняли ненавистью и омерзѣніемъ цѣлую губернію, были живымъ упрекомъ правительству, такихъ людей для управленія областями употребляющему. Молва о ихъ неслыханныхъ дѣяніяхъ разнеслась по всѣмъ сосѣднимъ губерніямъ и достигла столицы. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ видѣли выше, раздвоилось, и губернаторы поставлены были болѣе въ зависимость министра полиціи. Балашовъ былъ не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ возмущаютъ дѣла Крыжановскихъ; не знаяши его лично, онъ, кажется, его покровительствовалъ, и вѣроятно при немъ онъ долго усидѣлъ бы на мѣстѣ. Хорошо, что человекъ, который пожелалъ этого мѣста, имѣлъ большія связи при дворѣ и умѣлъ о непристойностяхъ Крыжановскаго распускать слухи даже въ гостинныхъ большаго свѣта. Такимъ образомъ дошло до самого Государя, и онъ велѣлъ министру немедленно смѣнить его. По какому-то инстинктивному благорасположенію къ такого рода людямъ Балашовъ, однакоже, спасъ его отъ простой отставки, а выпросилъ дозволеніе причислить его по особымъ порученіямъ къ своему министерству. Имѣя его подъ рукой, могъ онъ ожидать, что употребить его съ большею пользою.

При полученіи о томъ извѣстія, въ Пензѣ случился довольно забавный анекдотъ. Будучи тайно предувѣдомленъ о своемъ паденіи, Крыжановскій сталъ наскоро собирать жену свою въ дорогу, дабы негубернаторшей ей тутъ и дня не оставаться. Такъ какъ она внутри Россіи никогда еще одна не путешествовала, то онъ предложилъ приверженцу своему Андрею Сергѣевичу Мартынову быть ея проводникомъ до Москвы, на что сей послѣдній охотно согласился. Съ этимъ Мартыновымъ я уже познакомилъ читателя, но это было давно, во второй части сихъ Записокъ; знакомство вѣроятно забыто, и я осмѣлюсь вновь его представить. Въ семь дворянствъ древняго происхожденія и весьма достаточномъ была врожденная склонность подличать. Во время сборовъ догадался ли онъ или провѣдалъ о чемъ, только отказаться уже не смѣлъ. Доѣхавъ до Саранска, на первомъ ночлегѣ прикинулся онъ больнымъ, кричалъ, жалуясь на нестерпимыя боли въ животѣ, въ головѣ, не хуже Жилблаза въ Роландовой Пещерѣ, такъ что перепугалъ спутницу свою. Она должна была отправиться одна далѣе; а онъ, какъ Сикстъ Пятый, вскочивъ, захохотавъ, спросилъ у предстоящихъ, каково сыгралъ онъ комедію? Когда въ Пензѣ спросили его, зачѣмъ онъ

такъ дурачился, онъ отвѣчалъ, что вѣдь указъ объ увольненіи еще полученъ не былъ ¹⁾. Когда же его получили, еще до возвращенія Мартынова, то г. Крыжановскій, совсѣмъ готовый къ отбытію, не медля усакалъ. Проводовъ ему не было: его отъѣздъ похожъ былъ на побѣгъ.

Вскорѣ прибылъ его преемникъ; но полно, такъ ли я сказалъ? Это было не вступленіе въ должность губернатора, а восшествіе, воцареніе владѣтельнаго князя. Послѣ смерти князя Сергія Ѳеодоровича Голицына, въ началѣ 1810 года, неутѣшная вдова его, Варвара Васильевна, рѣшилась удалиться отъ свѣта въ любимую свою Зубриловку, куда изъ Галиціи и привезено было его тѣло ²⁾. При ней находились неотлучно младшіе сыновья ея, на службѣ числящіеся, и самый старшій, отставной князь Григорій Сергѣевичъ съ женою и семействомъ. Но какъ поладить съ тѣмъ, чтобы, не разлучаясь съ нею, могли одинъ продолжать службу, а другой поступить въ нее опять? Вотъ почему князь Григорій, будучи въ генеральскомъ чинѣ, началъ искать мѣста Пензенскаго губернатора и получилъ его, вмѣстѣ съ дозволеніемъ каждое лѣто за 130 верстъ ѣздить въ деревню къ матери. Весною и осенью могъ онъ проживать у нея подъ предлогомъ обозрѣнія губерніи, а зимою могла она пріѣзжать къ нему. Меньшіе три брата были всѣ камеръ-юнкеры; только средній, Василій, былъ пожалованъ до изданія указа о семь званіи и состоялъ въ пятомъ классѣ, а другіе два (Павелъ) и Владимиръ, послѣ, и имѣли только оберъ-офицерскіе чины. Ихъ опредѣлили къ брату чиновниками по особымъ порученіямъ, а Василья помѣстили совѣтникомъ, сверхъ штата, въ Губернское Правленіе. Рязумѣется, всѣ сохранили право жить въ Зубриловкѣ, когда они или мать ихъ того пожелаютъ.

Я нашелъ князя Голицына утвердившагося на своемъ губернаторско-княжескомъ престолѣ. По прошествіи шестинедѣльнаго траурнаго срока явился я къ нему и былъ милостиво принятъ; но и до того не одинъ разъ имѣлъ я случай его видѣть. Моя мать была имъ откровенно довольна: изъ уваженія къ званію предмѣстника, онъ былъ распорядителемъ похоронъ отца моего и потомъ разъ или два въ недѣлю посѣ-

¹⁾ Чистосердечіе въ такомъ поступкѣ отнимаетъ у него почти всю гадость. Обманъ и подлость суть пороки, которые татарщина ввела между смышленными предками нашими. Провести, надуть совсѣмъ не значило просто обманывать, а слыло доказательствомъ тонкости и превосходства ума. Все это нынѣ чрезвычайно рѣдко встрѣчается, развѣ между мелкими купцами и просгымъ народомъ.

²⁾ Онъ начальствовалъ тамъ вспомогательною арміею Наполеону противъ Австрійцевъ, въ извѣстной войнѣ безъ сраженій. Миръ былъ заключенъ, армія мало-по-малу возвращалась, и онъ скончался въ минуту отъѣзда своего.

щаль ее. По старинному знакомству какъ съ нимъ, такъ и съ братьями, по пріятностямъ тогдашней свѣтской ихъ образованности, могъ я дѣйствительно домъ его почитать для себя отрадою; но, въ продолженіи пребыванія моего въ Пензѣ, не всегда мы ладили, какъ увидятъ послѣ.

Большая часть Пензенцевъ были отъ него безъ памяти, и какъ не быть? Послѣ смутныхъ временъ Крыжановскаго, имъ казалось, что насталъ для нихъ настоящій золотой вѣкъ: губернаторъ, еще молодой, красивый, ласковый, привѣтливый, принадлежащій къ княжескому роду, почитаемому однимъ изъ первыхъ въ Россіи, въ близкомъ родствѣ со всѣмъ, что Петербургъ являетъ высокаго и знатнаго при дворѣ. Обыкновенно эти люди, когда невзначай попадали въ провинцію, чтобы не остаться однимъ, поневолѣ сближались съ почетнѣйшими изъ ея жителей и совсѣмъ не скупились на любезности, которыми, по крайней мѣрѣ, въ прошедшее время они славились. Въ столицахъ дѣло было другое; не переставая быть учтивыми, ихъ обращеніе примѣтно дѣлалось холоднѣе со сдѣланными тамъ знакомствами, и наши добрые люди нивакъ не могли понять причинъ такой перемѣны. Итакъ, мои тщеславные земляки были очарованы: «ну, подлинно, говорили они, можно сказать, что баричъ такъ баричъ, не то что иной, другой какой-нибудь, нашъ братъ рядовой дворянинъ». Зная такъ давно и такъ коротко всю эту Голицынскую семью, я не могъ раздѣлять ихъ восторговъ, но и не думалъ стараться умѣрять ихъ.

«И какъ такому вельможѣ захотѣлось у насъ поселиться?» говоривали иные. Дѣйствительно, оно могло казаться страннымъ и тогда, а еще страннѣе нынѣ, когда губернаторскія мѣста болѣе упали въ общемъ мнѣніи. Восемнадцати лѣтъ былъ онъ уже генераль-майоромъ, генераль-адъютантомъ и докладчикомъ по военному вѣдомству при императорѣ Павлѣ; но какъ одинъ царскій капризъ создалъ его, такъ другой уничтожилъ, и никогда уже съ тѣхъ поръ не могъ онъ подняться. Когда при Александрѣ воротились всѣ изгнанные отцомъ его, то онъ сталъ проситься въ службу при особѣ Государя; нашли, что онъ годится только въ дѣйствительные камергеры; а какъ и это званіе почиталось тогда во сто разъ важнѣе, чѣмъ нынѣ, то онъ охотно его и принялъ. Замѣтивъ, что этотъ титулъ совсѣмъ не въ почетъ у новаго Царя, сталъ проситься въ военную службу прежнимъ чиномъ, и его приняли съ состояніемъ по арміи и съ нахожденіемъ при отцѣ, тогда Рижскомъ военномъ губернаторѣ; съ нимъ вмѣстѣ опять вышелъ онъ въ отставку. Послѣ того, во время первой милиціи 1807 года, не вступая въ дѣйствительную службу, находился онъ при немъ же по какимъ-то порученіямъ; но какъ, видно, знали, что онъ тутъ (какъ и вездѣ) ничего не дѣлалъ, то и сочли достаточнымъ дать ему Аннин-

ской крестъ на шею. Въ армію противъ Австрійцевъ съ отцомъ онъ не поѣхалъ, а остался при матери. Большаго свѣта онъ не любилъ, хотя въ немъ вездѣ былъ принятъ, но вовсе незамѣчаемъ. Государь, который его лично зналъ, былъ весьма плохаго мнѣнія объ его способностяхъ и только вслѣдствіе одного сильнаго ходатайства *), назначилъ его губернаторомъ, съ переименованіемъ однакоже въ дѣйствительные статскіе совѣтники. И наши Пензенцы находили, что онъ спустился на губернаторство.

Будучи малолѣтнимъ, около года прожилъ я у Голицыныхъ въ селѣ Казацкомъ и, кажется, довольно вѣрно изобразилъ характеръ княгини. Полагая, что того не забыли читавшіе меня, почитаю излишнимъ какъ повторять сказанное мною, такъ и указывать на него. Оба они, мать и сынъ, не очень любили видѣть равныхъ себѣ, ибо между ними находили по большей части превосходящихъ ихъ въ образованности. Гораздо пріятнѣе имъ было окружать себя существами подчиненными, подвластными; ей—деревенскими барынями и барскими барынями; ему, пока онъ ни надъ кѣмъ не начальствовалъ—избранными холопами, изъ которыхъ творилъ онъ собесѣдниковъ. Въ отдаленномъ краю, гдѣ сходятся двѣ губерніи, Саратовская и Тамбовская, и по соседству съ Пензенской, создала себѣ княгиня Голицына маленькое царство, которое, по назначеніи сына ея въ правители, чрезвычайно умножилось присоединеніемъ къ нему цѣлой губерніи.

Нашъ князь Григорій Пензенскій былъ аристократъ совсѣмъ особаго покроя, совершенно отличный отъ брата своего Θεодора, который настоящей тогдашней аристократіи служилъ образцомъ. Онъ находилъ, что не иначе можно блистать какъ въ столицѣ и при дворѣ; а какъ всѣ усилія ума его, котораго у него было довольно, къ тому были направлены, то онъ совершенно и успѣвалъ. Много способствовалъ ему выгодный бракъ съ единственною дочерью фельдмаршала князя Прозоровскаго, у которой было 14 тысячъ душъ, изъ коихъ послѣ едва ли осталась у нея десятая доля. Его ласково-вѣжливое обхожденіе не допускало однакоже никакой короткости съ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣть ея не хотѣлъ. Старшій же братъ, напротивъ, охотно балагурилъ, вралъ, полагая, что со всѣми можетъ безнаказанно быть фамиліаренъ. Онъ любилъ угощать у себя, попить, поѣсть, поплясать. По моему онъ былъ правъ: такими только манерами можно было тогда понравиться въ провинціи; grand-genre князя Θεодора тамъ бы не поняли. Два брата были вѣрнымъ изображеніемъ -- одинъ новѣйшаго ари-

*) Марья Аптовова Нарышкиной, которой мужъ, Дмитрій Львовичъ, былъ родной дядя жены Голицына.

стократизма, заимствованнаго у Запада, другой—стариннаго Русскаго барства. Только, къ сожалѣнію, легкомысліемъ, прихотями, странностями онъ совсѣмъ не походилъ на древнихъ бояръ, которые отъ толпы обязанности были отличатся основательностію въ мысляхъ, обдуманностію въ вступкахъ.

Нашъ губернаторъ былъ чрезвычайный оригиналъ, и главные черты его характера непременно я долженъ здѣсь представить. Съ природною смышленностію, Русскіе равно способны и къ изобрѣтательности, и къ переимчивости; но съ природною же ихъ лѣтню и съ навыками, которые даны имъ лѣтъ полтораста тому назадъ, превратились они совершенно въ постоянныхъ подражателей всего западнаго. Въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе есть что-то обезьянное, кого-нибудь или что-нибудь должны мы непременно копировать; нашъ Голицынъ всѣхъ насъ превзошелъ, избравъ себѣ не одинъ, а нѣсколько образцовъ. Ему было лѣтъ двѣнадцать, когда умеръ дѣдушка Потемкинъ; онъ очень хорошо могъ помнитъ открытую грудь, босыя ноги, халатъ на распашку, въ которомъ принималъ онъ первыхъ вельможъ, сырыя рѣпу и морковь, которыя, всѣмъ пресыщенный, при нихъ же онъ грызаль; помнилъ также царскую его представительность и всѣ алмазы Востока, коими потомъ онъ осыпался. До губернаторства не имѣлъ онъ случая, подобно ему, являть попеременно такую простоту и такое величіе. Жаль только, что онъ не имѣлъ сокровищъ, коими владѣлъ его дѣдъ образецъ: изъ десяти тысячъ душъ, послѣ смерти отца раздѣленныхъ между семью братьями, на долю его досталось не слишкомъ огромное состояніе, и онъ проматывалъ его, стараясь, елико возможно, не отставать отъ великолѣпнаго князя Тавриды.

Извѣстно, что императоръ Александръ умѣлъ скрывать свой гнѣвъ и народу являлъ всегда одну милостивую улыбку. И это довольно удачно умѣли мы перенять. По воскреснымъ днямъ, вмѣсто собора, князь съ своею княгиней предпочиталъ ѣздить къ обѣднѣ въ женскій монастырь; тамъ отъ святыхъ воротъ до храма было пространство, которое надобно было проходить пѣшкомъ и которое наполнено бывало народомъ, и онъ шествовалъ объ руку съ супругою, ласково кланаясь направо и налево восторженной толпѣ. Княгиня Катерина Ивановна, жена его, урожденная Сологубъ, своею кротостію и благовидностію, совсѣмъ не думая о томъ, была дѣйствительно сколкомъ съ Елисаветы Алексѣевны.

Онъ любилъ ее и уважалъ и всегда былъ ей вѣренъ, но полагалъ, что владѣтельной особѣ для вида необходимо имѣть метрессъ, какъ ихъ тогда называли. Онъ слыхалъ о Лудовикѣ XIV, и кто же изъ находившихся тогда при дворѣ не слыхалъ о немъ? Двѣ пожилыя женщины, одна вдова, другая дѣва, влюбились въ князя, и онъ обра-

довался тому, какъ способу въ глазахъ свѣта — сихъ мнимыхъ наложницъ выдавать за настоящихъ.

Родъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ въ Русскихъ родословныхъ книгахъ. Послѣдній, кажется, изъ него, надворный совѣтникъ, Левъ Васильевичъ жилъ въ Пензѣ. Онъ былъ старичишка весьма неглупый, маленькаго роста, съ маленькимъ въ морщинахъ лицомъ и съ сверкающими плутовскими сѣрыми глазами. Извѣстенъ былъ онъ какъ сряга, ростовщикъ и безстыдный подлецъ, который, искусно раздражая своихъ должниковъ, часто терпѣлъ отъ нихъ побои, дабы заставить ихъ постѣ заплатить себѣ за безчестіе и увѣчье. Зато отъ 150 душъ нажилъ онъ болѣе тысячи и вмѣстѣ съ полумиліономъ денегъ оставилъ ихъ меньшому сыну и дѣтямъ вдовы старшаго. Эта вдова, опекуна малолѣтныхъ наслѣдниковъ, Александра Степановна урожденная Топорнина, была дѣйствительно топорной работы, баба здоровенная, провинціалка съ ногъ до головы и, кажись простая, но какъ говорили тогда, себѣ на умѣ. При жизни свекора, который умеръ не задолго до прибытія Голицына и который ей ничего не давалъ, съ собственнымъ малымъ состояніемъ, жила она скромно, скудно, объ ней мало было слышно, и презрѣніе къ покойному, ею совсѣмъ незаслуженное, какъ будто разливалось и на нее. Тутъ она воспрянула: замѣтивъ, что Голицыну очень хочется, чтобы его обожали, стала прехладнокровно его обожать, начала для него дѣлать объѣды, принимать гостей; за то онъ пожаловалъ ее маркизою де-Монтеспанъ, и помнится я подсунулъ ему этотъ титулъ. Она всегда составляла его партію въ бостонъ, и какъ лучше его играла, то всегда обыгрывала; сверхъ того, давала ему деньги взаймы, только за высокіе проценты и на вѣрные векселя, за что къ первому ея титулу онъ прибавилъ второй, мадамъ ла-Рессурсъ. Вотъ, кажется, чѣмъ ограничивались любовныя связи Монтеспанъ съ Пензенскимъ Лудовикомъ. Ни про нее, ни про ея свекора, я доселѣ ни слова не сказалъ; но Пензенское дворянство неисчислимо и, право, всѣхъ не припомнишь.

Другая связь была гораздо интереснѣе. Сестрѣ многорѣченнаго въ предыдущей части Алексѣя Даниловича Копіева, дѣвигъ Александрѣ Даниловнѣ, было гораздо за сорокъ лѣтъ; нескромная толщина тѣла и смуглость ея не молодили, но для пылкихъ сердець нѣтъ возраста. Въ молодости она полюбила какого-то маіора Неймича, а смерть похитила ея возлюбленнаго, когда онъ готовился быть ей супругомъ. Убитая горестію, она хотѣла идти въ монастырь, убѣжище всѣхъ мученицъ чувствительности. Чтобы приготовить себя къ тому, оставила она свѣтъ, надѣла черное платье, постомъ и молитвой старалась заглушить память объ ожидавшемъ ее блаженствѣ; устремившись мыслію къ Богу,

надѣялась забыть боготворимаго. Время, видно, истребляетъ всѣ впечатлѣнія, всѣ воспоминанія (кромя моихъ). Оно успокоило ея сердце, а свѣтъ приманилъ ее опять къ себѣ, но когда плѣняться ей было еще легко, а плѣнять уже поздно. Никогда еще у брата съ сестрой не было менѣе сходства, какъ у этихъ Копіевыхъ. Она была тиха, скромна и до того не злорѣчива, что когда одинъ разъ при ней стали говорить о человѣкѣ уличенномъ въ отцеубійствѣ, она вскрикнула: ахъ какъ онъ дурно сдѣлалъ! Никого не могла она ненавидѣть, но за то слишкомъ расположена была любить. Чтеніе Французскихъ романовъ пуще воспламенило оя воображеніе; въ мнѣніи ея мадамъ Жанлисъ оспаривала первенство у мадамъ Сталь и всегда одерживала верхъ; главною же ея любимицею была мадамъ Коттенъ. Уважая ея добрыя, милыя свойства, никто изъ провинціаловъ не хотѣлъ замѣтить ея смѣшной стороны и для потѣхи показать чувство, котораго не имѣлъ. Напрасно: это оживило бы ея тоскливое существованіе. Наконецъ явился спаситель, — это былъ Голицынъ. Возбужденною въ ней страстію онъ гордился, смѣялся надъ ней, выставялъ ее на позоръ, а она не въ силахъ была ее скрывать. Она вся предалась ей; не суждено было ей узнать сущности любви, она прилѣпилась къ ея призраку. Въ умѣ у нея недостатка не было, и онъ должна была замѣтить, что все это вздоръ и что она сдѣлалась посмѣшищемъ цѣлаго города; но что дѣлать, такъ и быть! Она тѣшилась въ мечтахъ и, казалось, говорила: обманывай, обманывай меня, ради Бога не переставай! Ее посвятилъ онъ въ дѣвицы ла-Валлиеръ. И, что всего забавнѣе, онъ заставлялъ жену показывать чрезвычайную холодность къ обѣимъ симъ дамамъ. Я воображаю, какъ этой почтенной женщины тяжело было въ утѣжденіе ему дурачиться.

Продолжая примѣры свои братъ свысока, онъ захотѣлъ быть и преобразователемъ Пензы, какъ Пегръ Великій. Въ чемъ же состояли предпріятыя имъ перемѣны? Онъ нацѣлъ въ одеждѣ мушкетеръ и женщизнѣ много отсталого, запоздалого; легкими, но часто повторяемыми шутками насчетъ ихъ нарядовъ онъ многихъ заставилъ переодѣться по модѣ. Странность экипажей также не избѣгла его замѣчаній и насмѣшекъ; скоро начали исчезать старыя колымаги и четверомѣстные дрожки-линейки, столь удобныя для живущихъ въ провинціи недостаточныхъ семействъ. Всѣ крѣпко держались привилегіи, данной первымъ чинамъ до статскаго совѣтника включительно, ѣздить цугомъ или шестерней; штабъ офицеры ѣздили четверней, а оберъ-офицеры не смѣли у себя впрягать болѣе пары лошадей; тутъ было нужно нѣчто похожее на насиліе, чтобъ у пятиклассныхъ отпречь пару и припречь ее къ каретамъ людей четырнадцатаго класса. У этого человѣка ни о

чемъ настоящаго понятія не было. Такимъ образомъ, съ одной стороны, стараясь распространить все новосвѣтское, съ другой онъ любилъ держиваться старины, во всемъ чтò только могло умножить личное его величїе. О святкахъ всегда создавалъ онъ маскарады и на нихъ являлся одинъ безъ маски, въ богатомъ длинномъ платьѣ старинныхъ Русскихъ бояръ, стараясь разыгрывать ихъ роль, тогда какъ всѣ другїе, въ угожденіе ему, были въ личинахъ и какъ можно шутовски наряжены: ему казалось, что все это дворня, которая на игрищѣ тѣшитъ своего боярина. А иногда такъ у себя дома облакался онъ въ тотъ же аксамитъ, бархатъ и парчу. Сїятельный изволить тѣшиться, говорили иные съ подбострастіемъ, а нѣкоторые уже съ насмѣшливою улыбкой.

Куда какой онъ былъ затѣйникъ, этотъ князь Григорій Сергѣевичъ! Кого бы вы думали поставилъ онъ въ число образцовъ своихъ? Давида, Іудейскаго царя-пророка. Въ первой молодости, говорятъ, выучился онъ довольно изрядно играть на арфѣ, потомъ бросилъ ее, и на губернаторствѣ уже, видно отъ нечего дѣлать, принялся опять за сіе музыкальное искусство. По утрамъ находили его иногда въ какомъ-то костюмѣ, драпированнаго, за этимъ инструментомъ, съ звуками коего сочеталъ онъ голосъ свой и на напѣвы разныхъ пѣсень или арїй, *При доминунтѣ стояла, Выйду-ль я на рыченьку* или *Lison dortait dans un bocage*, воспѣвалъ онъ псалмы. Вообще онъ имѣлъ небольшую склонность къ набожности, а вкусъ къ церковнымъ обрядамъ. Въ деревнѣ, какъ увѣряли, наряжалъ самого себя и любимѣйшихъ слугъ въ стихари, пѣвалъ съ ними на клиросѣ и читалъ апостольскія посланія. Утверждали, что онъ читаетъ духовныя книги; я увѣренъ, что одинъ только литургическія, за то уже другихъ никакихъ въ руки не бралъ. Съ этой стороны, то есть со стороны любви къ церковно-служительству, опять сближался онъ въ сходствѣ съ высокомощнымъ дѣдомъ своимъ.

Нужно ли говорить, что онъ составилъ себѣ дворъ? Между прочимъ для молодецкихъ писцовъ канцеляріи своей, изъ низкаго происхожденія, нанялъ онъ гдѣ-то танцмейстера, одѣлъ ихъ на свой счетъ и представилъ въ свѣтъ, гдѣ всѣ дѣвицы обязаны были съ ними танцовать. Онъ называлъ ихъ своими камеръ-юнкерами, и они отличались отъ другихъ однообразнымъ цвѣтомъ жилетовъ. Секретарь жаловался, что некому переписывать въ канцеляріи, что они ничего дѣлать не хотятъ; онъ велѣлъ набрать другихъ, ихъ считать сверхъ штата, и далъ имъ отъ себя содержаніе.

Всему, чтò до него относилось, умѣлъ онъ давать какой-то державный видъ. Заеможетъ ли у него жена, по всѣмъ церквамъ велитъ онъ служить молебствія о ея выздоровленіи. Родится ли у него сынъ,

онъ своеручно пишетъ церемоніаль его крестить: отъ губернаторскаго дома до собора, по улицѣ, несутъ младенца на подушкѣ, окруженнаго разряженными повивальною бабкой, нянькою, кормилицей и для прислуги дѣвочкою; впереди и сзади два ливрейные лакея; курьеръ открываетъ шествіе, другой замыкаетъ его. Весною, при отправленіи въ Зубриловку (за 130 верстъ), семейства, свиты, живущихъ, дворни и конышни, соблюдались также официальные формы, составлялся также маршрутъ, повѣзъ дѣлился на три отдѣленія, назначались роздыхи, ночлеги, и по дорогѣ рассылались копии съ письменнаго распоряженія.

При такихъ мелочныхъ, но многообразныхъ занятіяхъ, когда ему было входить въ дѣла по управленію губерніей? Онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ. Тотъ же плутъ Арфаловъ, уже не секретарь губернаторскій, а совѣтникъ Губернскаго Правленія, который вкрался въ довѣренность къ отцу моему, который сдружился съ Крыжановскимъ, при немъ самовластно всѣмъ заправлялъ.

Человѣкъ этотъ былъ и не глупый и не злой; умнымъ и добрымъ опять назвать было его нельзя. Да чтѣ же былъ онъ? Да такъ, Богъ знаетъ что-то такое. Только утвердительно могу сказать, что въ немъ не было ни искры чувства, ни капли разсудка. Прокажамъ, причудамъ его не было конца. Меня, признаюсь, часто онъ весьма забавлялъ; но иногда, глядя на нихъ, становилось и досадно, и скучно.

Съ удивленіемъ должно замѣтить, что всѣ члены не одного этого семейства, но всего многочисленнаго, безчисленнаго рода Голицыныхъ, болѣе или менѣе, всѣ на одинъ покровъ: довольно не глупы, иные весьма остроумны, веселонравны, храбры, услужливы; все это прекрасно... Правда, когда загорится война, они бросаются въ службу, во многихъ изъ нихъ удаливость пробуждается; видно, что кровь Литовскихъ героев кипитъ еще въ ихъ жилахъ; но настанетъ миръ, они погружаются въ прежнюю праздность. Это напоминаетъ дикія времена ихъ великихъ предковъ; но въ нынѣшній вѣкъ, именующій себя просвѣщеннымъ, не совсѣмъ это ловко. Весьма немногіе изъ нихъ (а ихъ такъ много!) пытались быть поѣтами, музыкантами, даже живописцами; ни одинъ не сталъ выше посредственности, ни одинъ не обѣщаетъ Россіи хорошаго полководца или искуснаго государственнаго человѣка. Я все говорю не о прошедшемъ, а объ настоящемъ.

Нѣкоторые изъ внуковъ Гедемина явились при Василіѣ Дмитриевичѣ въ Московской Россіи, когда, послѣ кроваваго хаоса, начинала понемногу принимать она тѣнь устройства. Сперва женились они на дочеряхъ великокняжескихъ, сроднились потомъ съ другими Русскими князьями и породили Голицыныхъ, Куракиныхъ, Корецкихъ, Трубецкихъ и иныхъ. Впослѣдствіи потомство ихъ, размножаясь, стало на-

равнѣ, ни выше, ни ниже другихъ княжескихъ семействъ племени Рюрикова. Въ исторіи Голицыныхъ что-то не видать *) до правленія Софіи Алексѣевны; при ней любимецъ ея Василій Васильевичъ между ними вдругъ выросъ, какъ великанъ. Могущество его въ государствѣ равнялось силѣ его ума. Сія чета должна была вмѣстѣ пасть въ борьбѣ съ юношей сильнѣе ея и гениемъ и правами. Карая достойныхъ его противниковъ, Петръ Великій всѣми мѣрами возвышалъ крѣпкихъ мужей, сподвижниковъ своихъ, какъ всѣ великіе государи, которые не страшатся соперничества съ необыкновенными людьми своего государства. При немъ два брата, близкіе родственники погубленнаго имъ Голицына, заняли первыя мѣста, одинъ въ арміи, другой во флотѣ, оба въ думѣ государственной; онъ осыпалъ ихъ богатствами, а они покрыли себя славою, коей блескъ разлился на всѣхъ однофамильцевъ ихъ, тогда еще не столь многочисленныхъ. Пять лѣтъ послѣ его кончины воцарилась Анна Ивановна; при ней руссофобистнигы Виронъ между Русскими искалъ преимущественно высокихъ жертвъ; имя Голицыныхъ паче другихъ тогда вознеслось, и казнь и заточеніе сдѣлались удѣломъ главнѣйшихъ изъ нихъ. За то наступило для нихъ время новаго рода знаменитости, всенародной любви и участія. Пережившіе жестокія гоненія съ торжествомъ возвратились ко двору Елисаветы. Съ тѣхъ поръ ихъ порода примѣтно стала меркнуть, хотя еще далеко было до нынѣшняго полнаго ея затмѣнія: они все болѣе плодились и мелѣли. Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія только трое изъ нихъ сдѣлались извѣстными: первый фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ, котораго по доказанному неискустству пришлось отозвать отъ начальствованія арміей, не смотря на взятіе имъ приступомъ пустаго, никѣмъ не защищаемаго Хотина съ брошенными пушками; другой также князь Александръ Михайловичъ, плохой дипломатъ, котораго изъ вице-канцлеровъ перевели въ оберъ-камергеры; наконецъ, третій князь Сергій Ѳедоровичъ, отлично храбрый генералъ, котораго судьба, къ счастью или къ несчастію его, никогда не допустила показать себя хорошимъ полководцемъ. Еще былъ четвертый князь Дмитрій Михайловичъ; честь и хвала ему, воздвигнувшему себя памятникъ—Московскую Голицынскую больницу.

Взысканные царскими милостями, обогащаемые царскими щедротами, немногіе изъ нихъ умѣли по крайней мѣрѣ умножать собою блескъ

*) Я быдо забылъ, что послѣ Годунова, Лжедмитрія и Шуйскаго, былъ одинъ Голицынъ въ числѣ искателей Русскаго престола, тогда какъ смѣшная его претензія никѣмъ не была поддержана, тогда какъ Мстиславскій, правитель Россіи и Пожарскій, спаситель ея, не дерзнулъ посягнуть на то.

двора. Вънъ Екатерины былъ для нихъ особенно пагубенъ именно по-
тому, что она особенно къ нимъ благоволила. Не смотря на ея фило-
софованіе, въ Царскомъ Селѣ ей хотѣлось Версали; въ ея угожде-
ніе изъ Голицыныхъ богатая молодежь развѣздила по чужимъ краямъ
и во Франціи обрѣла рай, по возвращеніи же награждаема была ка-
мергерствомъ и камеръ-юнкерствомъ. Изъ-за границы вывели они но-
вую понятія о преимуществахъ аристократіи и стали почитать себя по
крайней мѣрѣ наравнѣ съ двоками и пѣрами той земли, гдѣ ихъ вели-
чали принцами; начали, и не одни, свой новый аристократизмъ прила-
живать къ Русскому боярству; начали явно пренебрегать не столько
еще простымъ народомъ, какъ мелкими, хотя бы и старинными дворя-
нами и стараться понизить ихъ до своей домашней прислуги, которую,
выводя въ мелкіе чины, старались съ ними сравнивать. Въ ихъ предпрія-
тіяхъ большою помощницею была княгиня Наталья Петровна, умная и
гордая женщина; съ твердымъ, даже крутымъ нравомъ, вошедшая въ
ихъ семейство; она лучше всякаго мужчины умѣла поддержать на нѣ-
которой высотѣ родъ ихъ, клонившійся къ паденію. Они, не думая о
томъ, хотѣли вводить къ намъ все то, что, раздражая самолюбіе сред-
нихъ классовъ, породило ужасную революцію 1789-го года.

А между тѣмъ нѣкоторыя отдаленныя вѣтви и тогда уже не цвѣ-
ли, а прозябали пустоцвѣтомъ въ провинціяхъ, вдали отъ твердаго еще
своего корня. Въ Саранскѣ было пять бѣдныхъ Голицыныхъ, родныхъ
братьевъ и двоюродныхъ князю Сергію Θεодоровичу, изъ которыхъ
трое не служили. А какъ они, такъ и другіе неимущіе ихъ соплемен-
ники, не смотря на свою малозначительность, кичились своимъ име-
немъ и полагали, что послѣ императорской фамиліи ихъ родъ есть пер-
вый въ Россіи! Кто это вложилъ имъ въ голову? И не странно-ли, что
съ такими предразсудками соименные имъ, счастливые и могущіе въ
Петербурѣ, безъ всякой причины чуждаются ихъ? Сколько разъ при-
ходилось мнѣ отъ нихъ слышать: «да, они» тоже Голицыны, да только
не изъ тѣхъ! — Да изъ какихъ же? Лѣнь, тщеславіе и мысль, что
ихъ имя выше достоинства, приобретаемыхъ заслугами, все болѣе и
болѣе отдаляютъ ихъ отъ дороги, по которой могли бы они дойти до
прежней высоты. Множатся же они не по-княжески, а по-мѣщански.
Потому-то части богатаго наслѣдства предковъ едва ли доходятъ до
третьяго поколѣнія, отъ безпрестаннаго дѣлежа, отъ безразсудности,
неразсчетливости, неимовѣрной жажды къ наслажденіямъ, однимъ сло-
вомъ отъ морозства потомковъ. Особенное свойство этого уже не ро-
да, а народа, есть страсть не столько къ женщинамъ, какъ къ же-
нидбѣ, какое-то матримоніальное бѣшенство, которое впрочемъ чрез-
вычайно для нихъ бываетъ полезно: жендѣба всегда восстанавливаетъ

разрушенное ихъ состояніе. Можно, но трудно найти Нѣмца или Голицына, который бы женился не по расчету, на бѣдной дѣвицѣ; они такъ стерегутъ богатыхъ невѣсть, какъ Ливонія и Литва въ старину добычи всегда искали въ Россіи. Имя Голицыныхъ, не смотря на то, что носящимъ его скоро нужно будетъ сдѣлать особую перепись или ревизію, и понынѣ имѣетъ еще нѣкоторую цѣну въ глазахъ провинціаловъ, хотя съ другой стороны насмѣшливыя прозвища рябчиковъ, куликовъ показываютъ, что она много понизилась. И хотя бы брачными союзами приобретаемыя имѣнія сохранялись въ родѣ! Но нѣтъ, они также истребляются для поддержанія великаго имени великою роскошью. Наконецъ, чтó такое нынѣ Голицыны? Люди, которые, не хотѣвши знать ни подчиненности, ни трудовъ, ни порядка, по полученіи первыхъ офицерскихъ чиновъ оставляютъ службу, женятся, чванятся женинымъ имѣніемъ, проживаютъ его, множатся и плодятся. У одного князя Григорія Сергѣевича, о которомъ я здѣсь такъ много говорилъ, пять сыновей мадочиночныхъ, отставныхъ, женатыхъ, невоздержныхъ и плодородныхъ. Всѣ вкупѣ представляютъ они нѣчто, какъ бы чудище обло, озорно, о тысячѣ зѣвахъ, поглощающихъ плоды долголѣтнихъ усилій трудолюбивыхъ семействъ, но которые насытить его не могутъ; или какъ бы все ширѣющій каналъ, чрезъ который богатства земли только что протекаютъ. Въ этомъ только отношеніи конечно они полезны государству; ибо, приводя въ движеніе расточаемые ими капиталы, они способствуютъ развитію промышленности; да сверхъ того, при безпрестанномъ переводѣ имѣній изъ рукъ въ руки, пошлинами обогащаютъ казну. И пусть бы, такъ и быть, разорались сами въ Россіи; этого имъ мало: съ нѣкотораго времени начали они и ее разорять. Самые богатѣйшіе изъ нихъ *) продаютъ здѣсь свои имѣнія, селятся за границей, переводятъ туда миліоны и передаютъ ихъ въ руки Іезуитовъ, лютейшихъ враговъ Православія. Если между Русскими захотите узнать измѣнниковъ вѣрѣ отцовъ своихъ, не ищите ихъ въ другихъ семействахъ, ихъ тамъ нѣтъ; всѣхъ найдете вы между одними Голицыными обоего пола.

Увы, все, чтó сказала я о сихъ падшихъ, до нѣкоторой степени можетъ относиться и до большей половины моихъ соотечественниковъ изъ дворянъ, почитающихъ себя просвѣщенными, разумѣется только въ гораздо уменьшенномъ видѣ.

Вся эта Голицынская исторія приводитъ насъ къ вопросу, кото-

*) Родные племянники и единственные наслѣдники нашего Креза, бездѣтнаго князя, Сергія Михайловича, который необыкновеннымъ добросердечіемъ заставляетъ часто забывать глупую снѣдь свою.

рый неоднократно самъ себѣ и другимъ я дѣлалъ и который ни я, ни они никакъ разрѣшить не могли: въ чемъ состоитъ у насъ знатность, аристократія или высшее сословіе? То, что подъ симъ именемъ разумѣютъ на Западѣ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы у себя называемъ вельможествомъ. Тамъ оно вѣками утвержденное, хотя въ иныхъ мѣстахъ пошатнувшееся, но все еще довольно прочно существующее состояніе; оно имѣетъ смыслъ: у насъ оно состояніе переходящее. Тамъ оно—зѣмокъ въ развалинахъ, у насъ оно—великолѣпная палатка.

Когда Германскія Готскія племена стали нападать на поработанные Римомъ народы, они совсѣмъ не сильны были числомъ: силу свою получали они отъ воли Всевышняго; ихъ отчаянную храбрость избрала она какъ орудіе для сокрушенія человѣческой гордости, злости и пороковъ, олицетворенныхъ обладателями тогдашняго міра. Жители Галліи, Испаніи, Лузитаніи, части Британіи и, наконецъ, самой Италіи, раздавленные Римскимъ ярмомъ, потеряли энергію предковъ, не могли долго сопротивляться дикимъ варварамъ Сѣвера и перешли подъ новое иго. Началъ исчезать весь прежній бытъ, и съ нимъ вмѣстѣ названія патриціевъ и плебеевъ; ихъ замѣнили названія завоевателей и завоеванныхъ. Первые послѣднихъ начали дѣлать какъ стада, но только съ Нѣмецкою точностію, съ своимъ особымъ законодательствомъ, и составили феодализмъ. Главные ихъ предводители, нѣсколько олатинившись, начали охотно изъ кениговъ, герцоговъ и графовъ переименовывать себя въ рексы, дуки и комесы. Всѣ эти народныя волны, всемірною бурей на высоты земныя вознесенныя, на нихъ остались и какъ будто окаменѣли. Главные вассалы, вспомнивъ, что предки ихъ, во время завоеванія, повиновались королямъ, какъ равные старшему или главному между ними и, пользуясь слабостію Карловинговъ, сдѣлались почти независимы; въ свою очередь ихъ подвассалы (*arrières-vassaux*) также безусловно имъ покорились; вся Европа покрылась безчисленными, разностепенными, крупными и мелкими государствами. На прочномъ основаніи воздвигнутое Готическое зданіе устояло противъ дѣйствія времени, простояло десять столѣтій. Наконецъ, и давно уже (первоначально во Франціи) гордые и хищные бароны стали покидать свои каменные гнѣзда; опустѣвшіе послѣ нихъ зѣмки, нѣкогда устрашавшіе путешниковъ, нынѣ плѣняютъ ихъ взоры. Подобно кризалидѣ, перерождающейся въ мотылька, сбросивъ рыцарскія латы, превратились они въ напудренныхъ, раздушенныхъ маркизовъ, въ шитыхъ бархатныхъ кафтаныхъ, въ шелковыхъ чулкахъ, съ фарфоровыми шпагами и красными каблуками. Но и тутъ названія провинцій, городовъ и зѣмковъ, ими носимыя, богатства, сохранившіяся посредствомъ майоратовъ, блескъ

двора, въ коемъ наслѣдственно занимали они первыя мѣста, долго внушали къ нимъ невольное уваженіе другихъ сословій, пока развратъ и мотовство совсѣмъ не уронили ихъ въ общемъ мнѣшій еще до начала революціи. Нынѣ они почтенны въ глазахъ моихъ, когда противъ всѣхъ упорно защищаютъ древнія права свои еще не столько изъ тщеславія, какъ по священной обязанности, завѣщанной имъ предками.

То ли же самое было въ Россіи? При рожденіи ея, какихъ иноземцовъ покорили мы или къмъ были покорены? Новгородцы добровольно призвали Рюрика съ горстью Варягъ, чтобы защищалъ ихъ и водворилъ между ними правосудіе. Преемникъ его съ умножившеюся дружиною быстро и безвозбранно протегъ всю нашу землю до Кіева, гдѣ встрѣтилъ первое сопротивленіе, и изо всѣхъ племенъ Славянскихъ отъ Сѣвера до Юга разомъ сплотилъ великую Россію; его наслѣдники между Славянскими же народами расширили ее на Западъ и на Востокъ. Но какими особенными правами пользовались малочисленные сподвижники Олега, Игоря и Святослава? И гдѣ ихъ потомство? Въ родословныхъ книгахъ находимъ мы только Одинцовыхъ да Блудовыхъ, которые показаны изъ Кіевлянъ; всѣ прочіе пришельцы позднѣйшихъ временъ, кто изъ Татаръ, кто будто изъ Рима, будто изъ Англій; все какіе нибудь фигляры, потѣшники великихъ князей или мастеровой народъ, имъ такъ нужный. Столь сильный сперва Рюриковъ родъ одинъ умѣлъ удержать за собою верховную власть. Такъ тому и слѣдовало быть. Славянскіе народы, послѣдніе выходцы изъ невѣдомыхъ странъ Востока и Азіи, сохраняли ихъ духъ и вѣрованія: великихъ завоевателей принимали за боговъ, въ однихъ потомкахъ ихъ видѣли нѣчто божественное, отдѣляющее ихъ отъ земнородныхъ и возвышающее ихъ надъ ними. Такъ было нѣкогда съ Арзасидами, такъ было съ потомствомъ Чингисъ-Хана, съ Гиреями въ Крыму, такъ существуетъ нынѣ Оттоманскій домъ: имъ однимъ предоставлены священныя наслѣдственныя права. Въ правителяхъ же областей, въ военачальникахъ своихъ видѣлъ всегда народъ равныхъ себѣ людей, временно, случайно надъ нимъ поставленныхъ, дуновеніемъ вѣщеносцевъ созданныхъ. Сами вольные Новгородцы, нѣсколько сблизившіеся съ германизмомъ, чрезъ торговлю съ Ганзой и сосѣдство съ Ливоніей, преимущественно избирали въ князья или предводители войска помочковъ нѣкогда избраннаго ими Рюрика.

Эти Рюриковичи, сыны небесъ въ глазахъ предковъ нашихъ, къ несчастію Россіи и ихъ потомства, имѣли чрезвычайно производительную силу и были слишкомъ чадолубивы. Безпрестанно раздробляемыя ими владѣнія между дѣтей составили удѣлизмъ, нѣчто похожее на феодализмъ Запада. Татары еще не положили ему конца, но только на-

чали дѣло, довершенное Іоанномъ III-мъ Сей гордый властелинъ, почитавшій себя наслѣдникомъ Византійскаго престола, послѣдній удѣлъ истребившій, хотѣлъ поставить неизмѣримое пространство между собою и единокровными мелкими князьями, дабы заставить ихъ даже забыть, что они одного съ нимъ происхожденія. Въ этомъ случаѣ онъ похожъ былъ на людей изъ низваго состоянія, заслугами или Фортуной на высокую степень возведенныхъ, которые гнушаются своими родственниками. По крайней мѣрѣ ни съ однимъ изъ нихъ не хотѣлъ онъ вступить въ ближайшее родство: сперва женился на дочери послѣдняго владѣтельнаго Тверскаго князя, почти ему равносильнаго; во второй бракъ вступилъ съ извѣстною Софіею Фоминишною, племянницею послѣдняго Восточнаго императора Константина Палеолога; старшаго сына женилъ на дочери еще сильнаго владѣтельнаго государя Молдавскаго Стефана Воеводы. Онъ старался князьковъ вдвигать въ толпы другихъ своихъ подданныхъ, и это не трудно было ему сдѣлать: во время двухвѣковаго владычества Татаръ, они не переставали размножаться, бѣднѣть отъ безпрестанныхъ поборовъ, которые истощали тогда Россію, и до того упали въ народномъ мнѣніи, что подобно простолюдинамъ стали получать отъ него прозвища, которыя перешли къ ихъ потомству такъ напримѣръ: Лыко, Вуйнось, Касатка, Гагара, Тюфякъ, Голица. Княжескій титулъ до того сдѣлался пошлымъ, что многія семейства сами собою отъ него отказались, какъ напримѣръ Татищевы, Ржевскіе, Всеволожскіе, Еропкины *). Всенародное обожаніе осталось одной счастливой вѣтви великихъ князей Московскихъ; даже самыя жестокости Іоанна IV-го почитались народомъ исполненіемъ воли Божіей, Его наказаніемъ. Когда царскій родъ внезапно прекратился смертію Феодора Іоанновича, какого князя пожелали Русскіе видѣть на престолѣ? Ни объ одномъ даже не подумали они; всѣ бросились къ простому боярину, честолюбивому шурину послѣдняго царя. Вдругъ слухъ прошелъ, что священная для нихъ кровь не изсякла, что живъ еще сынъ бича ихъ; съ какою неизмовѣрною радостію, съ какимъ легковѣріемъ ухватились они за тѣнь его, и возстали на стараго и мудраго правителя своего. Обманъ открылся стараніями одного хитраго князя; тогда съ остервененіемъ, равнымъ ихъ недавнимъ восторгамъ, сокрушили они кумиръ свой. На-скоро, не одумавшись, на его мѣсто посадили они возмутившаго ихъ князя, и не потому что онъ былъ

*) Немногія княжескія фамиліи, всего пять или шесть, сохранили названія городовъ, коими владѣли ихъ предки Одоевскіе, Козловскіе, Елецкіе, Волховскіе, Звенигородскіе, Вяземскіе. Говорятъ, что въ Польшѣ можно найти еще Шуйскіе. Нѣкоторые стали въ послѣдствіи къ прованіямъ имъ даннымъ прибавлять имена городовъ Рязова, Вязоверска и Мосальска.

князь, а потому что онъ первый имъ попался. За то неповиновеніемъ, презрѣніемъ къ его власти четыре года казнили они его на тронѣ и безжалостно предали его въ руки враговъ своихъ. Дѣло почти неслышанное въ исторіи Русской, чтобы подданные были гонителями своихъ государей. А что перетерпѣли отъ нихъ Годуновы, Лжедимитрій и Шуйскій? Они видѣли въ нихъ святотатцевъ (сперва по ихъ же желанію), осквернившихъ собою мѣсто, принадлежащее одному роду, Богомъ избранному, престолъ, подъ названіемъ котораго равно мы разумѣмъ и тронъ, и алтарь. Среди всеобщаго волненія, когда Россія безъ кормчаго неслась прямо въ бездну, кому рѣшились вручить кормило? Были воеводы сильные княжескаго рода, освободившіе Москву отъ Поляковъ, Пожарскій, Трубецкой; объ нихъ никто и не заикнулся. Изъ стѣнъ монастыря извлекли испуганнаго отрока, ни отъ Рюрика, ни отъ Гедимина не происходящаго. Но онъ былъ по тогдашнему родочисленію внукомъ царицы Анастасіи, коей добродѣтели жили еще въ памяти народной; онъ былъ двоюродный племянникъ кроткаго, христіюлюбиваго, послѣдняго законнаго царя; онъ былъ сынъ посвятившаго себя Церкви мученика, измѣнически похищеннаго ненавистными Поляками, и почитенной инокини, въ страхъ Божию воспитавшей его; онъ казался Россіи какъ бы весь озаренный небесною благодатію. Въ страшныя години народъ Русскій мало ждетъ помощи отъ людей, а молить о ней Всевышняго; избраніе Романова было дѣломъ вѣры, и въ этомъ случаѣ сбылись слова Господни: «Вѣра твоя спасетъ тя». Въ дни безначалія, всякій имѣлъ право оспорить этотъ выборъ; но радостныя вопли миліоновъ людей подтвердили его.

При Романовыхъ князья начали опять подыматься. Какъ юный Михайлъ, такъ и преемники его, чувствовали себя слишкомъ прочно утвердившимися, чтобы мысль о какомъ либо съ ними соперничествѣ не показалась имъ безумною, даже для нихъ обидною. Однакоже и при нихъ никакими особыми преимуществами передъ другими они не пользовались, и въ старинныхъ дѣлахъ мы часто находимъ, что князь на боярина и бояринъ на князя бьетъ челомъ за мѣсто. Счастливыя войны, которыя велъ уже Алексѣй Михайловичъ, а еще болѣе сынъ его, дали имъ средства подѣлиться завоеваннымъ съ храбрыми князьями, участвовавшими въ ихъ побѣдахъ. Вотъ начало ихъ новаго богатства; другіе же не столь чистые источники, изъ коихъ черпали они золото, были воеводства и намѣстничества, на которыя ихъ часто сажали. Петръ Великій многихъ изъ нихъ насильно сталъ посылать путешествовать за границу (охота же ему была!), имъ стерпѣлось и слюбилось. Тамъ познакомились они съ Польскими магнатами, съ Нѣмецкими маркъ-ландъ-бургъ-алтъ-вильдъ и рейсъ-графами, съ Французскими дюкъ-

э-пэрами, съ Англинскими лордами, съ Испанскими грандами и съ Итальянскими принцпэ; болѣе всего плѣнились они регентствомъ Орлеанскимъ и его милыми, знатными злодѣями, которые такъ весело, такъ остроумно и безнаказанно ругались надъ народомъ и развращали его. «Вотъ житье, подумали они; а мы несчастные, какаѣ наша участь! Этотъ грубіянь, этотъ неучъ съ своимъ плотничьимъ топоромъ (вѣроятно продолжали они, какъ гуси Крыловской басни) забываетъ, что его предки были подданными нашихъ; все твердить о трудахъ и о пользѣ; пусть требуетъ ихъ отъ черни, она и создана на то». Дѣйствіе, произведенное на нихъ зрѣлищемъ Европейской аристократіи, скоро обнаружилось. Послѣ кончины Петра II-го, когда не знали которой изъ наслѣдницъ его принадлежитъ право ему наслѣдовать, нѣкоторые изъ нихъ въ Москвѣ составили изъ себя временное правленіе, которое надѣялись превратить въ вѣчное, начертали какую-то конституцію, которая всю власть предавала въ ихъ руки и, желая показать, что они могутъ располагать короною, предложили ее вдовствующей герцогинѣ Курляндской, мимо старшей сестры ея, мимо дочери Петра Великаго и малолѣтнаго сына ея старшей сестры. вмѣстѣ съ тѣмъ предписали они ей условія, которыя всѣ она приняла и ни одного не исполнила. Первымъ ихъ нарушеніемъ былъ пріѣздъ Бирона, главнѣйшая изъ воспретительныхъ кондицій. Замѣтивъ, что новый образъ правленія совсѣмъ не въ духѣ народномъ, что онъ вовсе ему не нравится, поспѣшилъ онъ такъ круто поворотить дѣломъ, что всѣ олигархи съ высоты своей стремглавъ полетѣли въ Сибирь. Такъ часто Нѣмцы неумышленно дѣлають услуги Россіи. Но разъяренный Латышь тѣмъ не довольствовался: во все время владычества своего не переставалъ онъ мстить высшему дворянству, казнить, вѣшать его и тѣмъ самымъ для будущихъ временъ оказаль еще новую услугу, ибо породилъ столь сильную вражду къ Нѣмцамъ, что рѣшительно овладѣть Россіей они никогда уже не могутъ. Чувствуя всю свою немощь при Елисаветѣ, князья попритихли, а Екатериной были окованы, очарованы.

Но вопросъ все еще не разрѣшенъ: да развѣ кромѣ князей въ Россіи нѣтъ аристократіи? Какъ не быть, да еще безчисленная; княжескія фамиліи суть только самомалѣйшая часть ея. Да изъ кого же состоитъ она? Это трудно было бы объяснить, еслибы не было отвѣта императора Павла королю Шведскому: «у меня нѣтъ въ Россіи другихъ знатныхъ, кромѣ тѣхъ, съ которыми говорю и пока я съ ними говорю». А между тѣмъ сколько разъ случалось мнѣ слышать отъ людей, принадлежащихъ къ высшему кругу, что они совсѣмъ не нуждаются въ милостяхъ двора и существуютъ совсѣмъ отъ него независимо. И тогда было нѣчто на то похожее. Я помню, жена князя Тео-

дора Голицына, урожденная Прозоровская, разъ спросила у меня: «Я слышала, вы знакомы съ Козодавлевыми (министръ внутреннихъ дѣлъ и жена его, урожденная Голицына же); скажите мнѣ, что это за люди и что у нихъ за общество, я понятія о томъ не имѣю; ихъ племянница Щербатова очень искала моего знакомства, я бы не прочь, да какъ то случая не было». Другой разъ уже г-жа Козодавлева сказала мнѣ: «Я вчера провела вечеръ на балѣ у Барклаевой; мужа наши министры, и я принуждена была туда ѣхать; я встрѣтила тамъ вашу сестру и чрезвычайно ей обрадовалась, какъ единственной своей знакомкѣ. Что это за фигуры! Вы понимаете, что это совсѣмъ не мое общество». Такъ всѣ старались стать одна выше другой. До революціи аристократію составляли всѣ тѣ, коимъ хорошо было у двора; а при дворѣ Екатерины хорошо было всѣмъ тѣмъ, кои съ весьма извѣстнымъ именемъ, съ большимъ состояніемъ умѣли пріятно объясняться и болѣе или менѣе быть любезными. Послѣ революціи число аристократовъ умножилось прибытіемъ изъ Парижа бѣжавшихъ ихъ собратій, которые потеряли прежнюю веселость духа и вездѣ видѣли плебеевъ-заговорщиковъ; тогда высшее общество совсѣмъ офранцузилось, сдѣлалось гордѣе, недоступнѣе, стало отталкивать тѣхъ, кои не имѣли предписанныхъ имъ формъ и, по наущенію эмигрантовъ, начало сражаться съ фантомами, которымъ наконецъ дало существованность. При Александрѣ оно было просто котерія, которая взяла себѣ девизомъ: никто ни уменъ, ни знатенъ, кромѣ насъ и нашихъ. Странно вспомнить: ни высокій чинъ, ни княжеское старинное имя, ни придворныя званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, ни большой умъ и познанія преимущественно никакъ тутъ не давали правъ, въ этотъ храмъ не отпирали дверей, а однѣ только прихоти заключающихся въ немъ. Напримѣръ, одинъ торгошъ, Грегъ Пали, весьма проворный, изворотливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ надменный, помогалъ мотоватымъ великимъ господамъ, занимать деньги; кажется, должность не высокая, но онъ умѣлъ себя поставить на такую ногу, что обходился съ ними какъ съ равными, около нихъ же наживаясь; въ ихъ кругу прожилъ вѣкъ и состарился, изъ него на всѣхъ смотреть свысока и бѣда тому, о комъ онъ скажетъ: я его вовсе не знаю. Другіе мерзавцы знатнымъ особамъ обоого пола помогали въ ихъ любовныхъ дѣлахъ, за эти великія услуги были ими всюду вводимы, всюду приняты. Иногда хорошенькій юноша, ничѣмъ не отличающійся кромѣ силы и красоты, полюбится какой-нибудь старой или молодой боярынь и тотчасъ подъ ея покровительство между знатію получаетъ право гражданства. А сколькохъ Гагариныхъ, Волконскихъ, Трубецкихъ, весьма порядочныхъ и образованныхъ людей, которымъ отказано было въ приѣмъ, знавалъ я. Я не совсѣмъ это

осуждаю: нельзя знакомиться съ цѣлымъ міромъ; но если хочешь быть уважаемъ, умѣй выбирать своихъ знакомыхъ и пріятелей; а если они дурны, не презирай тѣхъ, которые лучше ихъ.

Нынѣ все это совершенно измѣнилось. Было нѣкогда у насъ увѣсистое бродство, послѣ того довольно вѣрная копія съ Французской аристократіи прошедшаго вѣка. Что такое нынѣ? Право, не разберешь. Немного есть еще людей, которые хвастаютъ тѣмъ, что ѣздятъ на скучные вечера старыхъ штатсъ-дамъ играть съ ними въ вистъ или въ бостонъ; все стремится къ наслажденіямъ, туда, гдѣ раззолоченные салоны, гдѣ объяденіе, шумъ, музыка и пляска. Въ Петербургѣ между тѣми, коихъ мы называемъ знатными, есть довольно еще людей богатыхъ, чтобы общество не имѣло нужды бросаться на вечера къ людямъ, коихъ извѣстность и Фортуна вчера созданы, въ Москвѣ же барская спѣсь совѣтъ преклонила лью передъ золотымъ тельцомъ. Лучше ли это? По моему, нѣтъ. Но обо всемъ эгомъ еще рѣчь впереди.

Не смѣшны ли иностранцы, когда въ печатныхъ сочиненіяхъ своихъ они такъ важно разсуждаютъ о могуществѣ древней Русской аристократіи, коего само правительство имѣетъ причины опасаться? И г. Альмагро^{*)}, кажется, утвердилъ ихъ въ семь мнѣній. Долго почти всѣ мы знали о себѣ только изъ Французскихъ и Швецкихъ книгъ; намъ казалось, что до Петра Великаго у насъ было хаосъ, тьма, времена неизвѣстныя, мистическія. Были однакоже писатели, Ломоносовъ, Щербатовъ, Татищевъ, Волпинъ, которые усердно и пристально занимались отечественной исторіей; но ихъ читали только люди, исключительно посвятившіе себя наукѣ. Первый Карамзинъ, очаровательнымъ слогомъ своимъ освѣтивъ нашу древность, показалъ намъ, сколь она привлекательна; но въ огромной картинѣ творенія своего не могъ онъ помѣстить всѣхъ подробностей. Тогда для любопытныхъ, имъ разочоченныхъ, желающихъ проникнуть въ эту глубину, явилось множество небольшихъ свѣтильниковъ. Въ числѣ ихъ, находится одинъ писатель, мало въ свѣтѣ извѣстный, а по моему мнѣнію въ этомъ дѣлѣ болѣе всѣхъ оказавшій услуги, трудолюбивый профессоръ Харьковскаго университета Успенскій, сочинитель опыта *Повѣствованія о древностяхъ Русскихъ*. Если бы прежде прочтенія его книги меня кто-нибудь сталъ увѣрять, что до Петра Великаго у насъ не было родоваго наследственнаго дворянства, я бы сказалъ ему, что онъ вретъ. Въ этой книгѣ такъ ясно и просто изложены доказательства о томъ, кто изъ нашихъ

*) Одинъ ляззекъ Долгоруковъ, который подъ симъ именемъ написалъ Французскую брошюрку.

и какими правами пользовался, что всякій скоро пойметъ, и мнѣ хочется сказанное въ ней какъ можно вкратцѣ передать читателю.

Успенскій утверждаетъ, что у насъ первоначально было только два класса свободныхъ людей, изъ коихъ одни передъ другими пользовались большими преимуществами; одни плѣнные были рабами. Онъ сравниваетъ это съ обычаями древнихъ Германцевъ, у коихъ также были *Männer* и *Leute*; онъ основываетъ это болѣе на сходствѣ именъ: мужи или бояре и людины. Если оно было такъ, то вѣрно уже не между Славянами, а вѣроятно введено Норманами-Варягами, единоплеменными и, если можно сказать, единообычными съ Германцами. Только послѣ утверженія великаго княженія въ Москвѣ, при Димитріѣ Донскомъ, начинается показываться то, что мы нынѣ называемъ чины и мѣста. Также какъ нынѣ четырнадцать, первыхъ было тогда восемь степеней, и вотъ онѣ: 1) бояре, 2) окольнічіе, 3) думные дворяне, 4) стольники, 5) стряпчіе, 6) дворяне, прежде гридни, 7) жильцы, 8) дѣти боярскія. Носящіе сіи званія могли занимать вмѣстѣ и должности воеводъ, намѣстниковъ, печатниковъ, стряпчихъ съ ключемъ (камергеровъ), по военной части становщиковъ и знаменщиковъ и рындъ (родъ фл.-адъютантовъ). Одни только думные дѣяки, дѣяки и поддѣяки, всѣ изъ духовнаго званія, были нѣчто отдѣльное, не очень любимое, но при тогдашней всеобщей безграмотности по необходимости многопочитаемое: это были наши статсъ-секретари, оберъ-секретари и секретари. Все тѣже первостепенные, вышепоказанные (назовемъ ихъ чиновники) занимали и главныя должности при дворѣ: 1) *дворецкаго*, оберъ-гофмаршала, 2) *конюшаго*, и 3) *ясельничаго*, оберъ-шталмейстера и шталмейстера, 4) *крайчаго*, оберъ-шенка, 5) *постельничаго*, оберъ-камергера, 6) *оружейничаго*, 7) *казначея*, 8) *ловчаго*, оберъ-егермейстера, 9) *сокольничаю*, егермейстера и 10) *чашика*, мундшенка. Потомъ люди изъ тѣхъ же чиновниковъ пониже занимали мелкія должности комнатныхъ дворянъ, путевыхъ ключниковъ, шатерничаго и другихъ. Также подробно входитъ онъ въ описаніе состоянія смердовъ, половниковъ, холопей, кабалы, всѣхъ низшихъ классовъ; но сіе до предмета моего не касается. Выбравъ изъ него нѣкоторыя мѣста, постараюсь показать, какая въ старину у насъ была знатность.

Во времена Владимира и вообще до нашествія Татаръ, когда были *бояре да люди*, говоритъ онъ, «къ потомкамъ, отличившимъ себя храбростію и прославившимся въ ратоборныхъ подвигахъ народъ всегда сохранялъ преимущественное уваженіе, которое они должны были поддерживать или богатствомъ своимъ, или личными достоинствами; а безъ того, лишась своего наслѣдственнаго предъ другими преимущества, входили въ сословіе *людей*. Сіи, потомъ находясь подъ начальствомъ и руководствомъ бояръ, могли опять приобрѣтать

богатства, почести и уваженіе службою, трудами и храбростію; а, снискавъ оныя, паки удобно поступали въ сословіе *мужей* и званіе сіе оставляли *иногда* въ наслѣдіе дѣтямъ своимъ».

Гораздо даѣе вотъ что еще говоритъ онъ: «Въ старину дворянинъ былъ у насъ тотъ, кто въ сей чинъ жалованъ по указу государеву лично. Сіе достоинство давалось тогда на одну особу, но въ родъ и дѣтямъ въ наслѣдство не переходило; словомъ, дворянство составляло чинъ, а не званіе. Дворяне назывались отъ двора государева, къ которому имѣли всегда свободный доступъ и отправляли при ономъ нѣкоторыя должности. Въ дворяне жаловали государи не токмо жильцовъ, но часто изъ думныхъ людей, и даже княжескія дѣти въ семь чинъ служить начинали». Изъ князей жаловать въ дворяне! Да отъ этого вскрикнешь.

Вотъ еще слова его: «Ни въ которомъ архивѣ, говоритъ ученый Миллеръ, точныхъ указаній о дворянствѣ до временъ Петра Великаго не находится и, кажется, продолжаетъ онъ, что и въ самомъ дѣлѣ оныхъ не было; потому что еслибъ они были и утратились, то бы когда-нибудь, по какимъ ни есть дѣламъ, въ грамотахъ, указахъ, челобитныхъ, приговорахъ и выписяхъ на оныя ссылались; но сего вовсе не видно. Въмѣсто указаній служили древнія обыкновенія».

Я продолжаю выписывать изъ Успенскаго. «Въ старину не было въ Россійскомъ языкѣ таковаго слова, которое бы означало то, что мы нынѣ разумѣемъ подъ названіями дворянинъ и дворянство. Равнымъ образомъ и на другихъ Славянскихъ языкахъ такого слова нѣтъ; а Польское шляхтичъ и шляхетство заимствовано отъ Нѣмецкаго *Geschlecht*. Чинъ дворянина былъ невысокій и не наслѣдственный, хотя изъ него происходили въ стольники и доходили иногда до боярства. Нестерпимо было бы тогда боярину, еслибъ сказали ему, что онъ дворянинъ. Когда же, при Петрѣ Великомъ, старые чины были оставлены, то слово дворянинъ введено въ употребленіе за общее названіе всѣхъ, которые находились въ старыхъ чинахъ. Миллеръ справедливо удивляется, что таковая немаловажная перемѣна во всей Россіи произведена съ великимъ единомысліемъ, безъ особливаго о томъ указа и безъ обнародованнаго отъ верховныхъ судебныхъ мѣстъ опредѣленія; а извѣстно только то, что перемѣна сія послѣдовала по возвращеніи Государевомъ изъ перваго путешествія въ чужіе края».

О князьяхъ вотъ что онъ глаголетъ: «Іоаннъ Васильевичъ, совокупя подъ единоначаліе удѣльные княжества, включилъ въ число бояръ и удѣльныхъ князей, а потомки ихъ остались въ числѣ простаго дворянства. Нѣкоторые изъ князей, пришедъ въ бѣдность, записались въ дѣти боярскія и титулъ княжескій оставили. Когда царства Казанское и Астраханское присовокуплены къ Россіи, тогда находившееся въ оныхъ многочисленное Татарское дворянство, извѣстное подъ названіемъ мурзь, опасаясь, что ихъ сравнятъ съ простолюдинами, просили побѣдителя о своемъ отъ простаго народа отличеніи наименованіемъ ихъ князьями».

Вышесказанное не доказываетъ ли намъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, не смотря на перемѣну названій, мы все держимся

прежняго порядка и сохраняемъ прежнія повѣрія? Обычай есть сильный царь, котораго Пегръ Великій не совсѣмъ побѣдилъ. Какъ у древнихъ, такъ и у новѣйшихъ Восточныхъ народовъ нѣтъ такой привилегированной касты, праздною, бесполезной, которая бы съ тѣмъ вмѣстѣ пользовалась наслѣдственнымъ правомъ на уваженіе другихъ сословій. Не знаю, какъ было въ Византійской имперіи; чего не знаю того сказать не могу; только кажется, что послѣ паденія ея, потомки побѣжденныхъ должны бы сохранить какія нибудь письменныя или словесныя преданія о преимуществахъ предковъ своихъ; а этого нѣтъ. У Турокъ, сынъ верховнаго визиря, пока не поступитъ въ султанскую службу, равенъ сыну всякаго поселянина. Замѣчено, что особенно всѣ Славянскіе народы имѣютъ врожденное отвращеніе отъ всякой наслѣдственной аристократіи, наслѣдственнаго дворянства.

Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что въ старину была Россія, стоить только съѣздить въ Молдавію и Валахію. Тамъ найдете вы и понынѣ пять крупныхъ чиновъ подъ общимъ Славянскимъ названіемъ бояръ: другіе пониже и, наконецъ, нѣсколько мелкихъ чиновъ, всего четырнадцать. Между ними найдете вы и Латинскій титулъ спатара, и Славянскій постельничаго, исправника, шатрара, и Греческій логовета, и Турецкій аги Тамъ чинъ есть должность; но, по оставленіи послѣдней, сохраняется первый. Не подумайте однакоже, чтобы шатрари, медельничеры, жигличеры могли надѣяться когда либо попасть на высокія степени: вѣками засѣвшіе въ боярствѣ Стурдзы, Росеты, Бальши, Гики и другіе ихъ къ нимъ не подпустятъ; они берегутъ эти мѣста для сыновей, которые, не занявъ ихъ и гнушаясь послѣдними мѣстами, остались бы въ податномъ состояніи. Всѣ эти выщепимыя мною первостатейныя семейства крѣпко держатся между собою, и ни которое изъ нихъ не согласилось бы войти въ брачный родственныи союзъ съ какимъ нибудь Балачаномъ, Прункулемъ или подобнымъ имъ, хотя бы разбогатѣвшимъ человекомъ. Вотъ аристократія на дѣлѣ (de fait), а не по праву (de droit). Когда Бессарабію отъ Молдавіи отмежевали къ Россіи, и нужно было приступить къ выборамъ, то подавай дворянъ. А гдѣ ихъ взять? Ихъ никогда и не бывало. Ну вынь, да положь. Что дѣлать? Такъ и быть: всѣхъ мелководныхъ Молдаванъ пожаловали въ сіе званіе, и какъ Молдавскій языкъ на половину состоитъ изъ Славянскихъ словъ, то между ними это невѣдомое названіе и легко нашло себѣ мѣсто.

Подобно сему, если и у насъ не было наслѣдственнаго дворянства, то было нѣчто лучше его: были знаменитые роды, родословные люди, какъ ихъ тогда называли. Они съ точностію вписывали въ книги имена дѣтей своихъ, числа ихъ рожденія и брака, ихъ и свои дѣянія,

награды за то отъ царей получаемыя и съ сими документами, не со-
всѣмъ бесполезными для самой Исторіи, считались съ равными и мѣ-
стничали. Чтобы не упасть, чтобы съ цѣлымъ племемъ своимъ удер-
жаться на вершинѣ, нужны имъ были величайшая дѣятельность, без-
престанно возобновляемыя усилія. Я увѣренъ, что всѣ обрадовались
наслѣдственному праву, которое даровалъ Петръ Великій созданному
имъ дворянству. Это умножило его силу и число приверженцевъ его;
въ стремленіи своемъ подражать Западу скоро установилъ онъ и май-
ораты. Сія ошибки великаго человѣка при немъ не могли быть очень
важны (еще не было дано вольности дворянству), и посредн его водру-
зилъ онъ чинъ, чтò на Русскомъ языкѣ въ настоящемъ смыслѣ значить
порядокъ или степень *). Не разъ приходится мнѣ сказать, что Нѣмцы
часто неумышленно дѣлають много добра Россіи. Биронъ, въ бѣ-
шеной злости своей на Русскую знать, склонилъ императрицу Анну
уничтожить законъ о майоратствахъ и тѣмъ цѣлой Россіи оказавъ
великую услугу. За то другіе Нѣмцы, подальповиднѣе его, болѣе озна-
комленные съ характеромъ нашей націи, предложили Петру III-му из-
дать знаменитую грамоту о вольности дворянства. Они были увѣрены,
что, обезпеченные на счетъ правъ своего потомства, лѣнныя наши
дворяне стануть убѣгать отъ службы, и всѣ мѣста, вся власть оста-
нутся въ ихъ рукахъ. Но древній обычай служить не могъ такъ скоро
измѣниться; презрительное названіе недоросля всѣмъ было противно, и
Екатерина, особенно въ семъ дѣлѣ дѣйствительно мудрая, умѣла дво-
рянство заманивать въ службу, возбуждая въ немъ честолюбивую за-
чесь и въ молодости облегчая ему всѣ средства къ быстрому повыше-
нію; за то умѣла также останавливать нетерпѣніе его при достиженіи
высшихъ степеней. Все предвидѣнное Нѣмцами Петра III-го должно
было въ наше время только сбыться.

Всѣ Славянскіе народы менѣе или болѣе одарены храбростію,
добродушіемъ и смышленостію; но грѣха таить нечего, съ тѣмъ вмѣ-
стѣ они лѣнны, нетерпѣливы, алчны къ чувственнымъ наслажденіямъ,
золоту, ихъ доставляющему, небрежны, тщеславны болѣе, чѣмъ горды
и честолюбивы: почти у каждаго изъ нихъ на высотѣ кружится голо-
ва. Оттого-то вездѣ должны были они уступать и покоряться или ди-
кой энергіи Турокъ или твердости Германскихъ народовъ, не болѣе
ихъ храбрыхъ, но гораздо болѣе ихъ хладнокровныхъ, терпѣливыхъ,
осторожныхъ, разсудигельныхъ и разчетливыхъ. Одна Россія, выро-
спая подъ прессомъ тяжкихъ испытаній, выправленная, направленная

*) Чинъ—ordre. Монахи по чину Св. Василія, religieux de l'ordre de S-t Basile. Гла-
голичіе, благоустройство. Безчестіе, безчинство, безпорядокъ.

къ великому, могла въ двѣсти лѣтъ совершить такъ много чудесъ. У Славянъ для вельможей, аристократовъ, въ чадѣ ихъ личныхъ успѣховъ, нѣтъ отечества; во времена мирныя, спокойныя, нѣтъ его у народа и у людей средняго состоянія; одна только царская власть дорожить имъ: ибо ея выгоды тѣсно связаны съ его благосостояніемъ. Олигархія всегда была гибелью Славянскихъ государствъ. Галицкое княжество или королевство лишилось существованія, благодаря хищности бояръ своихъ, продававшихъ его попеременно то Венгріи, то Польшѣ, и навсегда отторгнуто отъ единоплеменной Россіи. Источниками всѣхъ несчастій Польши были несмѣтные богатства и необузданная власть ея магнатовъ, вѣчныхъ противниковъ короля. Изъ видовъ корысти или честолюбія предавали они отчизну: Чарторижскіе—Австріи, Браниціе, Потоцкіе, Коссаковскіе—Россіи. Оковы, въ которыхъ Австрія держитъ Богемію, суть также Лобковичи, Кинскіе, Сѣдлицкіе, Коловраты, Чернины и другіе первые вельможи Чешскіе. А у насъ бояре (разумѣется, не всѣ) искони любили не свое, питали вражду къ непреклоннымъ, благороднымъ, вѣрнымъ сынамъ отечества, не сгибающимъ предъ ними хребта, и покровительствовали измѣнниковъ, льстившихъ ихъ самолюбію. Не они ли умнаго Алексѣя Михайловича умѣли почти поссорить съ доблестнымъ Хмѣльницкимъ и отравить послѣдніе дни почтеннаго мужа, подарившаго насъ Украиною? Не они ли были друзьями Мазепы? Не они ли на счетъ его ввели въ заблужденіе прозорливаго Петра и склонили выдать предателю двухъ вѣрныхъ обвинителей его? А нынѣ что уже и говорить! Даже тѣ, которые занимаютъ первыя мѣста въ государственномъ управленіи, половину жизни проводятъ за границей; а если въ отставку, то непременно тамъ поселяются. Какъ быть, не мила имъ Россія, и особенно противна ихъ женамъ. Вся вина возлагается на дурной климатъ, вездѣ одинаковый отъ Торнео до Ленкорана. Пагубный примѣръ сихъ господъ множество Русскихъ, даже провинціаловъ, превращаетъ въ странствующихъ Жидовъ. Примѣчательно, что Русскій народъ, въ томъ числѣ купцы и малочиновные, имѣетъ инстинктивное отвращеніе отъ аристократіи *). Вообще этотъ народъ слѣпо повинуется по необходимости, не любитъ надъ собою властей, обожаетъ одну только царскую, и то сильную и побѣдоносную. Мнѣ случилось иногда въ присутствіи самихъ аристократовъ объясняться нѣ-

*) Лѣтъ тридцать поболѣе тому назадъ, давали еще водевиль г. Малиновскаго или оперу весьма незамысловатую подъ названіемъ „Старинные Русскіе Святки“. Она оканчивалась куплетами; когда запоютъ: „Слава Богу на небѣ, Русскому царю на землѣ слава!“ а потомъ: „Слава храброму Русскому воинству, слава!“ то отъ рукоплесканій можно было оглохнуть. Когда же запоютъ: „Слава великимъ Русскимъ боярамъ-вельможамъ, слава!“ бывало, ни одна рука не поднимется, чтобы ударить въ ладоши.

сколько откровенно на счет сомнительности ихъ правъ; тогда, взглянувъ на меня съ презрѣніемъ, давали они мнѣ чувствовать, что почитаютъ меня Якобинцомъ; а мнѣ хотѣлось отвѣчать имъ стихомъ Буало:

Qui n'aime pas Cotin, n'aime pas son roi
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.

Теперь намъ извѣстно, что такое были бояре въ старину. Знаемъ также, что въ новѣйшія времена аристократія наша была довольно вѣрной копіей съ Французскаго подлинника: гордость свою прикрывала учтивостію и нестрогую нравственность благопристойностію. Всего затруднительнѣе представить послѣднюю ея метаморфозу—нынѣшнее загадочное ея состояніе. Здѣсь не мѣсто, а найдется при описаніи настоящихъ временъ. Конечно во всѣ времена аристократія была у насъ царство прозябаемыхъ, которые не иначе могли зрѣть и возрастать какъ согрѣваемые сильными лучами солнышка-царя; однакоже были и люди, болѣе всѣхъ пользующіеся довѣренностію Государя, которые аристократами не почитались и о коихъ они говорили съ презрѣніемъ, на примѣръ Аракчеевъ. Я увѣренъ, что еслибъ онъ говорилъ по-французски, ѣздилъ въ общества и имѣлъ у себя швейцара, то между ними былъ бы не послѣдній. Но этотъ странный человекъ почиталъ себя ихъ выше и довольствовался тѣмъ, что видѣлъ всѣхъ ихъ ползающими у ногъ его.

Нынѣшняя Россія является мнѣ какъ бы высокая гора, коей вершина ярко озарена свѣтомъ царскаго величія. Съ одной стороны толпы людей взбираются, лѣзутъ по дорогѣ, къ ней ведущей, уставленной грядями; нѣкоторые, болѣе счастливые или проворные, бѣгомъ бѣгутъ по крутизнамъ; иные, уставъ, останавливаются; иные же совсѣмъ обрываются. Одно, два, много три поколѣнія остаются на темъ горы; потомъ съ противоположной стороны начинаютъ спускаться все ниже и ниже, многіе изъ нихъ внизъ катятся кубаремъ въ ту мрачную долину, которая у подошвы горы наполнена миліонами людей. Однакоже исходъ изъ нея открытъ: вмѣстѣ съ тѣми, которые никогда изъ нея не выходили, падшіе могутъ опять подыматься вверхъ. Мнѣ кажется, ничего не можетъ быть естественнѣе этого кругообращенія. Пусть бы оно такъ и оставалось, пусть бы аристократія наша продолжала существовать въ томъ безтолковомъ видѣ, въ которомъ находится; дай Богъ ей много лѣтъ здравствовать! Но увы, большія общія перемѣны не перестаютъ угрожать намъ; одинъ Господь знаетъ, что мы такое: консерватёры или реформатёры? Давно уже собираются истребить чины, то есть порядокъ, учрежденный Великимъ Петромъ, которымъ замѣнилъ онъ прежній порядокъ, который ничѣмъ замѣнить нельзя и который одинъ исправилъ всѣ его ошибки. Говорятъ, что общее мнѣніе того требуетъ. Дѣйстви

тельно, лѣнивое и тщеславное дворянство наше твердить о томъ; сотни тысячъ отставныхъ поручиковъ и регистраторовъ, владѣльцы сотни; двухъ или трехъ сотъ душъ, населяющихъ Москву и провинціи, желаютъ чтобы ихъ праздность, бесполезность, ничтожество поставлены были наравнѣ или даже выше заслугъ трудолюбивыхъ людей; злонамѣренныя же люди замышляютъ изъ рукъ правительства исхитить важнѣйшій способъ къ поощренію ему преданныхъ.

Не знаю, правда ли, а говорятъ, что затѣваютъ нѣчто еще худшее, что хотятъ возстановить майораты. Да къ какой стати? спрашивается Или смѣшная, жалкая страсть къ подражаніямъ такъ еще въ насъ сильна, что мы хотимъ вводить у себя даже обвѣтшалоое на Западѣ, то, что, подобно полуразрушеннымъ его замкамъ, сегодня или завтра должно упасть. Къ счастью, можно предсказать, что сначала это встрѣтитъ большія затрудненія въ исполненіи. Но кто можетъ знать будущее? Огромныя состоянія будутъ возрастать и увѣковѣчиваться въ рукахъ немногихъ семействъ и умножать силу владѣльцевъ своихъ. Не смотря на слишкомъ поздно принятая мѣры, дворянство безпре- станно будетъ размножаться и тяжестью числа непремѣнно канетъ на дно Мѣста привлекаютъ еще къ себѣ большимъ жалованьемъ; но ихъ такъ умѣли уронить въ мнѣшии, что въ отставкѣ носимыя ихъ названія никакого не будутъ возбуждать уваженія: чины уничтожатся. Чтѣ же останется? Высокомошце бояръ. Тогда-то водворится у насъ Европа; тогда-то воскреснутъ между нами средніе ея вѣка; о, блаженное время! Или лучше сказать, постигнетъ насъ участь благополучной Польши съ ея завидной анархіей, и наши Юсуповы будутъ сзывать сеймы, составлять конфедерации. Хороши мы тогда будемъ! Право, уже лучше бы удѣльные княжества! Богъ вамъ судия, господа великіе законодате- ли наши, великіе преобразователи; дѣлайте по своему, только будете отвѣчать Ему и потомству: Если всѣ наши государи, подражая Петру Великому, захотятъ все перестраивать, то неизбѣжно ослабнуть под- пори государственного зданія и, наконецъ, оно рухнетъ вмѣстѣ со спа- сительною ѣ существѣ, но искусно употребленною ихъ властію

Удалившись отъ суеты міра сего и его превратностей, мнѣ бы хотѣлось и слѣдовало жить только въ прошедшемъ и даже въ давно прошедшемъ и о немъ только вѣщать. Но какъ быть? Я еще живъ, не ослѣпъ, не оглохъ, не могу не знать и не видѣть происходящаго во- кругъ меня. Такимъ образомъ, говоря о быломъ, какъ избѣгнуть того, чтобъ инѣгда не коснуться настоящаго? У меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, я все пережилъ, всего лишился, ко всему охладѣлъ; даже между оставшимися у меня родными нѣтъ ни одного, въ которомъ бы я могъ найти сочувствіе, единомысліе: состояніе горестное! Но есть чув-

ство, которое, въ милосердіи Своемъ, самъ Создатель, кажется, вложилъ мнѣ въ сердце; оно одно животворить меня и привязываетъ къ землѣ, на которой не знаю долго ли буду считаться. И хотя оно было для меня источникомъ многихъ горестей, я не могу расстаться съ нимъ. Я не назову его: на каждой страницѣ сихъ Записокъ оно само собою выказывается. Все къ нему относится, и если иногда на бумагу изливалась желчь моя, если я позволялъ себѣ порицать моихъ согражданъ, то клянусь, что съ сокрушеннымъ сердцемъ. Еслибы я могъ вдохнуть въ нихъ національное самолюбіе, которому непремѣнно уступило бы мѣсто жалкое, мелочное, личное ихъ самолюбіе, съ какою радостію я осыпалъ бы ихъ похвалами! Я то и дѣлалъ, когда случай къ тому представлялся. Было время, когда въ Россіи некого было осуждать, и я приступаю къ его изображенію.

III.

Менѣ полуторы тысячи верстъ отдѣляютъ Пензу отъ Петербурга. Въ нашемъ необъятномъ государствѣ, кажется, пространство не слишкомъ великое, а насчетъ любопытныхъ извѣстій оттуда мы жили словно въ Иркутскѣ. Горизонтъ нашъ былъ весьма ограниченъ; еще менѣ чѣмъ въ Москвѣ думали мы о томъ что насъ ожидаетъ, и всенедельный вздоръ, который слышалъ я вокругъ себя, непримѣтно успокоивалъ волнуемую страхомъ душу мою.

Первая важная вѣсть, которую получили мы въ концѣ Марта, была о неожиданныхъ отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго; но эта вѣсть громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это былъ человекъ, который никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ погибели ни единого изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіи многихъ лѣтъ трудился въ тишинѣ кабинета своего. Но на кабинетъ сей смотрѣли всѣ какъ на Пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли, наконецъ, глаза обманутому Государю; только дивились милосердію его и роптали. Какъ можно было не казнить преступника, государственнаго изменника, предателя, и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы и устраненіемъ отъ дѣлъ! Не менѣ того сію мѣру, слишкомъ строгую, если человекъ былъ безвиненъ, торжествовали какъ первую побѣду надъ Французами. Многіе, помню, приходили меня съ этимъ поздравлять, и, виновать, я принималъ поздравленія.

Непонятно также казалось молчаніе хранимое вѣдомостями о столь важной перемѣнѣ, тогда какъ онѣ всегда возвѣщали объ отставкѣ чиновниковъ, невысокія мѣста занимавшихъ. Оттого многіе не хотѣли вѣрить своему счастью, пока изъ сосѣдняго Нижняго Новгорода, совсѣмъ неужаснаго мѣста заточенія его, не были получены точныя свѣдѣнія о прибытіи его туда, о снисходительномъ приѣмѣ сдѣланномъ ему губернаторомъ и объ уединенномъ образѣ жизни, который онъ началъ тамъ вести. Между тѣмъ слухъ о его измѣнѣ, настоящей или мнимой, распространился и между простымъ народомъ: не подозрѣвая того, глѣтомъ отправился онъ взглянуть на Макарьевскую ярмарку; проходя гостинымъ дворомъ, онъ едва не былъ умерщвленъ разъяренною чернью и спасся черезъ лавку знакомаго ему купца. Главное тогда областное начальство, желая будто спасти дни его, а вѣроятно движимое местию, отправило его на жительство въ холодный, скучный губернской городъ Пермь.

Уже давно все это было, уже давно нѣтъ того, кто былъ благомъ и казнію Сперанскаго, его самага уже нѣтъ; а повѣсть объ его изгнаніи все еще остается для насъ загадкою, и вѣроятно даже потомствомъ нашимъ не будетъ разгадана. Въ преданіяхъ Русскихъ она останется тоже что во Франціи исторія о Желѣзной маскѣ. Я полагаю, что онъ былъ виновенъ, но не совсѣмъ. Сопровождая Александра въ Эрфуртъ, онъ былъ очарованъ величіемъ Наполеона; замѣчено уже, что всѣ люди, изъ ничего высоко поднявшіеся, не смѣя завидовать избраннику счастья и славы, видѣли въ немъ свой образецъ и кумирь и почтительнѣе другихъ ему поклонялись. Мало заботясь объ участи отечества, будучи увѣренъ, что Наполеонъ одолѣетъ насъ, могъ онъ отъ послѣдствій сей войны ожидать чего-то для себя полезнаго, могъ питать какія-нибудь неясныя надежды; но чтобъ онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ непріателемъ, это дѣло невозможное: онъ былъ слишкомъ остороженъ. Какъ ни воздерженъ былъ онъ въ рѣчахъ своихъ, но пріятныхъ, сильныхъ своихъ ощущеній при имени нашего врага онъ скрывать не могъ. Въ глазахъ людей, окружавшихъ Царя, и особенно сестры его, Екатерины Павловны, это одно уже было великое преступленіе и было важнѣйшимъ орудіемъ къ обвиненію его. Въ безпокойствѣ духа, въ которомъ находился Государь при ожиданіи великихъ событій, предался онъ подозрѣніямъ и рѣшился величію обстоятельствъ принести великую жертву. Вся Россія требовала ея, и на этотъ разъ только въ гласъ народа слышался Александру гласъ Божій. Иначе я этого дѣла объяснить не умѣю.

Не помню, какой-то Французскій писатель (нынѣ ихъ тагъ много),

но уже вѣрно не добрый человекъ *), сказалъ, что въ несчастіяхъ самихъ друзей нашихъ, для всякаго изъ насъ есть всегда какая-нибудь отрадная сторона. Мнѣ кажется напротивъ: я не скрою, что, паденіе Сперанскаго мнѣ было пріятно, ибо я раздѣлялъ общее мнѣніе объ немъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ, вспоминая его счастливые дни, представляя себѣ страданія его при переѣздѣ изъ одной ссылки въ другую, подъ проклятіями народными, грустное чувство противъ воли моей закрадывалось мнѣ въ сердце.

На мѣсто его посаженъ былъ старый вице-адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, плохой писатель, но самый пылкій патриотъ. Вездѣ, гдѣ говорилъ я о литературѣ нашей, имя его всегда поминается. Вскорѣ потомъ, въ Апрѣлѣ, отправился онъ къ арміи съ Государемъ въ Вильну. Изъ его назначенія могъ я заключить, что люди, отличающіеся особою любовію къ отечеству, должны быть все въ ходу. Мнѣніе сіе подтвердилось другимъ назначеніемъ, сдѣланнымъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Съ 1809 года начальствовалъ въ Москвѣ старый фельдмаршалъ, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Въ арміи былъ онъ извѣстенъ какъ храбрый генералъ, отнюдь не какъ полководецъ. Онъ умѣлъ хорошо поддерживать высокое званіе главнокомандующаго въ столицѣ, т. е. заставлялъ себѣ повиноваться, окружалъ себя помпой и давалъ официальные обѣды и балы. Можетъ быть, въ зрѣлыхъ лѣтахъ имѣлъ онъ много твердости, но подъ старость она превратилась у него въ своеправіе. Не смотря на то, такъ сказать выживъ изъ лѣтъ, онъ совершенно отдалъ себя въ руки меньшаго брата графа Михаила Васильевича, который слылъ человекомъ весьма корыстолюбивымъ. Оттого-то управление Москвою шло не лучше нынѣшняго: все было продажное, все было на откупѣ. Подручникомъ послѣдняго былъ какой-то медикъ, Французо-Итальянецъ, если не ошибаюсь, Салватори, и они между собою дѣлили прибыль. Такъ по крайней мѣрѣ все утверждали, и въ то же время были увѣрены, что медикъ не что иное какъ тайный агентъ Французскаго правительства. Москва находилась далеко отъ театра могущей быть войны, но по какому-то предчувствію на состояніе ея обращено было особое вниманіе правительства. Надлежало непременно смѣнить Гудовича, и Государь сдѣлалъ сіе съ обычными ему привлекательными формами, при весьма лестномъ рескриптѣ, препроводивъ къ нему портретъ свой алмазами украшенный.

Можно сказать, что Александръ былъ вдохновенъ свыше, когда въ преемники ему выбралъ графа Растопчина. Я говорилъ только о

*) Этотъ неизвѣстный писатель былъ извѣстный Гарошфуко. Сію грубую ошибку со стыдомъ пополамъ съиштитъ исправитъ не издатель, а самъ сочинитель Записокъ.

дѣйствии, произведенномъ на меня угрюмымъ лицомъ его, когда въ Петергофѣ, будучи еще отрокомъ, трепетною рукою подаль я ему просьбу объ опредѣленіи меня въ Иностранную Коллегію, а объ немъ собственно ничего не говорилъ. Когда онъ былъ еще министромъ, а я находился подъ его главнымъ начальствомъ, отецъ его, Василій Ѳедоровичъ, сталъ часто посѣщать зятя моего Алексѣева, тогда полицей-мейстера въ Москвѣ. Не разъ случилось мнѣ слышать рассказы его о томъ, какъ онъ выкупился изъ крѣпостнаго состоянія, вступилъ на службу, получилъ небольшіе чины, нажилъ небольшое состояніе, и какъ ничего не щадилъ, чтобы дать хорошее воспитаніе единственному сыну своему. За то сынъ хорошо ему и отплатилъ: пользуясь удобною минутой у щедрого Павла, изъ отставныхъ майоровъ выпросилъ ему прямо чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Аннинскую ленту. Съ природнымъ необыкновеннымъ умомъ и полученнымъ образованіемъ, молодой Растопчинъ не могъ бы имѣть столь великихъ успѣховъ, если бы не женился на родной племянницѣ Анны Степановны Протасовой, любимицы Екатерины Второй. Черезъ нее попалъ онъ къ большому двору, но предпочелъ ему дворъ наслѣдника въ Гатчинѣ. Это составило его счастье.

Нѣкоторые люди видѣли въ Растопчинѣ препятствіе къ исполненію ихъ тайныхъ замысловъ; они знали его какъ человѣка благороднаго, твердаго, который ни за что не измѣнитъ благодѣтелю своему и готовъ пожертвовать жизнію, чтобы спасти дни его. Ихъ происки успѣли ниспровергнуть его за нѣсколько дней до кончины Павла. Первый годъ скрывался онъ въ деревнѣ, а потомъ постоянно жилъ въ Москвѣ. Тамъ скоро сталъ онъ наряду съ вельможами, сошедшими съ поприща, коихъ пребываніемъ она такъ гордилась. Это было не легко: всѣ они были семидесяти или шестидесятилѣтніе старцы, а онъ едва перешелъ за сорокъ; всѣ они болѣе или менѣе были древняго происхожденія, а онъ своимъ хвалиться не могъ. За то всѣхъ выше былъ онъ душою и чувствами, и болшую часть изъ нихъ превосходилъ умомъ. Но это самое нѣсколько вредило ему въ мнѣніи Москвичей. Одна изъ принадлежностей необыкновенныхъ умовъ есть живость ихъ; она отнимаетъ у разговоровъ ихъ ту тяжеловѣсную важность, которая такъ почтенна въ глазахъ глупцовъ: искры ума и воображенія имъ кажутся или опасными для нихъ, готовыми ихъ обжечь, или потѣшнымъ огнемъ, для ихъ забавы сожигаемымъ. Извѣстное острословіе свое умѣлъ Растопчинъ удерживать, пока былъ государственнымъ сановникомъ; но тутъ, сдѣлавшись мирнымъ обитателемъ старой столицы, онъ захотѣлъ сложить оковы этикета, налагаемыя на людей, находящихся въ высокихъ должностяхъ. Тогда далъ онъ волю рѣчамъ своимъ, но скоро

увидѣлъ съ кѣмъ имѣеть дѣло. Можно было найти тогда въ Москвѣ довольно людей, которые, какъ говорится, были ему по плечу, уже вѣрно болѣе чѣмъ нынѣ: имъ однимъ могъ онъ передавать высокія думы свои, сообщать свои оригинальные рассказы. Съ прочими же обходился онъ просто, былъ словоохотенъ, любилъ пошучивать и употреблялъ съ ними языкъ, которымъ говорятъ совершеннолѣтніе, играя съ дѣтьми. Его не поняли: «Да это видно нашъ братъ», сказали Москвичи, а нѣкоторые даже: «да онъ просто шугъ». Между тѣмъ прилежно изучалъ онъ нравы какъ дворянства Московскаго, такъ и простаго народа. Станный, непонятный былъ онъ человекъ! Безъ малѣйшаго отвращенія смотрѣлъ онъ на совершенное отсутствіе мыслей Московскихъ, даже высшихъ обществъ, и чрезвычайно забавлялся ихъ нелѣпыми толками, сплетнями, пересудами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминалъ онъ дни славы своей, время управленія его Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и союза нашего съ Австріей, когда Русскія войска стояли на границѣ Франціи и готовы бы ворваться въ ея предѣлы. Съ бѣшенною яростію, какую могутъ только чувствовать сильные души истинныхъ патріотовъ, въ 1807 году видѣлъ онъ, что дѣло пошло наоборотъ, и Наполеонъ недалеко уже отъ Нѣмана. Кажется, что въ раздраженномъ состояніи, въ коемъ онъ находился, наконецъ, надоѣла ему болтовня Московскихъ пустомелей, и онъ излилъ свою на нее досаду въ горькой, язвительной шуткѣ, въ небольшой комедіи, подъ названіемъ: *Вѣсти или Живо Убитый*. Ее прочитали, одни посмѣялись, другіе посердились, и вскорѣ потомъ забыли; а она весьма примѣчанія достойна, какъ изображеніе тогдашнихъ нравовъ. Гдѣ-то отыскалъ онъ или выдумалъ Силу Андреевича Богатырева, одного изъ тѣхъ кремней, изъ коихъ при Екатеринѣ составлена была вся неодолимая Русская армія: такіе люди во множествѣ доживали почтенія достойный вѣкъ свой по закоулкамъ Москвы, и никто не зналъ объ нихъ. Этотъ просваталъ дочь свою за офицера; женихъ на войнѣ, и онъ ждетъ отъ него извѣстій, какъ вдругъ дѣятельнѣйшая изъ вѣстовицъ безжалостно спѣшитъ объявить ему, что будущій зять его убитъ, съ такими подробностями, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ истины ея словъ. Все семейство въ отчаяніи, ибо всѣ безъ памяти отъ храбраго молодца; а онъ, получивши отпускъ, является посреди его живъ и здоровъ. Тутъ-то Растопчинъ, подъ маскою разгнѣваннаго старца, принимается позорить злую вѣщунью, ее и подобныхъ ей особъ обоюгаго пола, а она отбранивается по своему. Вотъ неважное содержаніе піесы; послѣдняя

сцена составляет двѣ трети оной и, кажется, для нея она была и написана *).

Когда въ 1809 году Императоръ посѣтилъ Москву, то въ первый разъ по воцареніи увидѣлъ Ростопчина, сталъ разговаривать съ нимъ и былъ увлеченъ силою и ясностію ума его. Тутъ же онъ сошелся съ Екатериною Павловной, и вслѣдствіе ея приглашеній не разъ навѣщалъ ее въ Твери. Затѣмъ получилъ онъ еще лестнѣйшее приглашеніе при-быть въ Петербургъ, гдѣ его сдѣлали оберъ-камергеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта, съ дозволеніемъ жить въ Москвѣ, откуда, по сдѣланной привычкѣ, онъ рѣдко отлучался. Говорятъ, что онъ былъ въ числѣ обвинителей Сперанскаго и что письмо его о семъ предметѣ сильнѣе всего на Государа подѣйствовало.

Всѣ жители Москвы чрезвычайно обрадовались, когда въ исходѣ Мая 1812 года назначили его къ нимъ главнокомандующимъ, съ переименованіемъ въ военный чинъ; только радость была не продолжительна. Онъ выпрямился во всю вышину роста и ума своего, и вдругъ явился грознымъ повелителемъ, съ своими нахмуренными бровями, какъ бы Юпитеромъ-громовержцемъ. Это было необходимо. Онъ совершенно зналъ духъ непокорности дворянъ, зналъ также своеволіе, предразсудки, повѣрія простаго народа; онъ зналъ, что сей послѣдній въ свирѣпомъ видѣ всегда предполагаетъ смѣлость и силу. Сжавъ тѣхъ и другихъ въ мощной рукѣ своей, онъ въ то же время умѣлъ овладѣть ихъ умами и привязать къ себѣ. Искусство удивительное, которое не умѣли у насъ довольно оцѣнить. Если вспомнить, что Москва имѣла тогда сильное вліяніе на внутреннія провинціи и что примѣръ ея дѣйствовалъ на все государство, то надобно признаться, что заслуги его въ семъ году суть безсмертны.

Третье извѣстіе порадовало меня не менѣе двухъ первыхъ. Когда совсѣмъ потеряли надежду на миръ съ Турками, его заключили въ Бухарестѣ 26-го Мая. Онъ былъ если не весьма славенъ, то по крайней мѣрѣ весьма выгоденъ для насъ. Граница наша отъ Днѣстра отодвинута къ Пруту, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ; что важнѣе того, Русскіе опять стали на берегахъ, давно, при первыхъ ихъ князьяхъ, знакомаго имъ и никогда не забытаго Дуная, воспѣтаго въ ихъ старинныхъ пѣсняхъ; Бессарабія, мнѣ послѣ столь извѣстная, при-соединена къ Россіи.

*) Въ вѣстовицѣ Маремьянѣ Бобровнѣ Набатовой вслѣдствіи узналъ знаменитую Настасью Димитріевну Офросимову, лѣтъ сорокъ сряду законодательницу Московскихъ гостинныхъ. Она была воплощенная неблагопристойность, ругала дамъ въ глаза, толкала мужчинъ кулаками въ грудь или во что поало и была грозой женщинъ зазорнаго поведенія, пока онѣ совершенно ей не покорялись: тогда брала ихъ подъ свою защиту и покровительство. Поэтому можно посудить о томъ тогдашнихъ Московскихъ обществахъ.

Сказывали, что Кутузовъ, столь же искусный дипломатъ, какъ и воинъ, провѣдавъ, что, скучая медленностію, съ какою ведетъ онъ переговоры, Государь рѣшился назначить ему преемника (да еще какого же?), тайно просилъ о пособіи Англійское посольство въ Константинополѣ, единственной столицѣ, гдѣ оно могло встрѣтиться съ Французскимъ. Англія, съ которою не былъ еще возобновленъ у насъ союзъ, но которой желательно было умножить силы наши противъ залятаго ея врага, употребила старанія свои, чтобы помочь Кутузову въ семъ дѣлѣ. Княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости было его наградою.

Черезъ два дня послѣ подписанія мирнаго трактата, прибылъ въ Бухарестъ адмиралъ, Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, бывшій морской министръ, и Кутузовъ тогда съ удовольствіемъ передалъ ему главное начальство надъ арміей. Онъ по женѣ былъ Англичанинъ. При такомъ званіи въ 1807 году счелъ онъ для себя неприличнымъ оставаться въ министерствѣ, когда Россія примирилась съ непріятелемъ имъ избраннаго отечества. Однакоже къ этому непріятелю отправился онъ въ Парижъ и тамъ, видно, имѣлъ великій вѣсъ, ибо самъ собою пошелъ прямо къ Наполеону объявить ему, что при его свадьбѣ не подобаетъ Русской великой княгинѣ Марьѣ Павловнѣ находиться въ толпѣ королевъ и великихъ герцогинь, долженствующихъ окружать его молодую императрицу. Смѣлость его была не безуспѣшна, и по возвращеніи его въ Россію для него не бесполезна. Этотъ самолюбивый и мстительный человѣкъ за все хватался и ни въ чемъ не имѣлъ удачи, а можетъ-быть, по нелюбви его къ родимому краю, неудачи его были и умысленныя. Такого человѣка, право, безгрѣшно можно подозрѣвать; особливо послѣ знаменитаго дѣла, коимъ заключилъ онъ свое поприще.

Всѣ эти вѣсти утѣшали и нѣсколько успокоивали меня среди скорби, которая меня окружала, и заботъ, въ кои я былъ погруженъ. Въ это время одно небольшое горе, если только можно назвать его симъ именемъ, посѣтило наше семейство. Вслѣдствіе неотступной просьбы къ Барклаю, тогда начальствовавшему надъ главной арміей, старшій братъ мой, Павелъ, былъ принятъ въ военную службу прежнимъ маіорскимъ чиномъ и опредѣленъ въ Курляндскій драгунскій полкъ. Его по крайней мѣрѣ это чрезвычайно обрадовало: это стирало съ него провіантское пятно, и его увѣдомляли, что онъ долженъ принять сіе какъ знакъ особой милости, ему оказанной. Но для насъ разлука съ нимъ была весьма тягостна, особенно для меня, который терпѣлъ въ немъ опытнаго помощника и друга. Въ первыхъ числахъ Іюня отправился онъ въ армію.

Сколько лѣтъ семейство мое праздновало 12 Іюня, день рожденія покойнаго родителя нашего! Въ этомъ году матери моей угодно было, чтобы сей день отпразднованъ былъ печальнымъ обрядомъ поминовенія надъ его могилою. Ни сама она, ни меньшая сестра, по совершенному разстройству нервъ, не могли тамъ находиться. Мы одни съ старшею сестрой отправились въ село Симбухино и встрѣтили тамъ архимандрита и соборныхъ протоіереевъ съ церковнымъ причтомъ. По окончаніи обѣдни и торжественной панихиды. довольно роскошно угощали мы ихъ трапезой, въ домѣ, недавно отдѣланномъ покойникомъ. Горестъ мою время смягчило, ослабило и во время богослуженія молился я усердно о душѣ давашаго мнѣ жизнь, но признаюсь, безъ чувства первой глубокой печали. Во время же обѣда и совершаемой по немъ тризны, вдругъ почувствовалъ я сильное волненіе въ груди; непонятныя мнѣ грусть и тоска овладѣли мною, и, стараясь скрыть невольныя слезы, я даже зарыдалъ. Дѣло чудное: въ семъ тяжкомъ чувствѣ былъ какой-то и восторгъ. Пусть не вѣрятъ предчувствіямъ, пусть смѣются надъ ними, а мнѣ столько разъ возвѣщали они печали и радости, что я принужденъ въ нихъ вѣрить. Наполеонова армія въ этотъ день переправлялась черезъ Нѣманъ.

Съ конца Мая въ Пензѣ царствовала мертвая тишина: всѣ помѣщики разъѣхались по деревнямъ, и самъ губернаторъ Голицынъ, пользуясь даннымъ ему правомъ, съ семействомъ и братьями жилъ у матери въ Зубриловѣ. Я тоже только два раза въ недѣлю покидалъ Симбухино, чтобы навѣстить мою мать, которой отсовѣтовали жить въ деревнѣ и которая, оставивъ прежде занимаемый ею собственный домъ, гдѣ, какъ говорила, лишилась она своего счастья, жила на горѣ, близъ роши, въ самомъ уединенномъ углу Пензы, въ небольшомъ домикѣ, состоящемъ изъ трехъ или четырехъ келій. Я не скучалъ деревенскою жизнью и моимъ одиночествомъ; занимался хозяйствомъ, читалъ книги изъ множества въ послѣднее время отцомъ моимъ накупленныхъ, гулялъ по саду, имъ насажденному, бродилъ по рощамъ, наше селеніе окружающимъ, иногда для перемѣны ѣздилъ верхомъ. Ничто не говорило о войнѣ, лѣто стояло прекраснѣйшее, и все было такъ успокоительно. Передъ ярмаркой, къ 24 Іюня, всѣ опять начали собираться. Въ это время былъ тутъ, не помню изъ арміи или изъ Петербурга, какой-то свитскій полковникъ Энгельсонъ, проѣздомъ въ Оренбургъ. Онъ всѣмъ рассказывалъ, что ничего еще не слышать о разрывѣ съ Наполеономъ, что посольство его Лористонъ все еще находится въ Петербургѣ и со многими бьется объ закладъ, что войнѣ не бывать, и что самъ онъ полагаетъ, что безъ нея дѣло обойдется. Я не видѣлъ его, но слышанному повѣрилъ съ провинціальнымъ легковѣріемъ. На-

ходятъ же на людей дни глупости, и на меня чаще чѣмъ на другихъ. Газеты наши, правда, были скромнѣе нежели когда либо; однакоже и въ нихъ видѣли мы, что Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ, что онъ предсѣдательствуетъ въ сонмѣ королей, какъ бы для совѣщанія о великомъ предпріятіи, что самъ тешюшка, императоръ Австрійскій, явился тутъ болѣе въ видѣ главнаго вассала, чѣмъ союзника его и, наконецъ, что король Прусскій (точныя слова газеты) всячески старается ему угодить и ни въ чемъ не смѣетъ отказывать. И послѣ того думать, что громовыя тучи, со всѣхъ концовъ сошедшіяся, сгустившіяся, навислыя, безъ столкновенія опять разойдутся! Однакоже, оно было такъ и, что всего страннѣе, въ Вильнѣ точно также, какъ и въ Пензѣ. И если бы даже предполагать возможность возобновленія союза съ этимъ человѣкомъ, то можно ли было надѣяться, что сіе будетъ безъ величайшихъ жертвованій для чести и выгоды Россіи? А въ такомъ случаѣ всякому благородно-мыслящему Русскому должно было желать войны, какъ послѣдняго, отчаяннаго средства. Но мы были какъ боязливые люди, которые, встрѣчаясь съ чѣмъ-нибудь ужаснымъ, закрываютъ глаза.

Ярмарка была чрезвычайно многолюдна и шумна. Сдѣлавшись сперва гораздо спокойнѣе, сталъ я и повеселѣе: не отказывался отъ званыхъ обѣдовъ и даже въ Петровъ день, 29 го Іюня, конецъ кратковременной ярмарки, хотя будучи въ траурѣ и не имѣлъ права быть на балѣ, который дворянство давало во вновь выстроенной большой галереѣ, разгуливалъ, однакоже, въ освѣщенномъ вокругъ ея садѣ и все видѣлъ. Я попросилъ бы чигателя припомнить себѣ нѣкую Катерину Васильевну Кожину, урожденную княжну Долгорукову, жену любителя и содержателя театра, а тутъ уже вдову, которая, имѣя гораздо болѣе сорока лѣтъ, любила еще невиннымъ образомъ покетничать. Она избрала себѣ въ обожатели равнаго себѣ, князя Василя, одного изъ меньшихъ братьевъ губернатора Голицына: онъ будто бы влюбленъ былъ въ нее, а я будто бы ревновалъ. Гдѣ-то на вечерѣ 30-го Іюня, пригласила она обоихъ насъ на слѣдующее утро къ ней завтракать; а мы уговорились между собою, чтобъ играть у нея роли, ему торжествующаго, а мнѣ отчаяннаго любовника. Въ пріятномъ ожиданіи этой комедіи, заснулъ я, не зная что на другой день меня ожидаетъ.

IV.

Часу въ одиннадцатомъ утра, 1-го Іюля, зашелъ я къ Голицынымъ, которые жили отдѣльно отъ брата въ купленномъ ихъ матерью особомъ домѣ. Я сталъ торопигъ князя Василя, чтобъ онъ скорѣе одѣвался, и мы всегдѣ готовы были въ походъ, какъ вдругъ вбѣжалъ

самый меншой изъ братьевъ Владимиръ, всегдашній повѣса и вѣчный хохотунъ, въ столь смущенномъ видѣ, что вѣроятно, онъ разъ въ жизни только его имѣлъ. Онъ пришелъ отъ князя Григорія, и вотъ что онъ намъ разсказалъ: чиновникъ, посланный отъ губернатора съ гуртомъ быковъ, пожертвованныхъ дворянствомъ, не могъ довести ихъ до мѣста ихъ назначенія, ибо довольно далеко отъ него встрѣтилъ онъ армію, поспѣшно ретирующуюся и съ трудомъ могъ добиться кому ихъ сдать. Онъ воротился на курьерскихъ и сказывалъ, между прочимъ, что Наполеонъ уже въ Вильнѣ. Я былъ пораженъ извѣстіемъ, но не менѣе того изумленъ дѣйствіемъ, которое произвело оно на Василія Голицына: онъ поблѣднѣлъ, и право не отъ страха, и выронилъ изъ рукъ трость, которую держалъ. Какъ? И это тѣ легкомысленные мальчишки, которымъ отъ роду серьезная мысль не входила въ голову! О, Господи, подумалъ я, дай, чтобы вторженіе Франгузовъ во всѣхъ произвело подобное дѣйствіе, и мы спасены. «Нѣтъ, видно намъ сегодня не идти къ Кожиной», сказалъ Василій. «И я тоже думаю», отвѣчалъ я, и мы послали слугу съ извиненіемъ.

Задумавшись медленными шагами пошелъ я домой, и вотъ какъ разсуждалъ я. Невозможно, чтобы армія такъ быстро отступала, не проигравъ генеральнаго сраженія: теперь гдѣ она остановится? Этому человѣку открыть путь во внутрь Россіи, и что съ нами будетъ! Я одинъ занималъ собственный домъ, въ коемъ скончался отецъ мой, довольно далеко отъ наемной квартиры, которую мать моя занимала, и все временилъ, чтобы идти къ ней, не зная, какъ ей объявить нерадостную вѣсть; но я нашелъ, что она объ ней уже знала и гораздо болѣе меня.

Почта изъ столицъ обыкновенно приходила по Понедѣльникамъ, чѣмъ свѣтъ; въ этотъ день, который также былъ Понедѣльникъ, она опоздала нѣсколькими часами. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, которыя привезла она, находился рескриптъ Государя на имя графа Салтыкова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, который можно было почитать объявленіемъ войны *). Въ прибавленіяхъ припечатано было извѣстіе о попятномъ движеніи корпусовъ первой арміи, дабы болѣе сосредоточить ее. Рескриптъ былъ отъ 13 Іюня изъ Вильны; пока онъ дошелъ до Петербурга, оттуда до Москвы, тамъ напечатанъ и по почтѣ у насъ полученъ, прошло 18 дней. Газеты поспѣшили доставить къ матери моей и до меня еще успѣли ей прочесть ихъ.

*) Нѣкоторые люди находили, что рескриптъ этотъ показываетъ большую робость, потому что Наполеонъ въ немъ не былъ разруганъ. Я замѣтилъ имъ, что человѣкъ, который говоритъ, что не положить оружія, пока единый непріятель останется въ землѣ его, напротивъ, долженъ быть исполненъ твердости и рѣшимости.

Нельзя мнѣ было не удивиться внезапной переменѣ, которую напелъ я въ ней. Она съ мужемъ похоронила свое счастье, всѣ радости свои и почитала себя чуждою всему чтò происходитъ въ мѣръ семь. Такъ оно и было, пока голосъ отечества не отозвался въ сердцѣ ея; погибель ему грозящая дала ей почувствовать, что на свѣтѣ есть еще чтò ей любить, за чтò ей страшиться. Она какъ будто ожила и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпилась вѣрою: я нашелъ ее почти спокойною. Видя мое уныніе, она сказала мнѣ только: «молись, молись; повѣрь, это одно только можетъ спасти насъ». Итакъ, появленіе врага, особъ разнаго пола и возраста въ одинъ мигъ заставило забыть и горе, и веселіе.

Къ печальному и великому какъ часто примѣшивается и смѣшное. Вскорѣ послѣ меня прѣехала къ матери моей разгнѣванная Кожина и самымъ неучтивымъ образомъ принялась упрекать меня въ неучливости: она никакъ понять не могла, чтò съ полученнымъ извѣстіемъ можетъ имѣть общаго приготовленный на слезу сю завтракъ; я даже не хотѣлъ и слушать ея. Наконецъ вступилась за меня мать моя, которая гораздо старѣе ея была лѣтами и подобно ей не была воспитана въ Смольномъ монастырѣ, но гораздо ея богаче была умомъ и чувствами. Она сказала ей: «И. матушка, полно, объ чемъ тутъ толковать! Да пропадай твой завтракъ; до него ли, помилуй». Тогда меня она оставила въ покоѣ.

По прочтеніи газетъ у меня немного отлегло на сердцѣ. Стало быть, армія цѣла, сказалъ я самъ себѣ; да еще ихъ четыре, какъ вижу изъ газетъ; первую и второю начальствуютъ Барклай и Багратионъ, третья резервная подъ начальствомъ Тормасова, а четвертую изъ Молдавіи ведетъ Чичаговъ. Еслибъ имъ сойтись на какомъ-нибудь укрѣпленномъ пунктѣ, то, кажется, трудно будетъ Наполеону разбить ихъ. Не менѣе того ободряло меня совершенное перерожденіе большей части нашихъ помѣщиковъ: они не хвастались, не храбрились, а показывали спокойную рѣшимость жертвовать всѣмъ, и жизнью, и состояніемъ, чтобы спасти честь и независимость Россіи. Весьма немногіе не объ ней думали, а о своей особѣ и о своемъ ларцѣ, и тѣ втихомолку только вздыхали. Все это похоже было на чудо, совершающееся въ глазахъ нашихъ.

Я опять уѣхалъ въ деревню, но жизнь моя тамъ не была уже какъ прежде спокойна и безмятежна; часто не понималъ я чтò читаю и, прогуливаясь, иногда сбивался съ дороги. Болѣе всего страшилъ меня поносный миръ послѣ рѣшительной побѣды надъ нашею арміей. Въ городъ ѣздилъ я только по почтовымъ днямъ за новостями; въ газетахъ ничего не видѣлъ такого, чтò бы могло умножить наши опасенія, за то и ничего утѣшительнаго въ нихъ не находилъ. Казалось

сперва, что войска наши хотятъ упереться на Двину; но потомъ замѣтно было, что и за эту линію намѣрены перейти. Такъ оно было по 19 Іюля.

Въ этотъ день къ вечеру пріѣхала навѣстить меня осмидесятилѣтняя старушка, мамушка моя, Аксиныя Ивановна, которую можно найти въ началѣ моихъ воспоминаній о давнопрошедшемъ. Между разговорами сказала она мнѣ, что въ городѣ большая суматоха, что пришель-дескать указъ, и назначенъ престрашный рекрутскій наборъ, по четыре человѣка со ста душъ. Это меня озадачило. Что-то не къ добру, подумалъ я: вѣдь это почти поголовщина. Ночью я мало спалъ и рано поутру поскакалъ въ Пензу.

Дѣло совсѣмъ не было такъ страшно, какъ я вообразилъ себѣ. Никакой побѣды Французъ еще не одержалъ надъ Русскими, но 18-го числа полученъ былъ съ курьеромъ знаменитый манифестъ изъ Полоцка отъ 6-го Іюля, въ коемъ Государь, величая дворянъ Пожарскими, купцовъ Миниными и духовенство Палицыными, всѣхъ призываетъ къ оружію. Ему неизвѣстно, кажется, еще было, что силы, Наполеономъ противъ насъ собранныя, несмѣтны: шестью стами тысячъ воиновъ предводительствовалъ этотъ искусный и счастливый полководецъ, и его Европейская орда посильнѣе была Батыевой. И, о диво! этотъ манифестъ, *salve qui reut*, который могъ бы привести въ отчаяніе жителей другой страны, вдругъ возвысилъ духъ нашихъ согражданъ. Они увлечены были величіемъ зрѣлища, въ коемъ отечество наше готовилось сразиться съ цѣлою частію міра, и почувствовали, что хотятъ и должны быть въ немъ дѣйствующими лицами.

Губернаторъ дождался только распоряженій правительства, чтобы созвать дворянство; они получены съ почтою 22 Іюля. Народное ополченіе должно составиться изъ трехъ главныхъ отдѣленій; главноначальствующими надъ ними назначены: въ Петербургѣ, прибывшій изъ Бухареста князь Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ, въ Москвѣ графъ Растопчинъ, въ Нижнемъ Новгородѣ графъ Петръ Александровичъ Толстой, бывший военный губернаторъ въ Петербургѣ, бывший посолъ въ Парижѣ; по полученнымъ въ тотъ же день извѣстіямъ сей послѣдній прибылъ уже къ мѣсту назначенія своего. Въ составъ третьяго отдѣленія входила и Пензенская губернія, которая одна должна была выставить 10 тысячъ ратниковъ.

По письмамъ изъ Москвы, съ тою же почтой полученнымъ, узнали мы, что Государь, оставивъ армію, явился въ ней печальный, встревоженный. Описывали въ нихъ почтительное къ нему состраданіе дворянства и купечества, трогательныя ихъ сцены съ нимъ; какъ одинъ смѣлый купецъ подступилъ къ нему и сказалъ: «батюшка, посмотри

здѣсь сколько насъ, а въ Россіи у тебя насъ въ тысячу разъ больше; когда ни одного не останется, когда всѣхъ перебьютъ, тогда только унывай». Между тѣмъ, сгарая огнемъ любви къ отечеству, отважный, неутомимый Растопчинъ всѣми силами раздувалъ благородное пламя между жителями ввѣреннаго ему города; онъ успѣлъ въ нихъ пробудить, давно уснувшій въ лѣни и праздности, доблестный духъ предковъ ихъ. Подобно нашимъ знатымъ, былъ онъ воспитанъ за границею и зналъ въ совершенствѣ иностранные языки, но тѣмъ отличался отъ вельможныхъ, что славно выучился и отечественному и не гнушался даже простонароднымъ. Онъ пригодился ему, когда, среди волненія, произведеннаго грозными обстоятельствами, ежедневно разговаривалъ онъ съ народомъ посредствомъ печатныхъ афишекъ, которыя приправлялъ онъ разными прибаутками и коими веселилъ, ободрялъ и воспалялъ его къ добру. Эта была не война обыкновенная государства съ государствомъ, а великое возстаніе, общее дѣло, въ которомъ необходимо было и простой народъ сдѣлать участникомъ.

Всѣ съ тою же почтой семейство наше обрадовано было письмомъ отъ брата изъ арміи. Болѣе мѣсяца не имѣли мы объ немъ никакого извѣстія послѣ послѣдняго письма его изъ Москвы. Онъ увѣдомлялъ насъ, что пользуется особымъ случаемъ писать къ намъ, а что сообщенія весьма затруднены. Мы не понимали, отчего это, вѣроятно, чтобы внутри государства не знали навѣрное, что происходитъ въ арміи.

Извѣстія изъ нея, официально объявляемыя, становились однакоже живѣе и любопытнѣе. Пораженіямъ Французовъ Платовымъ при Мирѣ, Остерманомъ при Островнѣ и Багратиономъ при Дашковкѣ мы что-то плохо вѣрили и почитали ихъ болѣе стычками, въ которыхъ едва удалось непріятелю дать отпоръ. Я былъ не великій стратегъ и не умѣлъ понять, что дѣло Багратиона стоить великой побѣды; ибо онъ пробился сквозь Французскую армію, чтобы соединиться съ Барклаемъ, тогда какъ намѣреніе Наполеона было непремѣнно отрѣзать его. Но первая, настоящая побѣда графа Витгенштейна при Клястицахъ всѣхъ чрезвычайно восхитила. Не было обѣда, даже семейнаго, на которомъ бы не пили за здоровье побѣдителя. Имя его, дотогѣ вовсе неизвѣстное, съ шумомъ пронеслось по всей Россіи; всѣ находили, что спасеніе часто приходитъ къ намъ оттуда, откуда мы его не ожидаемъ, и оттого еще болѣе утверждались въ вѣрѣ на помощь Всевышняго.

Въ Москвѣ, послѣ посѣщенія сдѣланнаго ей Государемъ (который, пробывъ два дня, отправился въ Петербургъ), все закипѣло, все запылало усердіемъ къ великому дѣлу спасенія отечества. Все въ ней

дѣлалось на широкую руку. Но боярское тщеславіе и тутъ не забыло себя выказать: молодые люди, знатные и богатые, не владѣющіе однакоже миліонами, мѣтившіе въ вельможи или, лучше сказать, по праву наслѣдства почитающіе себя ими, предложили на свой счетъ сформировать полки, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они назначены были ихъ шефами и полки носили ихъ имена. Отставной гвардіи ротмистръ, графъ Салтыковъ, добрый малый, о которомъ мнѣ случалось упоминать, сынъ графа Ивана Петровича, обремененный долгами, взялся поставить гусарскій полкъ; казачій конный полкъ началъ собирать надменный мальчикъ графъ Мамоновъ, который въ послѣдствіи отъ спѣси сошелъ съ ума, сынъ одного изъ любимцевъ Екатерины, первый изъ Мамоновыхъ родившійся графомъ; камеръ-юнкеръ князь Николай Сергѣевичъ Гагаринъ хотѣлъ набрать егерскій полкъ, а Николай Никитичъ Демидовъ, всѣхъ ихъ вмѣстѣ гораздо богаче, чтобы не отстать, довольствовался простымъ пѣхотнымъ. Купцы не брались формировать полки, но такъ и посыпали золотомъ. Въ Петербургѣ безъ шума, безъ превеличенія, безъ возгласовъ, дѣло шло точно также: не падали капиталовъ, поспѣшно и дѣятельно собирали и вооружали войско.

Дошла и до насъ очередь. Въ концѣ Іюля съѣхалось дворянство, чтобы приступить къ разсчету суммъ, потребныхъ на обмундированіе и вооруженіе десяти тысячъ воиновъ и къ назначенію мѣръ для исправнаго собиранія ихъ съ помѣщиковъ по числу душъ ими владѣемыхъ; также должно оно было поспѣшить избраніемъ какъ начальника всего ополченія, такъ и полковыхъ и сотенныхъ начальниковъ. Дѣло пошло какъ нельзя лучше. Отставныхъ военныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ не было и десятой доли противъ нынѣшняго, а все-таки ихъ было много; не сыскалось ни единого, который бы пожелалъ остаться дома, всѣ явились на службу. Однакоже для пополненія всѣхъ мѣстъ ихъ было недостаточно; дозволено было гражданскимъ чиновникамъ, служащимъ и отставнымъ, вступать въ ополченіе, только съ потерю двухъ или трехъ чиновъ; это никого не удержало: сотни предложили свои услуги. И это были не одни помѣщики и дѣти ихъ: канцеляріи присутственныхъ мѣстъ начали пустѣть. Наконецъ, множество семинаристовъ, сыновей священниковъ и церковнослужителей, бросились въ простые рядовые, впрочемъ увѣрены будучи, что, какъ людей письменныхъ, грамотныхъ, не замедлятъ ихъ сдѣлать урядниками.

Начальникомъ Пензенскаго ополченія былъ выбранъ отставной генералъ-майоръ Николай Ѳедоровичъ Кишенскій, который давно уже не служилъ, однакоже былъ еще не старъ. Онъ рѣшился жениться на чрезвычайно безобразной и хворой единственной дочери Александра Васильевича Салтыкова, не знаю почему прозваннаго а-ла-Кокъ, ко-

торый умеръ, не успѣвъ промотать послѣднее имѣніе свое, тысячи полторы душъ въ селѣ Безсоновкѣ, подъ самой Пензой находящейся. Госпожа Кишенская прожила недолго и, умирая, все имѣніе отдала мужу. Онъ былъ человѣкъ дюжій, широкоплечій, довольно простой, ласковый, даже черезчуръ, ибо обходился со всѣми, какъ говорится, за-панибрата. Его генеральскій чинъ, мужественный видъ, обходительность и большое состояніе рѣшили выборъ дворянства.

Многіе изъ помѣщиковъ опасались, что приближеніе Французской арміи и тайно подосланные отъ нея люди, прельщеніями, подговорами возмутятъ противъ нихъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Напротивъ, въ это время казалось, что съ дворянами и гущами слились они въ одно тѣло. Ничто такъ не раздражаетъ душу, какъ зрѣлище обыкновенныхъ рекрутскихъ наборовъ: отовсюду слышны стонъ и вой. Мирные поселяне, отъ самого рожденія привычкою прикованные къ землѣ, не имѣютъ другихъ желаній, кромѣ хорошаго урожая; повышеніе, слава суть для нихъ слова непонятныя; вдругъ отрываютъ ихъ отъ всего роднаго, привычнаго; они трудолюбивы и не знаютъ боязни, но невѣдомое ужасаетъ ихъ; всѣ ближніе ихъ заживо хоронятъ; что удивительнаго, если горькій плачь и ропотъ всегда бываютъ при исполненіи сего насильственнаго дѣйствія? Тутъ, при наборѣ ратниковъ, видѣли мы совсѣмъ тому противное: радость была написана на лицѣ тѣхъ, на коихъ палъ жребій; семейства ихъ, жены, матери осыпали ихъ ласками, цѣловали, миловали, дарили чѣмъ могли. «Голубчикъ, вѣдь ты идешь за насъ, да за Божье дѣло», повторяли они.

Названія дружинъ, ратниковъ ополченія, совершенно отечественныя, всѣмъ были пріятны. Самый нарядъ ополченыхъ, совсѣмъ уже не богатый, но отличающій ихъ отъ линейнаго войска, чрезвычайно всѣмъ понравился. Онъ состоялъ изъ казацкаго платья, кафтана и шароваръ свѣтлосѣраго простаго сукна съ зеленымъ воротникомъ, цвѣтомъ Пензенскаго герба. Офицеры и ихъ начальники имѣли право носить тонкое сукно и наплечники (има, которое хотѣли дать тогда эполетамъ); ратникамъ же, имѣющимъ бороду, дозволено было и даже велѣно не брить ея. Вооруженіе состояло изъ самыхъ простыхъ сабель и пикъ; другихъ оружій достать было негдѣ и не на что; правительство обѣщало само доставить ихъ. Наконецъ, шапка, украшенная мѣднымъ крестомъ, къ которому, подобно Лудовику XI, многіе изъ ратниковъ прикладывались, прежде чѣмъ ее надѣвали, довершала давать этому сборищу видъ воинства Христова. Все это было въ такомъ восторженномъ состояніи, что, право, описать его нельзя.

Читателю покажется удивительнымъ, что, при описаніи всеобщаго сильнаго движенія умовъ, я ничего не упоминаю о себѣ. Человѣкъ

этотъ видно толковалъ все о любви къ отечеству, пока дѣло не дошло до опасности, скажетъ онъ. Я никогда не хвастался храбростію, и мнѣ пріятно думать, что сограждане мои въ этомъ году превзошли меня въ патриотическихъ чувствахъ. Но въ прекрасномъ чадѣ, въ которомъ кружились тогда всѣ головы (и который, увы, въ слѣдующемъ же году разсѣялся) никто не думалъ о жизни; и мнѣ оставалось, никого не возбуждая, слѣдовать только общему примѣру: я такъ и сдѣлалъ. Ни съ кѣмъ не посоветовавшись, пошелъ я къ генералу Кишенскому и предложилъ ему себя, не имѣя никакого понятія о фронтовой службѣ и полагая, что подъ непріятельскимъ огнемъ все равно быть, начальствуя ли взводомъ, исполняя ли приказанія начальника. Я сказалъ ему, что мнѣ бы пріятно было находиться при его высокой особѣ. Тогда, принявъ видъ уже главнокомандующаго, объявилъ онъ мнѣ, что число желающихъ окружать его очень велико и что потому затрудняется онъ исполнить мою просьбу. Не обидясь отказомъ челоуѣка, съ которымъ нѣсколько дней передъ тѣмъ, опасаясь скуки, я не охотно вступалъ въ разговоры, такъ почтительно, такъ убѣдительно повторилъ я свою просьбу, что наконецъ изъявилъ онъ согласіе и черезъ два дня велѣлъ подать просьбу.

Но въ тотъ же день успѣлъ онъ рассказать въ городѣ о моленіяхъ моихъ, о моей настойчивости. Если не обманываетъ меня самолюбіе, то я вижу тутъ маленькое его хвастовство: въ Пензѣ не прослылъ я челоуѣкомъ слишкомъ низкопоклоннымъ. Разумѣется, на другой же день дошло это до матери моей, которая, призвавъ меня, слезно стала убѣждать оставить мое намѣреніе. Она обратила ко мнѣ сію для самолюбія моего не совсѣмъ лестную рѣчь. «Послушай: братъ и зять твой на войнѣ, имѣніе разстроено, ты видишь въ какомъ я положеніи, мы съ сестрами твоими безъ тебя совершенно сироты; я знаю, мушкетеръ ты ледащій, да все-таки мушкетеръ; пока ты тутъ, все-таки есть у насъ опора и защита. Подумай, и въ крестьянской семьѣ послѣдняго не берутъ въ рекруты; много ли въ войскѣ однимъ собою ты прибавишь? Ну, если Всевышнему такъ угодно, чтобы злодѣй добрался до насъ, тогда удерживать тебя не буду, ступай съ Богомъ, я сама благословлю». Не знаю, на моемъ мѣстѣ кто-либо другой поступилъ ли бы иначе, какъ я. Скоро представился случай въ этой экстраординарной службѣ и мнѣ не остаться безполезнымъ.

Съ тою же почтительною покорностію, съ которою ходилъ я просить генерала Кишенскаго, пошелъ я благодарить его за данное мнѣ позволеніе и объяснить невозможность воспользоваться имъ. Въ Пензѣ, гдѣ дворянство почти всегда не въ мѣру было спѣсиво и гдѣ состояніе всегда предпочиталось чинамъ, вы бы съ удивленіемъ увидѣли почтеніе

и послушаніе, оказываемыя людьми довольно богатыми, вступившими въ ополченіе, тѣмъ, кои становились ихъ начальниками. Самолюбіе было первую жертвою, которое дворянство, въ этотъ чудный годъ, предавало закланію на жертвенникѣ отечества. Самый простой народъ сдѣлался гораздо смѣлѣе въ поступки и рѣчахъ *), за то въ дѣйствіяхъ никогда не показывалъ такого повиновенія. Право, глядя на все это, сердце не нарадовалось. Это всегда спасало Россію и отличало отъ другихъ государствъ, какъ напримѣръ отъ Польши или отъ Франціи: тамъ лишь народъ почуветь, что узда опущена и что онъ дѣлается нуженъ, наконецъ шумѣть, бурлить, и съ нимъ не справишь.

Въ первой половинѣ Августа начали появляться у насъ, еще не эмигранты изъ захваченныхъ Наполеономъ областей (дотода все были однѣ такъ-называемыя Польскія губерніи), а ссыльные по высочайшему повелѣнію.

Первою изъ нихъ была графиня Рыцевская, урожденная Холоневская, богатая и пожилая Польшка, которая слишкомъ много любила заниматься политикою. Волынскій губернаторъ, Михаилъ Ивановичъ Комбурлей, не могъ остаться равнодушень, зная о воззваніяхъ ея къ помѣщикамъ, когда неприятельская армія показалась въ Россіи: по праву ему данному, въ критическихъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась его губернія, онъ именемъ Государя отправилъ ее во внутреннія губерніи, и Пензѣ досталась она на долю. Нѣкоторые, только весьма немногіе, обвиняли Комбурлея въ жестокости къ слабой женщинѣ, знатной и образованной; но вскорѣ всѣ ее раскусили. Въ ней былъ самый злой полонизмъ, умѣряемый свѣтскимъ знаніемъ и пріятнымъ обхожденіемъ, и если въ глубинѣ Россіи, въ заточеніи своемъ, она не хотѣла скрывать ни желаній, ни надеждъ своихъ, видя себя окруженною народомъ, вооружающимся для сопротивленія ихъ исполненію, то можно посудить о дѣяніяхъ ея, когда она находилась на свободѣ и на Волыни. Она наняла самый лучший домъ въ Пензѣ, привезла съ собой славнаго повара и сдѣлала визиты всѣмъ дамамъ, пзъ коихъ весьма немногія ихъ оплатили ей. Мать моя, которая ни къ кому не ѣздила и, не зная иностранныхъ языковъ, не могла съ ней объясняться, передала ее моему угощенію. Мы очень хорошо сошлись; было намъ о чемъ

*) Я помню одного стараго слугу, который съ своими господами довольно свободно вступалъ въ разговоры и самъ съ молодымъ баринномъ попросился въ ополченіе. „Что это, господа, говорилъ онъ, вѣдь это все Государь да Константинъ Павловичъ, народъ молодой, намъ наука: раздразили мужика сердитаго, а теперь что дѣлать, котъ головы положимъ, пойдемъ выручать ихъ“. Другой слуга, при которомъ рассказывали, что Барклай не поладилъ съ Константиномъ Павловичемъ и отправилъ его въ Петербургъ, сказалъ: „Да вѣдь онъ правъ этотъ Барклай; ужъ не де поросать, коли саму свинью палатъ“.

потолковать. Я долженъ былъ прикидываться раздѣляющимъ не чувства ея, а мнѣнія насчетъ неизбежнаго паденія Россіи. Но *однакоже*, всегда оканчивалъ я тѣмъ наши разговоры, и начиналъ, какъ умѣлъ, указывать на средства къ ея спасенію и даже возвеличенію. Сіи часто поворяемые *однакоже* начинали ее сердить, и какъ она была женщина умная, то и не могла не догадаться, что я всепокорнѣйше ее дразню. Она не вытерпѣла и стала мнѣ грубить; я тоже снялъ маску и самымъ учтивымъ образомъ язвилъ ея національное самолюбіе. Мы, слава Богу, наконецъ совсѣмъ поссорились.

Другой изгнанникъ былъ Французъ въ Русской службѣ, полковникъ Радюльфъ, который сосланъ былъ за то, что не согласился идти воевать противъ соотечественниковъ. Всѣ косились на него; а мнѣ понравился онъ, какъ человекъ скромный, честный, который, не принадлежа къ дореволюціонной Франціи, хотѣлъ исполнить долгъ свой; въ самой ссылкѣ его видѣлъ я одну мѣру предосторожности правительства. Третій, вѣроятно, по ошибкѣ попалъ въ Пензу: его бы слѣдовало отправить въ Нерчинскъ, ибо онъ былъ совершенно каторжный. Я слыхалъ и читывалъ о санкюлотизмѣ, бывшемъ въ ужаснѣйшіе и отвратительнѣйшіе дни Французской революціи, а не имѣлъ объ немъ настоящаго понятія; онъ мнѣ предсталъ въ лицѣ г. Магіё. Наглость и дерзость, безнравственность и невѣріе, перешли въ немъ за границы возможнаго. Не понимаю, какъ пустили его въ Россію, а еще менѣе какъ одна нѣжная и попечительная мать могла поручить ему воспитаніе любимѣйшаго сына. Мальчикъ, съ сердцемъ нѣжнымъ и благороднымъ, съ умомъ быстропонятливымъ и любознательнымъ, съ дарованіями необыкновенными, которые могли бы послужить къ чести и пользѣ отечества, отъ пагубныхъ правилъ почти въ младенчествѣ внушенныхъ ему симъ отравителемъ, сдѣлался почти преступнымъ и кончилъ несчастную жизнь, едва перешедъ за обыкновенную половину пути ея. И въ глубокой старости, гордая и упрямая мать не хочетъ сознаться, что она была главнѣйшею, единственною виной гибели сыновей своихъ. Я бы ее назвалъ, но теперь еще не до нея. Въ послѣднее время находился онъ при образованіи безобразнаго сына уродливаго графа Хвостова, котораго шуринъ князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ управлялъ тогда министерствомъ военнымъ, на время командованія Барклаемъ одною изъ дѣйствующихъ армій. Вслушавшись въ дерзкія рѣчи его, Горчаковъ счелъ его опаснымъ и отправилъ въ Пензу; а онъ тамъ рассказывалъ, будто это сдѣлано было съ намѣреніемъ разорвать любовныя связи его съ какою-то кузиной, княжной Горчаковой, какъ всякій Французъ, который самохвалству своему честь женщины приноситъ въ жертву. Но никто не хотѣлъ ему вѣрить.

Наканунѣ Успеньева дня пришли мнѣ сказать, что нѣкто Мордвиновъ желаетъ меня видѣть. Я одѣлся наскоро, чтобы къ нему выйдти и, взглянувъ на него, изумился: я не имѣлъ понятія о необыкновенной красотѣ, которую можетъ имѣть старость. Передо мною былъ чело-вѣкъ не съ большимъ лѣтъ шестидесяти, невысокаго роста, одѣтый съ изысканною опрятностью, въ черномъ фракѣ не новаго покроя, съ расчесанными и на обѣ стороны распущенными бѣлыми волосами, съ чрезвычайною живостію во взорахъ, съ удивительною пріятностію въ голосѣ, что-то напоминающій собою Вакефильдскаго священника: передо мною былъ прославившійся въ государствѣ Николай Семеновичъ Мордвиновъ. Пріѣхавъ наканунѣ вечеромъ въ Пензу, онъ съ семействомъ своимъ, состоящимъ изъ жены, трехъ молодыхъ дочерей и малолѣтняго сына, остановился въ какомъ-то заѣзжемъ домѣ, въ нижней части города. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, находясь въ службѣ, намѣревался онъ провести у насъ всю зиму и для того искалъ для себя удобную квартиру. Какъ лучший домъ былъ занятъ Полькою Рыщевской, ему указали на нашъ, который не великъ и не красивъ былъ, однакоже чрезвычайно помѣстителенъ; но мать моя, перѣхавъ изъ него, не хотѣла ни отдавать его въ наймы, ни сама возвращаться въ него, а оставить его въ томъ видѣ, въ которомъ онъ находился въ минуту кончины отца моего. Смущенный внезапнымъ появленіемъ г. Мордвинова, я не умѣлъ порядочно съ нимъ объясниться и почти-тельно повелъ его показывать ему комнаты. Онъ остался доволенъ какъ числомъ, такъ и расположеніемъ ихъ и вдругъ спросилъ меня о цѣнѣ? Еще болѣе смѣшавшись, я запросилъ 1500 рублей въ годъ, сумму тогда необъятную въ провинціи, въ надеждѣ, что онъ начнетъ торговаться, и я могу отослать его къ настоящей владѣлицѣ дома. Но онъ этого не сдѣлалъ и въ мигъ согласился дать мнѣ требуемую сумму. Тогда рѣшился я объявить ему, что мнѣ нужно переговорить о томъ съ матерью, а онъ сказалъ мнѣ, что за отвѣтомъ самъ придетъ къ ней послѣ обѣда. Скорѣе побѣжалъ я къ ней и не безъ труда могъ получить ея согласіе, представляя ей, что само Небо, кажется, со всѣхъ сторонъ посылаетъ намъ средства къ скорѣйшей уплатѣ долговъ нашихъ.

Неожиданный пріѣздъ столь знаменитаго чело-вѣка, какъ Мордвиновъ, бывшаго морскаго министра, настоящаго предсѣдателя одного изъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, въ другое время взволновалъ бы весь нашъ губернской городъ. Тутъ этого не было. Голицынская спѣсь заставила губернатора оказать пріѣзжему совершенно невниманіе: чтобы не совсѣмъ показаться ему неучтивымъ, поспѣшилъ онъ уѣхать на ярмарку въ Саранскъ. Въ Петербургѣ отъ Мордвинова совершенно зависѣло принадлежать къ высшей аристократіи, но онъ

любилъ дѣлать все по своему. Женившись въ Ливорно на скромной дѣвицѣ, дочери Англинскаго консула Кобле, всегда велъ онъ съ нею жизнь довольно уединенную, въ кругу своего семейства, въ кругу близкихъ и дальнихъ родственниковъ, старинныхъ, просвѣщенныхъ и достаточныхъ дворянъ, которые не думали гоняться за знатностью; охотно принималъ онъ у себя также ученыхъ, артистовъ и литераторовъ. Отъ того между аристократами прослылъ онъ вольнодумцемъ, республиканцемъ; внутри Россіи почитали его усерднымъ, смѣлымъ патриотомъ. Ничего этого не было. У него была страсть риторствовать, изумлять довольно смѣлыми, на Западѣ совсѣмъ не новыми мыслями; но сильныхъ, внутреннихъ убѣжденій, но положительныхъ, твердыхъ мнѣній ни о чемъ у него не было. Пожалуй, это можно назвать безпристрастіемъ, умѣренностію. Напримѣръ, онъ былъ однимъ изъ основателей *Бесѣды Россійскаго Слова* и почитался душевнымъ другомъ руссомана до безумія Александра Семеновича Шипкова, новаго государственнаго секретаря; въ то же время всѣмъ извѣстны были связи его съ Сперанскимъ, и онъ явно и громко порицалъ строгость, употребленную съ симъ падшимъ временщикомъ. Неизвѣстно, немилость ли къ нему двора, или его собственное неудовольствіе на правительство, заставили его выѣхать изъ Петербурга. Такъ по крайней мѣрѣ казалось; и это, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, вмѣстѣ съ внушеніями Голицына, удержало дворянъ отъ изъявленій знаковъ должнаго къ нему уваженія, отъ которыхъ, впрочемъ, и самъ онъ уклонялся. За годъ передъ этимъ, разсчитывая на плодородіе Пензенской губерніи, купилъ онъ въ ней тысячу душъ; но имѣніе было малоземельное, и онъ никакого почти не получалъ съ него дохода: онъ хотѣлъ накупить земель въ Саратовскихъ степяхъ, чтобы переселить туда половину крестьянъ, и по словамъ его, вотъ была причина появленія его между нами.

Итакъ, я сталъ тѣсниться въ банѣ, на одномъ дворѣ съ матерью моею, оставивъ чертоги свои; но, по приглашенію нанимателя, иногда посѣщалъ ихъ. Супруга его Генріетта Александровна, милая и почтенная дама, въ уединеніи своемъ (ибо никто къ нимъ не ѣздилъ), всегда мнѣ была очень рада; но молоденькія миссъ Мордвиновы были отменно дики и, казалось, страшились дуновенія мушкетера. Самого же Николая Семеновича я всегда слушалъ съ жаднымъ любопытствомъ и, кажется, иногда понималъ; я находилъ много ума, бездну познаній, но, признаюсь, толку никакого. Къ несчастію моему, осенью маленькое семейное его общество умножилось прибытіемъ къ нему одного молодого ученаго, весьма почтеннаго Гульянова, который въ послѣдствіи сдѣлался такъ извѣстенъ соперничествомъ съ Шампольономъ въ объясненіи гіероглифическихъ знаковъ. Онъ все разсуждалъ со мною о Санскрит-

скомъ языкѣ, котораго даже названія я дотолѣ не слыхивалъ. Не подозревая, что онъ говоритъ со мною о прародителѣ нашего Русскаго и всѣхъ Славянскихъ языковъ, мнѣ казалось, что дѣло идетъ о священномъ писаніи, *sancto scripto*, и это недоразумѣніе, обнаруживая все невѣжество мое, совершенно погубило меня въ мнѣніи Мордвинова; я замѣтилъ это и совсѣмъ отсталъ отъ дому его.

Со всѣми этими прѣзжими я какъ будто потерялъ изъ виду великій предметъ, который тогда всѣхъ и каждаго, безпрестанно, исключительно занималъ, какъ будто позабылъ о войнѣ. Правда, недѣли двѣ уже никакихъ почти о ней извѣстій не было, все какъ будто поумолкло, попритихло, и что-то такое похожее на надежду стало оживлять насъ. Мы знали или, лучше сказать, слышали, что двѣ главныя арміи, Барклай и Багратіона, должны были соединиться или уже соединились подъ укрѣпленнымъ Смоленскомъ, надъ трудною переправой черезъ Днѣпръ. Этотъ оплотъ былъ упованіе наше, мы въ немъ для Наполеона видѣли столпы Геркулесовы, за которые сила его не прорвется.

Между тѣмъ губернаторъ отправился въ Саранскъ совсѣмъ не на ярмарку, а болѣе для свиданія съ главноначальствовавшимъ надъ ополченіями графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ, для совѣщаній съ нимъ и для принятія его приказаній по дѣлу вооруженія. Въ Воскресенье 18-го Августа (мнѣ такъ памяты всѣ эти числа), день былъ прекрасный, вечеръ теплый и ясный, и мнѣ почти было весело. Гуляя по городу, вдругъ повстрѣчался я съ канцелярскимъ чиновникомъ, любимцемъ Голицына, котораго бралъ онъ съ собою.

— Вы уже опять здѣсь, сказалъ я ему, какъ вы скоро воротились!— Да-что дѣлать отвѣчалъ онъ: бѣда, пришло ужасное извѣстіе, была большая рѣзня, и въ самый день Преображенія Французы штурмомъ взяли Смоленскъ; графъ въ отчаяніи поспѣшилъ обратно въ Нижній-Новгородъ, и намъ уже безъ него въ Саранскѣ ничего не оставалось дѣлать.

Было уже поздно; какъ одурѣлый побрѣлъ я домой и не зашелъ къ матери, чтобы не испугать ее отчаяннымъ видомъ своимъ.

Это былъ третій электрическій ударъ, который раздался по всей Россіи, который, поражая печалью сердца Русскихъ, какъ будто всякій разъ все болѣе возжигалъ въ нихъ мужество и усердіе защищать отечество. На другой день, въ Понедѣльникъ, 19-го числа, многіе сбѣжали на почту, въ томъ числѣ и я. Вотъ какія вѣсти привезла она намъ: Государь отлучался изъ Петербурга для свиданія въ Абовѣ съ Шведскимъ кронпринцемъ, бывшимъ Французскимъ генераломъ Бернадотомъ. Хотя то и показалось намъ нѣсколько унизительнымъ для императорскаго достоинства, но такое согласіе успокоивало насъ

насчетъ опасности для Петербурга и нашей крайней сѣверной границы. Узнавъ о взятіи Смоленска, Государь прискакалъ обратно въ Петербургъ, чтобы назначить искуснаго полководца, старика князя Кутузова, главнокомандующимъ надъ всѣми дѣйствующими арміями. Приписывая всѣ неудачи наши разброду, въ которомъ какъ будто они находились, мы ободрены были мыслію, что главная власть сосредоточится въ однѣхъ рукахъ; жалѣли только, что не ранѣе о томъ подумали. Къ тому же, самое имя Кутузова напоминало Екатерину и побѣды.

Въ это время были у меня еще другія заботы, въ которыхъ, къ удовольствію моему, мать моя принимала дѣятельное участіе. Покойный отецъ мой, не столько изъ усердія къ православію, какъ по извѣстной читателю архитектурной его страсти, въ продолженіи пяти лѣтъ, исподоволь, экономическимъ образомъ соорудилъ въ приданомъ матери моей селѣ Лебедевкѣ каменную, небольшую, но хорошенькую церковь во имя Владимирской Божіей Матери, коей икона была ея же родительскимъ благословеніемъ. Строеніе церкви было окончено, и она внутри совсѣмъ почти была отдѣлана, когда смерть его постигла. Лѣто прошло у насъ въ сборахъ; надобно было, наконецъ, подумать о ея освященіи, и для совершенія того мать моя назначила 26-е Августа, день, въ который празднуются чудеса сказанной иконы. Обрядъ сей, въ селеніяхъ всегда радостный, веселый, призываетъ къ себѣ обыкновенно всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ и долго остается у нихъ въ памяти. Тутъ, къ сожалѣнію, ничего этого не было.

У всѣхъ на умѣ было тогда одно только: Москва. Болѣе двухъ сотъ верстъ еще отдѣляли ее отъ непріятеля; большая, сильная армія, еще не истребленная, находилась впереди ея, и, какъ утверждали, всѣ ея жители готовы были пасть съ оружіемъ въ рукахъ. Но буря шла прямо на нее; сколько разъ уже потоки Литовскихъ, Польскихъ и Татарскихъ полчищъ истребляли ее! Какая ждетъ ее участь? Мы хотѣли вѣрить спасенію ея и не могли. Нашему воображенію представлялась она вѣнчанною мученицей, съ христіанскимъ терпѣніемъ, спокойно ожидающею неизбѣжной казни. О, какъ величественна и прекрасна была она тогда въ глазахъ нашихъ, сія родная Москва, наша древность, наша святыня, колыбель новаго могущества нашего! Нѣтъ, развѣ только дѣти въ послѣднія минуты жизни обожаемой матери могутъ такъ трепетать, видя приближеніе конца ея.

Итакъ, въ самый день Бородинской битвы, 26-го Августа, происходило у насъ, въ шести верстахъ отъ Пензы, освященіе новаго храма. Маленькій домъ не былъ достаточенъ для помѣщенія прибывшихъ изъ города гостей; для большей половины ихъ столъ былъ накрытъ въ особой палаткѣ. Воздухъ былъ теплый, удушливый, и ни

одинъ листокъ не колыхался; небо было темносѣраго цвѣта, и свозъ облака ни единое голубое пятнышко не проглядывало. Преосвященный Аѳанасій, хворый старецъ, съ добродушнымъ взглядомъ своимъ и грустною улыбкой совершалъ богослуженіе; по слабости нервовъ онъ не могъ выносить громогласнаго пѣнія, и отъ того въ голосѣ пѣвчихъ было нѣчто заунывное. Все было тихо и печально. Мать моя въ этотъ день старалась укрѣпиться духомъ и въ первый разъ послѣ кончины супруга нарядилась въ бѣлое платье; во время служенія не проронила ни одной слезки, не испустила ни единого вздоха, но когда вмѣсто многолѣтня создателю храма возгласили вѣчную память, она упала замертво и вѣрно бы расшиблась, еслибы не успѣли ее поддержать. Послѣ того была одна неожиданно-трогательная минута: когда вокругъ церкви понесли икону Владимирской Божіей Матери и запѣли ей извѣстный тронарь: «Днесь свѣтло красуется славнѣйшій градъ Москва, яко зарю солнечную воспріемше чудотворную Твою икону... Молися воплощенному Христу Богу нашему, да избавить градъ сей», всѣ отъ перваго гостя до послѣдняго мужика въ одинъ голосъ зарыдали.

Грустно подумать, что въ это самое время и въ этой самой Москвѣ, для насъ провинціаловъ столь священной, находились люди безъ ума и безъ сердца, которые смотрѣли не только равнодушно на приближеніе врага, но еще радовались тому. Послѣ описаннаго мною, дня черезъ два могъ я въ томъ удостовѣриться. Въ день Ивана Постнаго, 29-го Августа, мнѣ сказали послѣ обѣда, что изъ Москвы пріѣхали два Пензенскихъ помѣщика, года три туда переселившіеся. То были: Савва Михайловичъ Мартыновъ и Владимиръ Егоровичъ Жедринской. Послѣдній, провинціальный франтъ и соблазнитель, нѣсколько уже знакомъ моимъ читателямъ. Первый былъ въ нѣкоторомъ съ нами свойствѣ: отецъ его, Михаилъ Ильичъ, былъ женатъ на теткѣ моей матери, и дѣти отъ сего брака приходились ей двоюродными; будучи уже старъ, вступилъ онъ въ третій бракъ съ дочерью какого-то подъячаго Дрындина, и послѣднимъ плодомъ онаго былъ этотъ Савва. Съ ребячества былъ онъ примѣчательнень гнуснымъ безобразіемъ и чрезмѣрнымъ самолюбіемъ; въ первой молодости, получивъ первый офицерскій чинъ и владѣя только ста душами, оставилъ онъ службу и началъ думать о средствахъ замѣнить искусствомъ скудость даровъ Фортуны. Онъ началъ, какъ говорится, служить четыремъ королямъ и вѣровать въ одного Вольтера, котораго, выучившись по-французски, снѣ одного только прочиталъ: можно посудить о его правилахъ и религіозныхъ чувствахъ. Посвященный наконецъ во всѣ таинства картежной игры, онъ примѣтно началъ разживаться; удачно и расчетливо выставляемая имъ роскошь и смѣлая болтовня дали въ Пензѣ большой ему вѣсъ. Но онъ оставилъ ее, ибо

Москва представляла ему гораздо богатѣйшую добычу. Жедринской, малый простой, пошелъ къ нему въ опеку, но никогда не могъ подняться до высоты его, хотя, впрочемъ, и гениальность Мартынова не простиралась далѣе обмана и фанфаронства. Оба они въ Пензѣ говорили Французскимъ діалектомъ; у Жедринскаго былъ выговоръ лучше, зато Мартыновъ говорилъ бѣгло и безошибочно: это вѣроятно дало имъ надежду, что Наполеонъ, покоривъ Россію, назначить ихъ, прапорщика и титулярнаго совѣтника, префектами въ завоеванныя имъ провинціи. Вотъ къ какимъ людямъ побѣждалъ я за извѣстіями, можетъ-быть, утѣшительными! Я нашелъ ихъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа; на вопросъ мой отвѣчали они мнѣ, что оставили Москву, такъ сказать, почти накануне ея сдачи. «Согласитесь», улыбаясь сказалъ мнѣ Мартыновъ, «что смѣшно и безразсудно противиться великому человѣку, у котораго полмиліона войска и двѣ тысячи пятьсотъ пушекъ» Негодованіе оковало мнѣ языкъ; но, видно, глаза мои выразительно говорили, ибо въ обоихъ скоро замѣтилъ я смущеніе и досаду. Не говоря ни слова, всталъ я и вышелъ, и долго молчаніе мое съ ними не прерывалось. И эти люди прямо изъ православной, подумалъ я; ну, если подобныхъ имъ много тамъ? А впрочемъ, что за важность: и въ самихъ Божіихъ храмахъ, по небрежности церковнослужителей, часто разводятся крысы и всякая гадина. Однакоже, ихъ слова навели на меня неизъяснимую тоску, которая могла нѣсколько быть разсѣяна только трудными занятіями, мнѣ предстоявшими.

Во всякой изъ ополчающихся губерній учреждался комитетъ для принятія и храненія какъ отъ дворянства поступающихъ, такъ и другими сословіями жертвуемыхъ суммъ, для производства жалованія ратникамъ, для обмундированія, вооруженія и продовольствія ихъ, до выстушенія въ походъ за предѣлы губерніи; однимъ словомъ, для каждаго ополченія учреждалась особая комисаріатская и провіантская вмѣстѣ комисія. Предсѣдателями сихъ комитетовъ вездѣ были губернскіе предводители дворянства. Но по несогласіямъ Пензенскаго Колокольцова съ губернаторомъ, сей послѣдній выпросилъ у графа Толстаго, чтобъ отъ дворянства былъ выбранъ особый предсѣдатель. Къ 1-му Сентября собралось оно для выборовъ на убылыя мѣста поступившихъ въ ополченіе, и такъ доспѣшно поворотило дѣломъ, что въ два дня все было кончено.

Комитетъ пожертвованій для ополченія долженъ былъ состоять изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, одного отъ правительства, другаго отъ дворянства, третьяго отъ купечества. Въ предсѣдателя, выбранъ былъ, бывшій Екатерининскій гвардіи капитанъ, отставной бригадиръ Никодѣй Степановичъ Кашкаръ, человѣкъ лѣтъ около шестидесяти

родной дядя описаннаго мною меломана того же имени. Трудно сказать, чего болѣе былъ онъ достоинъ, любви или уваженія. Въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ его было нѣчто особенно-благородное, отличающее его отъ другихъ дворянъ. Членомъ избрали дворяне отставнаго гвардіи поручика, Алексѣя Гавриловича Караулова, человека довольно пожилаго, степеннаго, который слова выпускалъ на мѣру и на вѣсь, у котораго немного было идей, но довольно смыслу, чтобы по пустому не говорить. Купцы посадили въ комитетъ торговца, не весьма богатаго, добраго и толстаго простяка, Петра Васильевича Козицына. Не знаю, какіе были толки у матери моей съ княземъ Голицынымъ; но въ одно утро предложили они мнѣ мѣсто члена отъ правительства въ семь комитетъ. Я принялъ это предложеніе съ удовольствіемъ и благодарностію; ибо тяжело бы мнѣ было во всеобщемъ движеніи оставаться простымъ зрителемъ всего происходящаго. Я продолжалъ числиться въ Министерствѣ Финансовъ и въ отпуску, и объ этомъ назначеніи мнѣ стоило только увѣдомить мое начальство. Сверхъ того, въ нашъ комитетъ назначены были секретаремъ: Иванъ Еюимовичъ Афанасьевъ, малый проворный, великій писака, и казначеемъ—Андрей Сергѣевичъ Мартыновъ, помѣщикъ весьма достаточный, извѣстный губернаторскій и архіерейскій угодникъ, самый добрый и откровенный изъ поддельцовъ и трусовъ.

Засѣданія наши открыли мы въ Понедѣльникъ, 2 Сентября, день также весьма памятный въ этомъ году. Среди занятій нашихъ мы однакоже нетерпѣливо ожидали прибытія почты; она пришла и привезла намъ, увы, послѣднія Московскія газеты. Въ нихъ прочитали мы реляцію о великомъ Бородинскомъ дѣлѣ 24 и 26 чиселъ; узнали, что поле битвы осталось за нашими и... не смѣли радоваться. Кто побѣдитель? Кто побѣжденный? Этого опредѣлительно сказано не было, и сіе недоумѣніе насъ пуще тревожило. А между тѣмъ воздухъ охолодѣлъ, дождигъ лилъ ливнемъ; городъ былъ наполненъ привъзжими, и по грязнымъ улицамъ его въ этотъ день свагали они изъ дома въ домъ, въ какой-то тоскливой суетѣ.

Куды какъ всю эту недѣлю тяжело было у меня на сердцѣ! Къ счастью, заботы по новому временному служенію моему оставили мнѣ немного часовъ для грустныхъ размышленій. Наборъ ратниковъ почти уже кончился; съ одной стороны требованія, а съ другой деньги начали поступать къ намъ въ большомъ количествѣ; надобно было наскоро завести канцелярскій порядокъ и счетную часть; съ помощію моихъ добрыхъ товарищей, въ семь дѣлъ столь же неопытныхъ какъ и я, все какъ-то уладилось. Въ Русской землѣ, когда нунда того требуетъ, все должно скоро вскипѣть и поспѣвать.

Какъ странно было видѣть, въ продолженіе этой недѣли, что при постоянно сырой, ненастной погодѣ, на Пензенскихъ улицахъ затрудняется проѣздъ отъ множества неизвѣстныхъ экипажей, запачканныхъ, забрызганныхъ грязью, каретъ, колясокъ, колымагъ и цѣлыхъ дорожныхъ обозовъ. Мы сначала подумали, что всѣ семейства уѣздныхъ помѣщиковъ рѣшились поселиться въ губернскомъ городѣ; но вскорѣ узнали, что то были эмигранты изъ Смоленской губерніи, которые хотѣли у насъ пріютиться и съ трудомъ искали квартиръ: за довольно большія деньги находили они себѣ помѣщенія въ небольшихъ домахъ мелкихъ чиновниковъ и мѣщанъ въ нижней части города.

Никто не хотѣлъ или не умѣлъ въ ихъ появленіи между нами видѣть одно изъ чудесъ царствованія Екатерины. Древній Русскій городъ Смоленскъ, въ несчастное время смутъ, Лжедмитріевъ и междуцарствія, сдѣлался добычей Польши; силою оружія царь Алексѣй Михайловичъ возвратилъ его опять Россіи, но въ короткое время Польскаго владычества, онъ до того ополячился, что еще внука сего самаго Алексѣя Михайловича, государыня Елисавета Петровна, къ кому то писала: «Какъ мнѣ быть съ Смольянами? Я ли ихъ не тѣшу? Но какъ видно по пословицѣ, какъ волка не корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ». Настоящей преемницѣ ея, Екатеринѣ Второй, которая не тѣшила и не угнетала ихъ, достаточно было тридцати четырехъ лѣтъ, чтобы совершенно перелить ихъ въ Русскихъ, да еще въ какихъ! Самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ престолу и своему истинному отечеству.

Такими явили они себя въ началѣ этой войны. Нѣкоторые помѣщики сами собою вооружили дворовыхъ людей и крестьянъ и составили изъ нихъ небольшіе партизанскіе отряды, которые при переходѣ Французовъ тревожили ихъ, нападали на ихъ обозы и захватывали отсталыхъ, и такимъ образомъ подали примѣръ и мысль о партизанской войнѣ и всеобщемъ вооруженіи. Одинъ изъ нихъ, доблестный Энгельгардтъ, попавшійся въ плѣнъ, правосуднымъ Французскимъ начальствомъ былъ разстрѣлянъ. Семейства свои, послѣ паденія Смоленска, съ полною довѣренностію отправили они въ самую глубь родной Россіи. Сначала не могли они слишкомъ быть довольны гостепріимствомъ Пензы; но вскорѣ потомъ, какъ объясню я далѣе, поступлено было съ ними истинно по-братски.

Приблизился, наконецъ, тотъ день, въ который, лишившись послѣдней надежды спасти наше сокровище, мы вмѣстѣ съ тѣмъ освободились отъ всякаго страха: день сильнаго перелома, въ который война совершенно превратилась въ отечественную, въ народную, и, для пришельцевъ наступило время гибели.

V.

Въ Воскресенье, 8 Сентября, день Рождества Богородицы, пошелъ я на поклоненіе губернатору, какъ будто уже моему начальнику. Я нашелъ его въ залѣ, провожающаго князя Четвертинскаго. Я худо повѣрилъ глазамъ своимъ, и у меня въ нихъ помутилось. Не будучи съ нимъ лично знакомъ, много разъ встрѣчалъ я въ Петербургскихъ гостинныхъ этого красавца, молодца, опаснаго для мужей, страшнаго для непріятелей, обвѣшаннаго крестами, добытыми въ сраженіяхъ съ Французами. Я зналъ, что сей извѣстный гусарскій полковникъ, наѣздникъ, долго владѣвшій женскими сердцами, наконецъ самъ страстно влюбился въ одну княжну Гагарину, женился на ней и сдѣлался мирнымъ жителемъ Москвы; зналъ также, что, по усиленной просьбѣ графа Мамонова, онъ взялся сформировать его конный казачій полкъ. Какими судьбами онъ въ Пензѣ? Чтò имѣетъ онъ съ нею общаго? Оборотаясь къ одному изъ братьевъ Голицыныхъ и на него указывая: «чтò это значитъ?» спросилъ я. «Онъ пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, навѣстить жену свою, которая теперь съ матерью находится въ Пензѣ, проѣздомъ въ Саратовское имѣніе».—«А чтò армія?» спросилъ я.—«Онъ видѣлъ ее на Поклонной горѣ, гдѣ собирались, кажется, дать последнее рѣшительное сраженіе». Пріѣздъ Четвертинскаго мнѣ все сказалъ. Онъ не хочетъ быть дурнымъ вѣстникомъ, подумалъ я, и на день, на два оставляетъ намъ еще надежду.

Цѣлый день ходилъ я какъ шальной, избѣгая, елико возможно, дѣлать вопросы. Вечеромъ навѣстили меня братья Ранцовы, изъ коихъ старшій былъ нѣкогда моимъ товарищемъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; видъ ихъ показался мраченъ и угрюмъ. Говоря о томъ о семъ, «завтра Понедѣльникъ, сказалъ я, чтò-то привезетъ намъ завтрашняя почта?»—«Нѣтъ, сказалъ мнѣ младшій Ранцовъ, не ждите ея, она уже не придетъ», и... объявилъ мнѣ истину. Четвертинскій не могъ скрыть ее отъ губернатора, а сей скромный человекъ сказалъ ее на ухо двумъ или тремъ столь же скромнымъ людямъ, такъ что къ вечеру, кромѣ меня, почти весь городъ зналъ, что Москва сдана безъ бою.

Не помню, чтò было со мною въ слѣдующіе дни; только кажется, что безъ заботъ комитета я сошелъ бы съ ума. Въ эти горестные дни семейство наше, 11 Сентября, было нѣсколько утѣшено и обрадовано пріѣздомъ брата моего, который на время отлучился отъ арміи для свиданія съ родными. Разсказъ сего достовѣрнаго очевидца въ семейномъ кругу, сколько припомню, передаю здѣсь читателю.

Отъ самаго Смоленска, Курляндскій драгунскій полкъ, въ коемъ онъ служилъ, находился въ арьергардѣ и прикрывалъ отступление нашей арміи, слѣдственно ежедневно имѣлъ или сильную драку или, по крайней мѣрѣ, перестрѣлку съ непріателемъ. На великомъ пространствѣ, коимъ проходило войско, каждый день и каждую ночь самыя печальныя зрѣлища представлялись ему. Не проходило ночи, чтобы горизонтъ во многихъ мѣстахъ не былъ освѣщаемъ заревомъ окрестъ-пылающихъ селъ. Кто зажигалъ ихъ? Неужели Французы? Это было бы верхъ безумія: какъ истреблять все по единственной линіи сообщенія ихъ съ Польшей и Европой? Развѣ только наше войско? Но пожары всегда были видны позади его, въ той сторонѣ, куда приходило непріятельское. Въ иныхъ мѣстахъ, можетъ быть, отчаяніе жителей предавало огню то чего не хотѣлось имъ отдать въ руки нехристей, какъ они полагали; а въ другихъ, можетъ-быть, причиною была неосторожность при разведеніи биваковъ. Въ селеніяхъ, куда приходили они днемъ, вездѣ находили они крестьянъ или убирающихъ скромные свои пожитки, или уже ихъ уложившихъ на возы и готовыхъ къ отъѣзду; всюду спрашивали они ихъ: «скажите, батюшки, далеко ли еще злодѣйство, извергъ рода человѣческаго?» Женскій полъ являлъ сцены трогательныя, раздирающія душу. Старыя крестьянки, въ обыкновенное время столь крикливыя и сварливыя, казались молчаливо-сердиты. Молодыя же, въ избыткѣ чувствъ и горести, по-своему краснорѣчиво выражали ее, разставаясь съ родимымъ гнѣздомъ. «Прости, моя милая горенка; долго хохлила, чистила и мыла я тебя; теперь, видно, пришлось въ послѣдній разъ омыть тебя только горючими слезами», приговаривали онѣ. Бывало, что инныя въ этомъ случаѣ падали въ непритворный обморокъ. Особенно же братъ мой не могъ смотрѣть равнодушно на семейства сихъ простыхъ людей, когда, готовясь снять со стѣны наслѣдственныя иконы, они съ мольбою упали ницъ предъ ними и потомъ нѣжно, уныло и почтительно изъ избы выносили съ собою пенаты свои. И это, говорятъ, кочевой народъ! Это варвары, неумѣющіе ничего чувствовать и понимать!

За два дня до большаго Бородинскаго дѣла, 24 Августа, былъ прологъ его, который отдѣльно самъ могъ бы почитаться великимъ сраженіемъ. Въ этотъ день братъ мой получилъ сильную контузію въ правую ногу, такъ что съ трудомъ могли снять его съ лошади, положили въ телѣгу, запряженную двумя его лошадьми, верховою и вьючною, и отправили за 10 верстъ въ столь же извѣстный какъ и маловажный городокъ Можайскъ. Въ семъ опустѣломъ мѣстѣ раненыя, коихъ число было еще не такъ велико, могли выбирать любыя квартиры. 25-е число прошло для него довольно тихо, но 26-го

былъ онъ пробужденъ такимъ пушечнымъ громомъ, какого, не взирая на разстояніе, онъ догелѣ не слыхивалъ. Такъ продолжалось почти до вечера; тогда раздались другіе, ужаснѣйшіе звуки. Всѣми ранеными, коихъ можно было только свезти съ поля сраженія, наполнился городокъ; въ домахъ его ни чулана, ни чердака не осталось пустаго. Но всего этого было мало: двѣ трети сихъ несчастныхъ не могли помѣститься, и они тысячами страдали и умирали на улицахъ, кои были ими завалены. Стоны и крики слышны были всю ночь: кто тщетно просилъ воды, чтобъ утолить его смертельную жажду, кто просилъ, чтобъ его привожили. Брату было не до собственныхъ страданій и, не смотря на нихъ, рѣшился онъ на другое утро, безъ всякаго вида, отправиться въ Москву, куда и прибылъ онъ 29 числа.

Онъ гдѣ-то остановился близъ Дорогомиловскаго моста. Вообще имѣлъ онъ мало знакомыхъ въ Москвѣ, а тутъ, съ помощію слуги своего, нашелъ только одного, полицеймейстера полковника Адама Омича Брокера, великаго пріятели зятя нашего и любимца Растопчина. Изъ пріязни и состраданія привезъ онъ ему медицина, и самъ раза по два въ день навѣщалъ его. Въ день Александра Невскаго, именины Императора, пріѣхалъ онъ къ нему поздно ночью прямо изъ маскарада, послѣдняго публичнаго увеселенія въ Москвѣ, послѣ котораго не скоро должны были они возобновиться въ этомъ всесожженію обреченномъ городѣ. Залы по обыкновенію, сказывалъ онъ, были ярко освѣщены; но посѣтителами ихъ были только съ полдюжины раненыхъ молодыхъ офицеровъ, да съ дюжину не весьма пристойныхъ дѣвицъ. Черезъ два дня въ такую же пору пріѣхалъ онъ ему сказать, что онъ долженъ поспѣшить выѣздомъ изъ Москвы, если не хочетъ попасться въ плѣнъ къ Французамъ. Въ брошенныхъ хозяевами домахъ находилось множество забытыхъ ими или оставленныхъ экипажей; въ минуту, когда они должны были сдѣлаться добычею непріятели, всякій, кто имѣлъ въ томъ нужду, бралъ ихъ себѣ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Въ спасительной заботливости своей, Брокеръ привезъ брату, изъ числа ихъ, одну весьма хорошую коляску, какъ будто никому не принадлежащую; да сверхъ того, вручилъ ему видъ за подписаніемъ графа Растопчина. Это были уже не услуги, а настоящія благодѣянія.

Въ семь часовъ утра, 2 Сентября, поднялся братъ мой, а въ восемь былъ уже за Покровскою заставой. Ужасомъ наполнилось сердце его, когда проѣзжалъ онъ по опустѣвшимъ безконечнымъ улицамъ Москвы, мимо высокихъ зданій, коихъ жители, казалось, всѣ вымерли: ни лица, ни голоса человѣческаго. На пути изъ края въ край обширнѣйшаго города, встрѣтилъ онъ всего человѣкъ семь или восемь ошпаняныхъ, оборванныхъ, съ подозрительными фигурами, которые какъ

будто еще прятались, зловѣщія тѣни, которыя быстро исчезали. Но, приближаясь къ заставѣ, для всѣхъ уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще; проѣхавъ же ее, съ трудомъ могъ онъ двигаться впередъ посреди плотной массы удаляющихся. Безпорядокъ, въ которомъ остатокъ народонаселенія Московскаго слѣшилъ изъ нея, являлъ картину, единственную въ своемъ родѣ, ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько карикатурную. Тамъ виденъ, былъ попъ, надѣвшій одну на другую всѣ ризы и державшій въ рукахъ узелъ съ церковною утварью, сосудами и прочимъ; тамъ четверомѣстную, тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ иныя дрожки впряжено было пять или шесть; тамъ въ телѣжкѣ, которыя и понынѣ еще въ большомъ употребленіи между среднимъ состояніемъ, сидѣла достаточная мѣщанка или купчиха, въ парчевомъ нарядѣ и въ жемчугахъ, во всемъ, чего не успѣла уложить; конные, пѣшіе валили кругомъ; гнали коровъ, овецъ; собаки въ великомъ множествѣ слѣдовали за всеобщимъ побѣгомъ, и печальный ихъ вой, чуя горе, сливался съ мычаніемъ, съ блеяніемъ, со ржаніемъ другихъ животныхъ. Шагъ за шагомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ проѣхавъ такимъ образомъ верстъ пятнадцать, братъ мой рѣшилъ остановиться, опасаясь, что далѣе не найдетъ убѣжища по безчисленности спутниковъ. Немногіе послѣдовали его примѣру; болѣе боязливые весь день и часть ночи продолжали печальное свое шествіе. Ночью сдѣлалось почти свѣтло: огненный столбъ поднялся надъ Москвою, когда загорѣлись въ ней винныя или водочныя магазины. Какъ ни привыкъ мой братъ къ зрѣлищамъ разрушенія, ни которое такъ сильно его не поразило.

Проѣхавъ Коломну и Оку, многочисленное общество, съ которымъ онъ долженъ былъ ѣхать, примѣтно стало уменьшаться, и онъ, хромой, дотащился наконецъ до Пензы, гдѣ былъ встрѣченъ и окруженъ попеченіями близкихъ родныхъ и знакомыхъ врачей. Но не долѣе какъ три или четыре недѣли оставался онъ съ нами; чувствуя совершенное облегченіе, онъ опять поспѣшилъ къ знаменамъ, вскорѣ потомъ уже побѣдоноснымъ. Чтобы не забыть, скажу я здѣсь, что слѣдующей зимой за эту кампанію былъ онъ, наконецъ, произведенъ въ подполковники.

Городъ Пенза, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ становился многлюднѣе. Изъ первыхъ пріѣзжихъ, Мордвиновъ никуда не показывался, а Рыщевскую всѣ бросили *). Послѣ Смольнянъ, изъ всѣхъ уѣздовъ

*) На другой день по полученіи извѣстія о взятіи Москвы, праздновала она у себя сіе счастливое событіе съ двумя Французами, Радольфомъ и Магіеромъ. Всѣ комнаты были освѣщены. Но радостное спокойствіе сего торжества было внезапно нарушено. Градъ каменей

семейства помѣщиковъ дѣйствительно начали прибывать и какъ будто спастись въ губернской городъ. Въ числѣ ихъ можно назвать и самоѳ княгиню Голицыну, мать губернатора, которая къ сыну на всю зиму переселилась изъ Зубриловки. Съ половины Сентября стали наѣзжать уже Московскіе эмигранты, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, въ великомъ множествѣ начали, какъ говорилъ народъ, пригонять плѣнныхъ. Наконецъ, повернуться у насъ было трудно.

Пріѣзжіе Москвичи почти всѣ были люди достаточные, владѣющіе въ Пензенской губерніи или въ сосѣдственныхъ съ нею хорошими помѣстьями и ни въ чемъ не могли нуждаться. Въ домахъ, Пензенскому обществу, такъ-называемому лучшему, вовсе неизвѣстныхъ, но не менѣе опрятныхъ, теплыхъ и просторныхъ, принадлежащихъ купцамъ и нѣкоторымъ чиновникамъ, нашли они себѣ удобныя квартеры, и такимъ образомъ самимъ жителямъ отерыли сокровенныя отъ нихъ богатства.

Но бѣдные Смольняне, въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ имѣній своихъ, истратившіе взятыя съ собою небольшія суммы, угрожаемы были совершенною нищетой. Тутъ дворянство наше въ отношеніи къ нимъ явило себя истинно-достойнымъ своего имени: всякій, кто только могъ, потѣснился, чтобы дать у себя мѣсто хотя одному Смоленскому семейству; разумѣется, что для дорогихъ гостей столъ былъ готовый; что овощи, картофель, рѣпа, горохъ, мука, крупа для людей, а сѣно и овесъ лошадямъ были даровые. И это довольно накладное гостеприимство сопровождалось ласками, привѣтствіями, которыя давали ему еще болѣе цѣны. Сколько разъ мать моя упрекала меня за поспѣшность, съ которою отдалъ я домъ нашъ Мордвинову. «Три семейства, потѣснившись, могли бы въ немъ помѣститься», говорила она, «а отъ полуторы тысячи рублей мы не разбогатѣемъ». Однакоже представился случай быть полезными Смольнянамъ. Одна госпожа Пovaloпвейковская выдала дочь за господина Гернгросса; не только съ нею и съ зятемъ своимъ, но и съ его матерью и тремя сестрами, Полоцкими жительницами, пріѣхала она; трудно было такой гурьбѣ помѣститься, и она согласилась жить въ селѣ Симбухинѣ, въ старомъ господскомъ домѣ нашемъ, гдѣ, разумѣется, всѣ провізіи были къ услугамъ ея. Тутъ у насъ на

изъ бармановъ и рукъ двухъ человѣкъ, ѣхавшихъ мимо верхомъ, посыпался въ ея огни, и всѣ стекла разбилъ въ дребезги; верховые усаkali потомъ неизвѣстно куда, и никогда не могли ихъ отыскать. Черезъ нѣсколько времени мнѣ одному открылась тайна, но я никому не объявлялъ о ней, не изъ скромности, а изъ опасенія быть подозрѣваемымъ въ подученіи. Это были—одинъ молодой ~~жандармъ~~ ~~жандармъ~~, прежде бывшій у меня въ услуженіи, родными моими отпущенный на волю и находившійся тогда канцелярскимъ служителемъ въ Губернскомъ Правленіи; а другой—пріятель и товарищъ его въ томъ же правленіи. Оба они поступили въ ополченіе, а изъ него перешли въ настоящую военную службу.

то была еще особая причина: братъ этого Гернгросса былъ полковнымъ командиромъ Митавскаго драгунскаго полка, коего генераль Алексѣевъ былъ шефомъ, и онъ съ женою жили въ большой дружбѣ съ сестрою моею и зятемъ. Но о сихъ послѣднихъ давно уже не сказаль я ни слова, какъ будто вовсе о нихъ позабывъ.

Не скоро могли мы получить извѣстія изъ Петербурга, который былъ отрѣзанъ отъ насъ неприятельскою арміею; только во второй половинѣ Сентября установилось съ нимъ регулярное сообщеніе чрезъ Ярославль, Кострому и Нижній Новгородъ. Письмомъ, полученнымъ, наконецъ, по почтѣ симъ новымъ трактомъ отъ сестры Натальи Филиповны были мы насчетъ ея нѣсколько успокоены; предыдущія неизвѣстно куда пропадали. До свиданія въ Абовѣ Государя съ Шведскимъ кронпринцемъ войска въ Финляндіи оставались неподвижны; но послѣ того велѣно имъ, двумъ пѣхотнымъ дивизіямъ и одной кавалерійской бригадѣ, быстро двинуться въ Петербургъ. Едва лишь успѣли они туда придти, какъ имъ приказано готовиться къ дальнѣйшему походу. Петербургское ополченіе съ такою неизвѣстною поспѣшностію было набрано, выучено и вооружено, что оно готово было присоединиться къ прибывшему изъ Финляндіи войску, чтобы вмѣстѣ съ нимъ выступить къ Полоцку для подкрѣпленія корпуса графа Витгенштейна. Зять мой, Алексѣевъ, простоялъ недѣли полторы съ бригадою своею въ Новой Деревнѣ, прежде занимаемой кавалергардскимъ полкомъ, и вмѣстѣ съ ополченіемъ оставилъ Петербургъ 8-го Сентября. Тогда бѣдная сестра на всю зиму осталась въ немъ одна. Не было возможности ѣхать къ роднымъ. Государь приказалъ отвести ей славную генеральскую квартиру въ кавалергардскихъ казармахъ, съ отопленіемъ и съ освѣщеніемъ, а сыновей ея велѣлъ принять въ Пажескій корпусъ, и ими одними была она только утѣшена. Вотъ о чемъ увѣдомляла она насъ въ письмѣ своемъ.

О Москвѣ получали мы свѣдѣнія самымъ страннымъ образомъ. Когда неприятель вступилъ въ нее, оставалось еще въ ней, говорятъ, до двадцати тысячъ жителей: однимъ не съ чѣмъ было подняться, другихъ, не предувѣдомленныхъ, застали Французы въ распахъ; другіе же полагали, что имъ нечего ихъ бояться; а иные, питая преступныя надежды, даже ожидали ихъ съ нетерпѣніемъ. Но когда, на второй или на третій день по вступленіи, въ войскѣ Наполеона безпорядокъ и своеволие возрасли до такой степени, что начался дневной разбой; когда ни пищи въ домахъ, ни одежды и обуви на улицахъ солдаты не оставляли несчастнымъ жителямъ, тогда всякій изъ нихъ, кто могъ и какъ могъ, старался спастись бѣгствомъ. Помѣщики многихъ губерній, въ томъ числѣ и Пензенской, посылали мальчиковъ въ Москву и от-

давали ихъ тамъ въ ученіе къ мастеровымъ; многіе изъ нихъ подросли и возмужали. Они первые, какъ говорили они, дали тягу; валъ, на великомъ протяженіи окружающій Москву, такъ низокъ, что вездѣ могли они легко перепрыгнуть или даже перецагнуть черезъ него; далѣе лѣсами и болотами также не трудно было имъ прокрасться. Покрытые рубищемъ, пробирались они въ родину, питаясь мірскимъ подаяніемъ. Въ Пензу одинъ за другимъ пришло ихъ нѣсколько, и между прочимъ въ малъ домъ двое, портной и сапожничій ученикъ. Въ нѣкоторые дома призывали ихъ для разспросовъ; отъ нихъ узнали мы много подробностей о неистовствахъ, творимыхъ врагами въ падшей столицѣ: цапфиръ, объ оскверненіи святыни, какъ знаменитую часовню Иверскія Богоматери превратили они въ нужное мѣсто; потомъ, какъ изъ лѣни и прихоти, чтобы не дѣлать крюку, переходя черезъ Каменный мостъ, заставляли они дюжихъ мужиковъ переплывать черезъ Москву-рѣку, неся ихъ на спинѣ своей. Никого изъ Французовъ столько не обвиняли они въ жестокостяхъ, какъ тѣхъ, кои, по словамъ ихъ, хорошо умѣли по-русски, хотя плохо выговаривали: всякій понялъ, что они говорятъ о Полякахъ. Въ продолженіе Сентября ежедневно сотни людей бѣжали изъ Москвы, такъ что изъ тѣхъ, кои видѣли не совсѣмъ торжественный въѣздъ Наполеона, едва осталась десятая доля, чтобы быть свидѣтелями его ужаснаго выѣзда.

Можно себѣ представить, что породили во всей Россіи разсказы людей, по всѣмъ направленіямъ изъ Москвы бѣжавшихъ. Но еще до того, при полученіи перваго извѣстія о взятіи ея, показалось между Русскими, особенно между дворянами, нѣчто страшное, давно небывающее; въ нихъ загорѣлась неутолимая, казалось, жажда мести. Москва перестала для нихъ существовать; оплакавъ какъ слѣдуетъ родимую, они съ нѣкоторою радостію смотрѣли, какъ злодѣи терзають трупъ ея, мысленно приготовляя ей кровавые поминки и, какъ будто предчувствуя, что не далеко день мщенія. Все опасались одного—мира съ Наполеономъ, и продолженіе войны возвеличило въ глазахъ ихъ Александра. Дѣло странное, непонятное! Едва Наполеонъ успѣлъ войти въ Москву, какъ внутри Россіи всѣ начали видѣть въ ней западню, для него и желать, чтобы онъ долѣе въ ней оставался. Надо было видѣть тогда, что при одномъ имени его дѣлалось съ большею частію Русскихъ: черты лица оставались неподвижны; но чело являло гнѣвъ, и уста шептали угрозы. О, вѣчно памятный Наполеонъ! Могущій, славный нашъ врагъ, гроза и жертва наша, какихъ чудесъ ты не творишь! Тебѣ одному дано было: народу бѣшеному, яростному въ пылу сраженія, и вообще бешеному, злобному, равнодушному, забывчивому,

вдохнуть на время всю спокойную, неистощимую Корсиканскую твою злость.

За то что можетъ сравниться съ добрымъ согласіемъ, которое съ самаго начала войны, какъ сказалъ я выше, стало водворяться между всѣми состояніями? Съ силою вѣры въ Промыселъ Всевышняго, ихъ оживлявшей, не слабѣвшей, а безпрестанно возрастающей съ несчастными событіями, которыя другой народъ ввергнули бы въ отчаяніе? Прекратились всѣ ссоры, всѣ неудовольствія; составилось общее братство молящееся и отважное. Время быстро протекшее! Время вмѣстѣ ужасное и блаженное, когда, возлюбивъ другъ друга, едиными устами и единымъ сердцемъ не переставали мы призывать великое имя Его, нашего Бога и Спасителя! Кто видѣлъ это время, тотъ по гробъ его не забудеть.

Всю осень, по крайней мѣрѣ у насъ въ Пензѣ, въ самыхъ мелочахъ старались выказывать патриотизмъ. Дамы отказались отъ Французскаго языка. Пожертвованіе жестокое! А вышло на повѣрку, что по-русски говорить имъ легче, что на нашемъ языкѣ изъясняются онѣ лучше, и что онѣ весьма способны къ употребленію въ гостинныхъ. Многія изъ нихъ, почти всѣ, одѣлись въ сарафаны, надѣли кокошники и повязки; поглядѣвши въ зеркало, нашли, что нарядъ сей къ нимъ очень присталъ и нескоро съ нимъ разстались. Что касается до насъ, мужчинъ, то, во первыхъ, члены комитета, въ коемъ я находился, яко принадлежащіе нѣкоторымъ образомъ къ ополченію, получили право, подобно ему, одѣться въ сѣрые кафтаны и привѣсить себѣ саблю; однихъ эполетъ имъ дано не было. Губернаторъ не могъ упустить случая пощеголять новымъ костюмомъ: онъ нарядился, не знаю съ чьего дозволенія, также въ казацкое платье, только темнозеленаго цвѣта съ свѣтлозеленою выпушкой. Изъ губернскихъ чиновниковъ и дворянъ всѣ тѣ, которые желали ему угодить, послѣдовали его примѣру. Слугъ своихъ одѣлъ онъ также по-казацки, и двое изъ нихъ, вооруженные пиками, ѣздили верхомъ передъ его каретою.

Въ столь смутное время, гдѣ было собираться большому обществу? Кому была охота дѣлать званые вечера? Однакоже туземные и пріѣзжіе, на столь небольшомъ пространствѣ скопившіеся, скоро ознакомились, и чтобы раздѣлить горе свое, а иногда и забыть о немъ, часто за-просто навѣщали другъ друга и ѣздили изъ дома въ домъ; и оттого вездѣ можно было найти толпы людей. Московскіе... какъ бы назвать ихъ? изъ учтивости, *par courtoisie* (какъ сыновей Англинскихъ перовъ именуютъ лордами) назову ихъ аристократы, держали себя нѣсколько поотдалъ, неохотно искали знакомствъ и все болѣе лѣпились около князя-губернатора и его семейства; однакоже, при встрѣчахъ

со всѣми были вѣжливы и ласковы безъ притворства. Примѣчательныхъ лицъ между ими не было; и все-таки тѣхъ, коихъ не забыть, долгомъ считаю здѣсь представить. Объ аристократіи же, которую и я самъ признавалъ за настоящую, которая никого не чуждалась, всѣхъ искала привязать къ себѣ, буду говорить послѣ.

Былъ у насъ нѣкто Андрей Михайловичъ Рябининъ, сынъ вице-адмирала, дѣйствительный камергеръ, который очень хорошо говорилъ по-французски, имѣлъ достатокъ и былъ женатъ на княжнѣ Шаховской. Изъ всѣхъ условій сихъ, съ точностію выполненныхъ, легко ему было сфрострипать себѣ Русскую знатность, и онъ пользовался всѣми правами ея безспорно и самодовольно, даже въ самой Москвѣ. Супруга его, со-всѣмъ не миловидная, еще болѣе его, казалось, дорожила сими законопріобрѣтенными правами.

Другое семейство у насъ, именовъ къ аристократіи болѣе принадлежащее, были Шереметевы. Оно состояло изъ Сергѣя Васильевича *), отставнаго коллежскаго асессора, самаго добраго и простаго человѣка, изъ матери его, изъ жены его Варвары Петровны, столь же доброй и недѣзя сказать гениальной женщины, которая нѣкогда, подъ фамильнымъ именовъ дѣвицы Алмазовой, сіяла красотою, и наконецъ изъ сестры его, Катерины Васильевны, которой природа отказала въ красотѣ и щедро наградила необыкновенно - пріятнымъ неувыдаемымъ умомъ.

Къ этой, тогда кочующей, аристократіи принадлежалъ, кто бы подумадъ? Докторъ Скюдери, не потому, что онъ былъ искусный врачъ, не потому, что онъ былъ весьма хорошій и любезный человѣкъ, а потому, что онъ ѣздилъ во всѣ первые Московскіе дома и женился на Русской дѣвицѣ Храповицкой, которая съ сими домами была въ какомъ-то дальнемъ родствѣ.

Ни изъ однихъ Москвы и Смоленска были у насъ эмигранты: изъ отдаленнѣйшаго края, изъ Литвы, изъ Гродненской губерніи, прибыла въ Пензу вдовствующая княгиня Четвертинская. Она помнила мученическую смерть мужа своего, убитаго Варшавскою чернью за настоящую или мнимую любовь къ Россіи; помнила отеческую нѣжность Суворова къ ея семейству, неисчетныя благодѣянія, коими оное осыпала Екатерина. Не говоря уже о помѣстьяхъ ему дарованныхъ, двѣ несовершеннолѣтнія падчерицы ея сдѣланы были фрейлинами, а малолѣтній пасынокъ и два младенца-сына пожалованы прямо офицерами гвардіи. Все это были преступленія въ глазахъ Поляковъ, и она могла

*) Дочь его, когда въ желѣзахъ, кинѣ за первымъ богачемъ нашимъ графомъ Димитріемъ Николаевичемъ Шереметевымъ.

страшиться ихъ мести; къ тому же, вѣроятно, она помнила еще священныя обязанности, налагаемыя благодарностію, и сыновей своихъ, не поступившихъ еще на службу, хотя весьма уже взрослыхъ, преданныхъ душою врагамъ Россіи, не хотѣла допустить присоединиться къ нимъ. Для того, сама не зная куда, рѣшилась ѣхать внутрь государства. Гдѣ-то узнала она, что родная сестра ея Рыщевская, сослана въ Пензу, и туда направила путь. Тутъ нашла она не ее одну, но еще и пасынка своего, о коемъ упомянулъ я въ самомъ началѣ сей главы. Для молодыхъ людей, сыновей ея (одного бѣлокураго, другаго чернаго) Константина и Густава, тетка и братъ были въ Пензѣ Ариманомъ и Оромзадомъ, съ двухъ сторонъ ихъ влекшими къ добру и злу; но Ариманъ-Рыщевская натурально взяла верхъ. Отъ меня такъ и несло Русскимъ духомъ, и они съ Польскимъ чутьемъ своимъ тотчасъ почувствовали отвращеніе отъ меня; я же возненавидѣлъ ихъ съ перваго взгляда. Совсѣмъ противное сему чувство внушилъ мнѣ къ себѣ старшій, родной, но не единоутробный братъ ихъ.

Родъ князей Четвертинскихъ происходитъ отъ Русскихъ государей, отъ Святаго Владимира и отъ правнука его Святополка, князя Черниговскаго. Потомство послѣдняго, а ихъ предки, имѣли удѣлы въ Волыніи и сдѣлались подвластны Литвѣ, когда, въ несчастное для Россіи время, этотъ край отдѣлился отъ нея. Потомъ, подобно единокровнымъ князьямъ внутри Россіи, разножаясь, они бѣднѣли. При Польскомъ правительствѣ они ни разбогатѣть, ни высоко подняться не могли: ибо ни одинъ изъ княжескихъ родовъ въ Западной Россіи столь долго не стоялъ за вѣру отцовъ своихъ, столь упорно не боролся съ насиліями и прельщеніями Іезуитовъ, такъ что еще при Петрѣ Великомъ, Геденъ, князь Четвертинскій, былъ православнымъ митрополитомъ въ Кіевѣ; наконецъ, и они, и уже вѣрно самыя послѣдніе, впали въ католицизмъ и возвысились въ почестяхъ. Кто знаетъ? Для самолюбія ихъ было лестно вспомнить, что предки ихъ возсѣдали нѣкогда на престолѣ, сдѣлавшемся столь блистательнымъ, и оттого-то, можетъ, въ разныхъ вѣтвяхъ сего рода встрѣчались люди, увлекаемые чувствомъ любви къ истинному своему отечеству. Не былъ ли въ числѣ ихъ и князь Антоній, заллатившій жизнію за подозрѣваемое въ немъ чувство сіе? Не низкая доля ожидала семейство его въ Россіи.

Старшая дочь его, Жанета, оставалась долго безбрачною. Привязанность къ ней цесаревича Константина Павловича до того простиралась, что хотя онъ былъ уже женатъ, хотѣлъ онъ развестись со своею Анною Феодоровною, чтобы на ней жениться. Вдовствующая Императрица всѣми силами противилась сему союзу, и напрасно: ибо этотъ бракъ былъ бы въ тысячу разъ приличнѣе, чѣмъ тотъ, въ кото-

рый онъ послѣ вступилъ. Блестящія партіи представлялись для этой княжны, но съ честолюбивыми своими надеждами она отвергала ихъ.

Меньшая дочь, въ самой нѣжной молодости, выдана была за Дмитрія Львовича Нарышкина. Родство съ царствующимъ домомъ, высокія, первыя должности при дворѣ, пятью поколѣніями постоянно, непрерывно занимаемая, и великое богатство между ними въ цѣлости сохранившееся, составили бы вездѣ дѣйствительную знатность, а у насъ могла она почитаться дивною. Такими преимуществами пользовалась эта отрасль Нарышкиныхъ, и вотъ начало поприща, на кое вступила сія молодая женщина. Кому въ Россіи неизвѣстно имя Марьи Антоновны? Я помню, какъ, въ первый годъ пребыванія моего въ Петербургѣ, разиня ротъ стоялъ я передъ ея ложей и преглуднымъ образомъ дивился ея красотѣ, до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною; скажу только одно: въ Петербургѣ, тогда изобиловавшимъ красавицами, она была гораздо лучше всѣхъ. О взаимной любви ея съ императоромъ Александромъ я не позволилъ бы себѣ говорить, еслибы для кого нибудь она оставалась тайной; но эта связь не имѣла ничего похожего съ тѣми, кои обыкновенно бываютъ у другихъ вѣнценосцевъ съ подданными. Молодая чета, однихъ лѣтъ, равной красоты покорила въ всесильной любви, предалась страсти своей, хотя и съ опасеніемъ общаго порицанія. Но кто могъ устоять противъ плѣнительнаго Александра, не царя, а юноши? Кто бы не влюбился въ Марью Антоновну, хотя бы она была и горничная? Честолюбіе, властолюбіе, подлая корысть были тутъ дѣло постороннее. Госпожа Нарышкина рожденіемъ, именемъ, саномъ, богатствомъ высоко стояла въ обществѣ.....; никакія новыя, высокія титула, несметныя сокровища или наружныя блестящія знаки отличія не обезславиди ея привязанности.

Славное житіе было тогда меньшому, ихъ брату, князю Борису Антоновичу, молоденькому полковнику, милому, доброму, отважному, живому, веселому, писаному, какъ говорится, красавчику. Въ старости сохраняемъ мы часто привычки молодости; а въ молодости всегда остается у насъ много ребяческаго. Такъ и Четвертинскій, служившій въ Преображенскомъ полку, все бредилъ однимъ гусарскимъ мундиромъ и легко-кавалерійскою службой, пока желанія его наконецъ не исполнились, и его перевели въ гусары. Въ любимомъ мундирѣ дѣлалъ онъ кампаніи противъ Французовъ и дрался съ тою храбростію, съ какою дерутся только Поляки да Русскіе. Во время мира, пресыщенный наслажденіями, дарами Марса и Амура, онъ начиналъ уже свучать жизнію, какъ вдругъ настоящая любовь опять оживила его; скоро сдѣлалась она законою, и онъ съ молодою женою поселился въ Москвѣ.

Тутъ опять настигла его война среди первоначальныхъ восторговъ счастливаго супружества; онъ однакоже не отказался сослужить еще службу Россіи; но какъ полкъ, надъ коимъ принялъ онъ начальство, пошелъ въ Ярославль и не прежде слѣдующей весны могъ быть сформированъ, то и предпочелъ онъ ѣхать отыскивать отправленную имъ жену туда, гдѣ онъ ее настигнетъ. Между тѣмъ военныя обстоятельства приняли для насъ благопріятный оборотъ, и защищать Россію уже было нечего; тогда, махнувъ рукой славѣ и почестямъ, сказалъ онъ себѣ: «j'aime mieux ma mie, o gué!» и на время остался у насъ.

Молодая княгиня Четвертинская была изъ тѣхъ женщинъ, коихъ стѣдуетъ любить. Не знаю, какъ сказать мнѣ о ея наружности? Если прямой, гибкій станъ, правильныя черты лица, большіе глаза, пріятнѣйшая улыбка и матовая, прозрачная бѣлизна неполированного мрамора, суть условія красоты, то она ее имѣла. Съ особами обоого пола была она равно пріятлива и обходительна. Ее звали Надежда Федоровна; но для мужчинъ на челѣ этой Надежды была всегда надпись Дантова ада: «оставь надежду навсегда» *). Кто кого болѣе любилъ, мужъ или жена? Право сказать не могу.

Она пріѣхала въ Пензу съ матерью своею. Сія послѣдняя была столь долго въ Москвѣ извѣстная Прасковья Юрьевна, урожденная княжна Трубецкая, родная племянница фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго, въ первомъ замужествѣ за полковникомъ княземъ Федоромъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ. Странная встрѣча случаевъ! Отецъ княгини Четвертинской погибъ, бывъ умерщвленъ въ 1794 году, во время Варшавскаго возмущенія, почти въ одинъ день съ отцомъ мужа ея. Неутѣшная молодая вдова, мать нѣсколькихъ малолѣтнихъ дѣтей, взята была въ плѣнъ и въ темницѣ родила меньшую дочь, какъ гдѣ-то сказалъ я; вмѣстѣ съ другими была она освобождена Суворовымъ послѣ взятія Праги. Долго отвергала она всякія утѣшенія, въ серыгѣ носила землю съ могилы мужа своего; но вмѣстѣ съ твердостью имѣла она необычайныя, можно сказать, невиданныя живость и веселость характера; разъ предавшись удовольствіямъ свѣта, она не переставала имъ слѣдовать.

Она жила въ Москвѣ, въ странномъ городѣ, гдѣ на все смотрѣть, всему подражаютъ, все дѣлаютъ въ преувеличенномъ видѣ. Правнуки степенныхъ княгинь и боярынъ, рѣдко покидавшихъ свои терема, пользовались въ немъ совершенною свободой, смѣю даже прибавить излишнюю. Сбросивъ иго старинныхъ предразсудковъ, онѣ часто не хотѣли повиноваться и законамъ приличія. Тридцать или сорокъ лѣтъ спустя,

*) Извѣстнѣйшій нашъ поэтъ въ досадѣ сказалъ тоже о Петербургскихъ дамахъ.

родился коммунизмъ, и показались львицы; но тогда никто не могъ имѣть объ нихъ понятія; однакоже названіе *бойкиихъ* Московскихъ дамъ и барышень и тогда вселяло страхъ и уваженіе въ провинціалкахъ, не смѣвшихъ имъ подражать. Смотря безпристрастно, я нахожу, что нравы были дурны, но не испорчены; я полагаю, судя по холодности Русскихъ женщинъ, что грѣха было мало, или и вовсе его не было, но соблазна много. Худо было то въ этомъ жестокомъ и снисходительномъ городѣ, что клевета или злословіе не оставляли безъ вниманія ни одной женщины. И все это дѣлалось (и дѣлается) безъ всякаго дурнаго умысла; всѣ эти примѣчанія, выдумки совсѣмъ не были камнями, которыми бы хотѣли бросать въ грѣшницъ; ибо каждый зналъ, что онъ самъ можетъ быть ими закиданъ. Радуюсь чужому паденію, казалось, говорили: нашего полку прибыло. Чтобы сохранить чистое имя, должны были женщины приниматься за *pruderie*, что иначе не умѣю я перевести, какъ словомъ жеманство. Ихъ число было немалое, но ихъ не терпѣли и надъ ними смѣялись, тогда какъ торжество и побѣды ожидали истинно или мнимо-виновныхъ. Бѣда вся оттого, что въ Москвѣ не было регулятора—двора и тѣхъ бдительныхъ полицеймейстеровъ въ юбкахъ, которые въ другихъ столицахъ наблюдаютъ за порядкомъ въ гостинныхъ большого свѣта. Прасковья Юрьевна, которая всему охотно смѣялась, особенно вранью, никакъ не хотѣла разсердиться за то, что про нее распускали.

Но время шло, дѣти росли, и когда она совсѣмъ почти начинала терять свои прелести, явился обожатель. То былъ Петръ Александровичъ Кологривовъ, отставной полковникъ, служившій при Павлѣ въ кавалергардскомъ полку. Утверждаютъ, что онъ былъ въ нее безъ памяти влюбленъ. *Où l'amour va-t-il se nicher?* Любовь, куда тебя занесло? хотѣлось бы сказать. А между тѣмъ оно было такъ: надобно было имѣть необыкновенную привлекательность, чтобы въ утробѣ этого человѣка расшевелить нѣчто нѣжное, пламенное. Дотошъ и послѣ ничего подобнаго нельзя было въ немъ найти. Въ душѣ его, въ умѣ, равно какъ и въ тѣлѣ, все было аляповато и неотесано. Я не знавалъ человѣка болѣе его лишенаго чувства, называемаго такъ: онъ безъ намѣренія дѣлалъ грубости, шутилъ обидно и говорилъ не въ попадь. Любовь такихъ людей бываетъ обыкновенно настойчива, догучлива, неотвязчива. Во Франціи, говорятъ, какая-то дама, чтобы отвязаться отъ преслѣдованій влюбленнаго, вышла за него; въ Россіи это не водится, и Прасковья Юрьевна не безъ причины согласилась отдать ему свою руку. Какъ всѣ знатные у насъ, не однѣ женщины, но и мужчины, не думала она о хозяйственныхъ дѣлахъ своихъ, которыя пришли въ совершенное разстройство. Она до безумія любила дѣтей сво-

ихъ; мальчики вступали въ тотъ возрастъ, въ который по тогдашнему обычаю надобно было готовить ихъ на службу, дѣвочки съ каждымъ годомъ милѣе разцвѣтали. Какъ для нихъ не пожертвовать собою? Какъ не дать имъ защитника, опекуна и опору? Вообще же женщины любятъ любовь, и не такъ какъ мы, видя ее къ себѣ въ существахъ даже имъ противныхъ, не могутъ отказать имъ въ участіи и состраданіи; а тамъ, поглядишь, онѣ уже и раздѣляютъ ее. Кологривовъ имѣлъ весьма богатое состояніе, да сверхъ того, не смотря на военное званіе свое, былъ великій хлопотунъ и дѣлецъ.

На подорогѣ, между Пензой и Зубриловкой, было у него обширное помѣстье, село Мещерское, на три версты растянутае. Туда пробираясь, остановился онъ на всю зиму въ Пензѣ съ семействомъ, то есть съ женою и съ двумя падчерицами, княжнами Софьею и Любовью; съ ними вмѣстѣ жили и Четвергинскіе.

Я написалъ почти исторію этого дома, оттого, что онъ сдѣлался моею отрадой: бывало погрустятъ о Москвѣ, а тамъ и примутся за хохоть, за растабары, и нечувствительнымъ образомъ забудешься и, хотя на время, уймется сердечная тоска.

Польско-Французская компанія, не смотря на родство, очень рѣдко тутъ показывалась: сборнымъ мѣстомъ ея былъ домъ госпожи Рыщевской. Прибытіемъ въ Октябрѣ плѣнныхъ Французскихъ офицеровъ сдѣлалось въ немъ большое приращеніе, но не умножились пріятности и достоинство его. Всѣ эти господа были въ поношенномъ, а мѣстами истертомъ и изорванномъ платьѣ; бѣдѣ этой помочь легко, лишь были бы деньги, а Рыщевская не жалѣла ихъ, чтобы обмундировать любезныхъ Французовъ. Но манеры ихъ и казарменные рѣчи поправить она не могла; всѣ они отъ сохи перешли прямо къ ружью и шпагѣ; воспитаны были въ лагерѣ и не могли произнести ни одного слова, не сопровождая его слишкомъ энергическими, непристойными терминами; такъ что сама Рыщевская, кажется, принуждена была, наконецъ, отказаться отъ ихъ посѣщеній.

VI.

Наступила глухая осень. Желаніе Русскихъ исполнялось: Наполеонъ не трогался съ мѣста; казалось, его взяло какое-то раздумье. Мы не могли знать причинъ его нерѣшимости, да, лучше сказать, и ничего не знали о томъ, что происходитъ въ арміи. Извѣстія о ней, печатаемыя въ Петербургскихъ газетахъ, которыхъ никто прежде у насъ не получалъ, дѣлая великій объѣздъ, приходили къ намъ весьма поздно. Мы знали только, что въ селеніи Леташевѣ, на Калужской дорогѣ, находится главная квартира новопожалованнаго фельдмаршала

Кутузова. Надежда, между тѣмъ, закралась и ко мнѣ въ сердце и съ каждымъ днемъ болѣе возрастала. Про себя проходя мысленно исторію чуднаго града Москвы, вспоминалъ я, вычитывалъ всѣ Татарскія, Литовскія и Польскія нашествія, которыя, разрушая ее, объ нее сокрушались. Сходство между настоящимъ и давнопрошедшими событіями становилось очевидно, когда непобѣдимые воины бродили голодными стаями по опустошеннымъ окрестностямъ обгорѣвшей столицы и всегда почти дѣлались жертвами неустрашимости даже поповъ и деревенскихъ бабъ. Какъ было твердо не уповать на помощь небесную!

О первомъ настоящемъ успѣхѣ нашего войска узналъ я первый, и пресмѣшнымъ образомъ. Былъ нѣкто майоръ Францовъ, обрусѣвшій Цолякъ Нѣмецкаго происхожденія, который, всю жизнь прослуживъ въ гарнизонныхъ полкахъ, сдѣлался наконецъ командиромъ Пензенской штатной роты, и на этомъ покойномъ мѣстѣ надѣялся окончить вѣкъ. Но въ 1811 году роты сіи были взяты изъ-подъ начальства губернаторовъ и послужили основаніемъ составлявшагося тогда корпуса внутренней стражи; и бѣдный Францовъ, здоровый еще тѣломъ, но вѣрный инвалидъ умомъ, надѣвъ эполеты, долженъ былъ опять приняться за фронтъ. Замѣчательенъ былъ онъ также великимъ невѣдніемъ своимъ и, кажется, былъ не изъ храбраго десятка: когда въ 1812 году потребовали и внутреннюю стражу, и она стала въ ряды сражающихся, не знаю какъ Францовъ умѣлъ это дѣлать, только безпрестанно, не вдаваясь въ опасности, отводилъ и приводитъ онъ какія-то команды и рекрутскія партіи. Не помню, 16 или 17 Октября сказали мнѣ, что онъ пріѣхалъ изъ Рязанской губерніи; я скорѣе къ нему, и онъ встрѣтилъ меня радостною вѣстію о пораженіи Французовъ, о которомъ достоверно слышалъ онъ въ Рязани. «Да гдѣ это было? и кто командовал?» спросилъ я его. «Да кому же? Нантъ генералъ-майоръ Русановъ». Это былъ окружной генералъ внутренней стражи и егѳ начальникъ, и онъ выше его никого въ арміи не полагалъ. «Да это просто вздоръ; охота же мнѣ слушать дурака!» съ досадою подумалъ я. Не менѣе того, въ тотъ же вечеръ не утерпѣлъ я, чтобы не объявить о пустой вѣсти нѣкоторымъ знакомымъ; одни смѣялись, а другіе, хватаясь за все что льстило ихъ надеждамъ, находили, что тутъ можетъ быть и правда. На другой же день всѣхъ взяло тревожное любопытство: стали развѣдывать, сторожить всякаго пріѣзжаго, какаго бы званія онъ ни былъ, спрашивать его, и дня черезъ два узнали, наконецъ, что Францовъ не совсѣмъ совралъ и что, дѣйствительно, не Русановъ, а Бенигсенъ, 6-го числа при Тарутинѣ, одержалъ великую побѣду надъ Мюратомъ. Это было только прелюдіемъ другихъ, еще болѣе важныхъ, болѣе радостныхъ извѣстій.

Домоправители, прикащики оставленныхъ въ Москвѣ господскихъ домовъ, изъ нея бѣжавшіе, жили однакоже не очень вдалекѣ отъ нея. Другіе, изъ усердія, чтобы спасти господское добро, не покидали ея и претерпѣвали всѣ мученія и нужды, коимъ подвергнута была горсть оставшихся въ ней жителей; нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось разжалобить полковниковъ и офицеровъ, и подъ ихъ защитою сберегать имущество, ихъ храненію вѣренное. Первые кинулись въ Москву, коль скоро узнали только, что она очищена отъ непріятеля; тѣ и другіе, приведя въ извѣстность сколько чего погибло и что сохранилось, поспѣшили съ нарочно-посланными отправить донесенія свои къ владѣльцамъ въ мѣста ихъ пребыванія. Одинъ изъ сихъ посланныхъ, первый прискакалъ въ Пензу къ Кологривову, рано поутру, 22-го числа, въ день Казанской Божіей Матери.

Можно себѣ представить чувство радости и печали вмѣстѣ, при полученіи сопровождаемаго подробностями привезеннаго имъ извѣстія. Церкви въ этотъ день наполнены были народомъ, и благодарственнымъ молебнамъ не было конца. Нашимъ Москвичамъ посчастливилось: почти у всѣхъ уцѣлѣли дома; нѣкоторые были деревянные, а пламя, которое вокругъ все пожирало, какъ будто съ осторожностію обошло ихъ. Этого мало: въ иные снесены были, среди всеобщаго разгрома, захваченныя дорогія вещи, картины, зеркала, бронзы, цѣлыя библіотеки книгъ, которыя Французы, при великой поспѣшности, съ какою выходили, увести съ собою не имѣли средствъ. Разбирать, кому вещи эти принадлежали прежде, не было возможности, и онѣ остались собственностію тѣхъ, къ кому попали.

Прощаніе Наполеона съ Москвою было жестокое, варварское; одни только Вандалы, безъ всякой нужды, любили истреблять памятники древности. Всякаго рода славы хотѣлось этому человѣку, даже— Эросграта и Омара. Онъ задумалъ внутренность холма, на коемъ поставленъ Кремль, начинить тысячами центнеровъ пороха, дабы въ одно мгновеніе, знаменующее его отбытіе, разрушить созданіе вѣковъ; въ бѣщенствѣ неудачъ ему такъ и хотѣлось вырвать самое сердце Россіи. Но Богъ не попустилъ: цѣлые водопады, по сказаніямъ самихъ Французовъ, низринуты съ неба на землю, чтобы въ утробѣ ея затупить адскій огонь. Уголь Арсенала, часть стѣны и Никольской башни взлетѣли только на воздухъ; но, о чудо новое, не только игона на башнѣ висящая, даже стекло ее покрывающее остались невредимы. Велики ли были въ эти дни великій Наполеонъ, когда въ дѣйствіяхъ своихъ являлъ одну только злость безсилія? Пусть о томъ посудятъ нынѣшніе его почитатели. Онъ еще не палъ тогда, и здѣсь еще не мѣсто выговорить послѣднее слово безпристрастнаго сужденія моего о немъ.

Но куда онъ направить теперь разрушительный свой ходъ? Куда онъ пойдетъ? Онъ пошелъ, куда повела его рука Божія. Она подъ Малымъ Ярославцемъ заслонила ему дорогу во внутреннія области, въ изобильную и теплую Украйну, и насильно поворотила его на тотъ самый путь, гдѣ, незадолго передъ тѣмъ, земля стонала подъ шагами шести-сотъ-тысячной его арміи, гдѣ отъ приближенія ея все гибло, все превращалось въ пепель, гдѣ, слѣпое орудіе Провидѣнія, онъ самъ себѣ готовилъ гибель. Когда съ неописанною радостію узнали у насъ о томъ, то всѣ вскрикнули: «ну, теперь ему конецъ!» «Нѣтъ, еще не совсѣмъ», отвѣтъ былъ слыше, «но онъ уже недалекъ».

Отъ добрыхъ вѣстей, одна за другою быстро слѣдовавшихъ, не вдругъ мы опомнились; но когда, въ началѣ Ноября, мрачныя тучи совсѣмъ закрыли отъ насъ небо, и снѣгъ покрылъ вдругъ всю землю, когда зима, съ своими ужасами, прежде обыкновеннаго времени къ намъ поспѣшила, намъ показалось тогда, что горизонтъ совершенно прояснился. По мѣрѣ удаленія Наполеона, угрюмость стала исчезать съ лицъ нашихъ, морщины—со лбовъ; но увы, какъ будто понемногу началъ слабѣть и энтузіазмъ моихъ соотечественниковъ. Таковъ-то еще народъ Русскій въ своей незрѣлости, отъ барина до мужика: бѣда проходить, бѣда едва прошла, а ее какъ будто бы уже никогда и не бывало.

Въ день именинъ моихъ, 14 Ноября, получилъ я прекрасный подарокъ: мнѣ принесли первый нумеръ вновь выходящей Московской газеты, и я нашелъ въ ней подробности какъ о разстройствѣ, о всѣхъ безпорядкахъ быстрого побѣга Наполеоновой арміи, такъ и о столь же быстромъ преслѣдованіи ея самимъ Кутузовымъ, о новыхъ подвигахъ прославившихся въ эту войну партизановъ: Давыдова, Сеславина, Фигнера; о летучихъ стаяхъ казацкихъ, которыя со всѣхъ сторонъ тербали бѣгущихъ, пока не уступили ихъ хищнымъ звѣрямъ и птицамъ, псамъ и коршунамъ. Казалось дѣло конченнымъ, и погибель враговъ нашихъ неизбѣжною.

Еще болѣе утвердились мы въ этомъ мнѣніи, когда 22 числа получили мы извѣстіе о дѣлѣ, бывшемъ 4-го подъ Краснымъ. Ужасный сѣверный вѣтеръ, какъ гнѣвъ Божій, внезапно настигъ еще многочисленныя толпы несчастныхъ, полуодѣтыхъ, полубутыхъ. Одни, еще согрѣтые мужествомъ, отстрѣливались; другіе, не въ силахъ владѣть оружіемъ, роняли его изъ окоченѣлыхъ рукъ и тысячами сдавались. Небо явно споспѣшествовало намъ: стихіи сдѣлались нашими союзниками; отъ проливнаго дождя, спасаго древній Кремль, до жестокаго мороза, близъ Смоленска истребившаго болыную, лучшую часть непріятельской арміи, едва прошло три недѣли.

Все оживилось, все радостно зашумѣло у насъ. Въ злобѣ еще не совсѣмъ угасшей, никто изъ насъ не подумалъ пожалѣть о тысячахъ несчастныхъ жертвъ, насильно противъ насъ привлеченныхъ; во всѣхъ нихъ видѣли мы еще лютыхъ звѣрей, въ погонѣ за коими ни единого Кутузовъ не долженъ былъ пощадить.

Губернатору Голицыну давно уже хотѣлось поплясать; но въ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Россія, балъ могъ бы почесться верхомъ неприличія. Тутъ показалось ему, что всѣ находятся въ одинаковомъ съ нимъ расположеніи, и онъ всѣхъ, туземныхъ и пріѣзжихъ; успѣвшимъ пригласить на большую вечеринку въ день именинъ жены своей, 24 Ноября. Губернаторскій домъ довольно великъ, а въ комнатахъ его едва продраться было возможно. Веселѣе и забавнѣе этого бала я не видалъ: онъ былъ вмѣстѣ и рауть, и маснарадъ безъ масокъ. Многіе изъ мушкетъ, находя, что на именинный вечеръ къ губернаторшѣ, къ княгинѣ, пріѣхать не въ гражданскомъ мундирѣ будетъ слишкомъ непочтительно, явились въ немъ при пинагахъ; другіе дерзнули облечься опять во вражій костюмъ, во фраки, и самъ хозяинъ въ этомъ случаѣ послужилъ имъ примѣромъ (казачій кафтанъ успѣлъ уже ему надѣсть); ополченныя, затянутыя, съ эполетами и саблями, имѣли довольно воинственный видъ; другіе же, въ томъ числѣ и я, въ широкихъ сѣрыхъ или зеленыхъ зипунахъ казались нѣсколько мужиковаты. Еще болѣе пестроты являлось между прекраснымъ поломъ: большая половина дамъ была красивѣе въ сарафанахъ и повязкахъ; другія же, по склонности къ перемѣнѣ, нарядились по послѣдней извѣстной имъ модѣ; пожилая Польша Рыцевская была въ чалмѣ и казалась бунтующимъ Турецкимъ пашею. Эмигрантскіе одѣты были слишкомъ скромно; однакоже замѣтно было, что Смольянки, по недостатку въ деньгахъ и въ модныхъ торговкахъ, надѣли довольно поношеное простое платье, тогда какъ гордыя Московки для Пензенскаго общества не захотѣли позаботиться о туалетѣ. Но кто бы въ какомъ нарядѣ ни былъ, вниманіе мало обращалось на это: угощеніе, освѣщеніе были славныя, и всѣ плавали въ удовольствіи, въ веселіи.

Праздникъ этотъ былъ только сигналомъ другихъ увеселеній, продолжавшихся во всю зиму; Голицыну удалось заманить въ Пензу и остановить въ ней два богатыхъ, увеселительныхъ семейства, которыя нѣкоторымъ образомъ какъ будто одно изъ себя составляли; объ одномъ изъ нихъ упомянуть я мелькомъ.

Двѣ сестры, дѣвицы Машковы, Ольга и Елисавета Александровны, были выданы замужъ, одна за Николая Андреевича Арапова; другая за нѣкоего г. Улыбышева. О первой я уже говорилъ, когда попалъ къ ней въ

деревню въ то самое время, какъ получено было извѣстiе о свиданiи Наполеона съ Александромъ въ Тильзитѣ. Она имѣла ростъ высокiй, осанку важную, тѣло обширное и ошибалась, почитая столь же обширнымъ и умъ свой. Мужъ ея былъ старинный дворянинъ, богатѣющiй откупами, къ тому же знаменитѣйшiй гастрономъ, и что почти всегда съ тѣмъ неразлучно и самъ искуснѣйшiй поваръ во всей нашей околосѣ. Съ большимъ состоянiемъ супруги скорбѣли о томъ, что не имѣютъ дѣтей, то-есть не могутъ сохранить ихъ. Уже четырнадцать душъ Ольга Александровна народила Николаю Андреевичу, и ни единого живаго дѣтища у нихъ не оставалось, какъ вдругъ употребила она съ великою пользою одно указанное ей средство: велѣла пригласить перваго встрѣчнаго быть восприемникомъ новорожденнаго ею пятнадцатаго младенца, и по его имени назвали его Пименомъ *). Первый шагъ только труденъ; всѣ послѣдующiе затѣмъ семь или восемь чловѣкъ дѣтей обоого пола остались живы и здравы, крѣпки и толсты. Въ 1812. году истощилось уже плодородiе г-жи Араповой; но она все казалась еще беременною и, подобно Мère Gigogne, бывало того и шаяди, что изъ кармана выскочить у нея ребенокъ.

Другая сестра, Елисавета Александровна, нисколько на нее не походила. Она была коротенькая, полненькая, смугленькая, картавая бабочка, исполненная живости и прiятнаго ума. Сильныя страсти обуревали жизнь ея. Дѣвочкой выдали ее за глупаго и пьянаго Улыбышева, который, слѣдуя древнему Русскому обычаю, только между не трезвыми сохранившемуся, иногда ее бивалъ; и безъ того былъ онъ ей давно уже противенъ. Тогда вице-губернаторомъ въ Пензѣ былъ поэтъ князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, прозванный Балкономъ по нижней челюсти необычайной величины, выдвигающей въ видѣ сего архитектурнаго прибавленiя столь же большую губу. Это безобразiе не помѣшало Улыбышевой влюбиться въ него. Давно замѣчено уже, что однѣ женщины способны плѣваться красотою душевными или умственными предпочтительно наружнымъ. Ревнивый мужъ, вооружася многовѣсной дубиной, дождался соперника своего у подвѣзда, при выходѣ изъ присутствiя, и съ такимъ бѣшенствомъ внезапно началъ на него, что едва за безчестiе свое не заставитъ заплатить его живнiю подъ сильными ударами палки, еслибы не подоспѣла помощь. Из-

*) Этотъ Пименъ Николаевичъ всегда оставался примѣчательнѣ своими смиренными странностями, бесплодiемъ ума и тѣла. Имъ заключился рядъ несовершенныхъ произведенiй Ольги Александровны, и вся жизнь его отзывалась симъ несовершенствомъ. Вѣчно хлопотала онъ около словесности, гражданской службы и красивой жены: слыветъ литераторомъ, дѣятельнымъ чиновникомъ и мужемъ, но въ исполненiи всѣхъ принятыхъ имъ обязанностей оказался совершенно несостоятельнымъ.

увѣченный Долгоруковъ сталъ обвинять его въ замышляемомъ смертоубійствѣ; а тотъ въ оправданіе свое представилъ всѣ любовныя письма жены своей, которыя посредствомъ подкупа умѣлъ онъ достать. Изъ этого возникъ длинный, ужасный уголовный процессъ, прекратившійся уже въ Сенатѣ смертію, постигнутою обвиняемаго Улыбышева. Письма понынѣ находятся при дѣлѣ, и не такъ давно съ великимъ удовольствіемъ имѣлъ я случай читать ихъ въ подлинникѣ. Нельзя не подивиться страннымъ, новымъ, оригинальнымъ оборотамъ и выраженіямъ, которыя сила чувства внушила страстной женщинѣ на Русскомъ языкѣ, на которомъ особы ея пола тогда порядочно писать не умѣли. Родственники тщетно старались истребить сіи любопытные документы; а по моему ихъ слѣдовало бы напечатать безъ имени. Преданіе еще было живо, когда я узналъ ее, и оттого казалась она мнѣ еще милѣе.

Если Елисавета Александровна не была примѣромъ вѣрности супружеской, за то могла служить образцомъ материнской нѣжности къ единственной дочери, которую имѣла отъ ненавистнаго мужа и которая, право, этого не заслуживала. По сосѣдству съ удалившейся отъ свѣта Улыбышевой жили въ чудесномъ согласіи два брата Хруцовы, изъ которыхъ у каждаго было по тысячѣ душъ крестьянъ. Старшій Петръ Петровичъ былъ красивъ и видѣнъ собою; другой же Александръ Петровичъ, хотя и гораздо моложе его, наружностію похвастать не могъ. Старшій чрезвычайно понравился еще нестарой матери, меньшаго полюбила семнадцатилѣтняя дочь. Какъ быть въ этомъ случаѣ? Въ столь близкомъ родствѣ два брака могли быть дозволены только всемогущему Наполеону среди несовсѣмъ еще христіанской Франціи. Обязанностями религіи Улыбышева пожертвовала обязанностямъ матери: дозволила дочери своей вступить въ законный бракъ съ меньшимъ Хруцовымъ; а сама всю жизнь осталась въ незаконной связи съ старшимъ. Доброе согласіе отъ времени все болѣе умножалось между сими двумя четами; онѣ не покидали деревни, и четыре имѣнія, скопившіяся такъ сказать въ однѣхъ рукахъ, дали имъ возможность посредствомъ бережливости, винокурень и откуповъ въ нѣсколько лѣтъ удвоить состояніе свое. Зависть стала приписывать ихъ успѣхи дѣланію фальшивыхъ ассигнацій; но одни только безсовѣстные усиливались вѣрить этой глупой клеветѣ. Все было хорошо, богато и пристойно въ домѣ семь, кромѣ молодой хозяйки. Къ несчастію матери, она вся была въ отца: имѣла грубыя манеры простой крестьянки и что еще хуже того, отъ скуки ли посреди однообразія деревенской жизни или по наслѣдственной, врожденной къ тому склонности, съ позаранку начала она ^идно придерживаться хмѣльнаго. Пить и родить, вотъ все что Агаея

Ивановна умѣла дѣлать въ жизни сей и въ семь послѣднемъ занятіи, кажется, перещеголяла даже тетку свою Арапову.

Не долженъ ли я просить извиненія у читателя въ томъ, что позволилъ себѣ представить здѣсь, можетъ быть и не у мѣста, сіи два семейства, совсѣмъ не изъ историческихъ лицъ состоящія, и въ описаніе грознаго 1812 года вклеить эпизодомъ незанимательную повѣсть о нихъ. Но отъ воспоминаній сего года я никакъ не могу отодрать ихъ; ибо они стоятъ на самомъ рубежѣ, отдѣляющемъ мрачное, гнѣвное отчаяніе наше отъ безумныхъ удовольствій, которыми какъ будто хотѣли истребить мы память о горѣ, только что минувшемъ. Во всю зиму, еженедѣльно разъ у Голицына, разъ у Арапова и два раза у Хрущовыхъ плясала вся Пенза со всѣми неволью ее посѣтившими. Большую роль на сихъ балахъ играла одна Московская старая дѣвка и франтиха, Наталья Павловна Машкова. Съ отцовской стороны была она двоюродная сестра Араповой и Улыбышевой, которыя оказывали ей знаки глубочайшаго уваженія по той причинѣ, что съ материнской стороны была она также двоюродная сестра кн. Ивана Сергѣевича Барятинскаго, женатаго на Гольштинской принцессѣ. Позорная хроника Московская, никакъ не осуждая ея, утверждала, будто родственныя связи съ княземъ симъ скрѣпляла она другими пріятнѣйшими узами. Не оттого ли почитала она себя знатною и съ такимъ пренебреженіемъ говорила не только о провинціалахъ, даже о Москвичахъ, не принадлежавшихъ къ ея обществу? Мы было сначала подружались съ ней, и она любила рассказывать мнѣ о блестящей амфиреѣ, въ которой жила; но какъ я провелъ молодость въ Петербургѣ, оттого что-то плохо вѣровалъ въ преимущества Московскаго бомонда, едва признавалъ его существованіе и не сумѣлъ этого скрыть отъ нея, то она совсѣмъ ко мнѣ охолодѣла.

Итакъ, при свѣтѣ лампъ и люстръ примѣтно начиналъ гаснуть огонь патріотическаго энтузіазма нашего. А, кажется, было чѣмъ питать въ насъ сіе священное пламя! Непрiятель хотя и бѣжалъ опрометью, но еще не выбѣжалъ за предѣлы Россійскаго государства. Въ Петербургѣ, вѣрномъ подражателѣ всего Европейскаго, придумано было новое, дотошъ не употребляемое средство къ возбужденію народа противъ враговъ. У Англичанъ переняли обычай рисовать и печатать карикатуры на Наполеона и стали кипами разсылать ихъ по всей Россіи. Тамъ въ присядку пляшетъ Наполеонъ подъ Русскую дудку, тамъ голодные войны его варятъ вороній супъ. Нѣкто Теребеневъ прославился въ этомъ дѣлѣ и въ это время. Русскіе отъ души начали смѣяться; тѣмъ хуже: съ ихъ незлобіемъ и врожденнымъ великодушіемъ, смѣхъ почти всегда обезоруживаетъ ихъ.

Другое средство внушено было Нѣмцами, тогда только искренними, вѣрными, преданными намъ союзниками. Никто у насъ не умѣлъ или, лучше сказать, не смѣлъ отважно и основательно писать о политическихъ дѣлахъ. Газеты, издаваемые отъ правительства или отъ правительственныхъ мѣстъ, рассказывали о происшествіяхъ, не позволяя себѣ никакихъ сужденій: не только о другѣ Наполеонѣ, даже о злодѣѣ Бонапарте говорили съ нѣкоторою почтительностію и робостію. Самые такъ-называемые литературные журналы наши почти не выходили изъ предѣловъ словесности, а когда изрѣдка случалось имъ коснуться до происходящаго въ Европѣ, тотчасъ окрашивались они какимъ-то официальнымъ колоритомъ. Въ 1812 году, два человѣка спаслись къ намъ отъ гоненій мучителя Германіи: знаменитый государственный мужъ баронъ Штейнъ и столь же извѣстный профессоръ и писатель Арндтъ. Оба были политическіе вольнодумцы и прибѣгнули подъ крыло либеральнаго деспота. Надобно полагать, что первый изъ нихъ склонилъ Александра употребить магическое слово *волею*, дабы всѣ Европейскіе народы воззвать къ оружію противъ насильственной Французской власти. Предложеніе не могло быть отвергнуто: оно тѣшило любимую мысль Царя нашего, забаву ума его. Совѣтъ былъ недуренъ, и средство казалось вѣрнымъ; жаль только, что не подумано было о послѣдствіяхъ въ случаѣ побѣды, которая все еще казалась не совсѣмъ вѣроятною: возбуждать легко, унимать трудно. Какъ бы то ни было, ученые и восторженные Нѣмцы нашли, что наступило уже время откровенно говорить съ просвѣщенною частию жителей и, чтобы взволновать до дна океанъ народовъ, населяющихъ Россію, необходимо приступить немедленно къ изданію политическаго журнала. Дѣло уже и безъ того было сдѣлано, и Шишковымъ дурно написаннаго манифеста въ Полоцкѣ было на то достаточно. Но гдѣ вдругъ найдешь матеріалы? Портфели Арндта наполнены были изданными проклятіями на Наполеона, а между Нѣмцами какъ не найти трудолюбиваго переводчика? Нѣмецъ Гречъ избранъ былъ издателемъ, и еженедѣльно сталъ появляться *Сынъ Отечества*. Кажется, это было около половины Ноября; ибо въ началѣ Декабря уже читалъ я съ жадностію жиденскія книжки его, исполненныя выразительныхъ, даже бѣшеныхъ статей. Были люди, которые находили, что это послѣ ужина горчица, только не тѣ, которые пылали безкорыстною любовію къ отечеству, дорожили его честію и надѣялись видѣть совершенное торжество его. Для справедливаго негодованія ихъ журналъ сей былъ ничѣмъ.

Судьба Наполеона, казалось, рѣшена. Всѣ только разсчитывали пространство, по коему оставалось ему бѣжать, и съ нетерпѣливостію

любопытством ожидали, какъ зрѣлица, рѣшительную его гибель. Странно и непонятно! Безъ всякаго знанія мѣстностей, еще прежде чѣмъ достигъ онъ Березины, народный гласъ уже избралъ берега ея мѣстомъ его казни. Молдавская армія въ соединеніи съ резервною, подъ предводительствомъ Чичагова, шла съ Юга къ нему на встрѣчу; большая армія съ начала шла по пятамъ его, но, утомленная непрерывною погоней за нимъ, начинала отставать; при первой же остановкѣ его всегда могла его настичь. Съ правой стороны шибко приближался къ нему Витгенштейнъ, побѣдитель трехъ маршаловъ, Макдональда, Удино и Виктора, съ корпусомъ усиленнымъ Петербургскимъ ополченіемъ и войсками изъ Финляндіи выведенными *).

Ужасами переправы черезъ знаменитую съ тѣхъ поръ Березину не могла быть удовлетворена въ насъ жажда мести: намъ подавай самого Наполеона, а онъ ускользнулъ. И теперь еще не знаю, обвинять ли слѣдуетъ Чичагова или оправдывать его? Нельзя изобразить общаго, на него негодованія: всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискusstво, и Крыловъ написалъ басню о пирожникѣ, который беретса шить сапоги, то-есть, о морякѣ начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ. Отъ воиновъ, безпристрастныхъ очевидцевъ и свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ судей, гораздо послѣ слышалъ я, что Чичаговъ невзначай оказалъ тутъ великую услугу Россіи. Онъ не пошелъ туда, гдѣ могъ бы остановить Наполеона; но кто знаетъ: сей послѣдній, въ отчаянномъ положеніи, могъ бы опрокинуть его небольшую армію и пойти въ Минскъ, гдѣ, среди изобилія, находился Шварценбергъ съ Австрійскими и Саксонскими войсками, сомнительными союзниками, но тогда еще обязанными поддержать его. Узнавъ, гдѣ Чичаговъ стережетъ его, Наполеонъ предпочелъ кинуться на открытый, но ужасный путь къ Вильнѣ, который безъ сраженій довершилъ истребленіе его арміи.

Я того мнѣнія, что гордый и злой Чичаговъ, ненавистникъ своего отечества, неумышленно, по ошибкѣ въ семь случаевъ, услужилъ ему, подобно другимъ заклятымъ врагамъ его, которыхъ Провидѣнію угодно обращать въ полезныя для Него орудія. Вражда за вражду; Русскіе въ несправедливости своей, по мнѣнію моему, извинительнѣе Чичагова.

Для подданныхъ Александра 1812 годъ памятенъ еще тѣмъ, что въ душѣ его послѣдовала необычайная перемѣна. Онъ всегда любилъ

*) Въ день побѣды Бенигсена при Тарутинѣ, 6-го Октября, Витгенштейнъ одержалъ таковую же подл Полоцкомъ. Кому до кого, а мнѣ до своихъ: зять мой, генералъ Алексѣевъ въ этотъ день былъ откомандированъ на рѣчку Струню, чтобы штурмомъ взять возведенный надъ нею укрѣпленіи. Онъ сдѣлалъ сіе съ обычною ему неустрашимостію, за что и награжденъ былъ Владимирскою звѣздою второй степени.

и уважалъ добродѣтель; ложными понятіями, въ малолѣтствѣ данными ему о свободѣ, столь плѣнительной въ теоріи, увлекался онъ большую часть своей жизни. Но воспитанному въ вѣкъ невѣрія не доставало ему религіознаго чувства. Онъ былъ нѣженъ сердцемъ; наслажденіями его никто еще изъ смертныхъ такъ упоенъ не былъ. Нѣсколько лѣтъ сряду былъ онъ предметомъ обожанія не одной Россіи, но и цѣлаго міра и, наконецъ, самый противникъ его, гений зла, какъ онъ почитался гениемъ добра, былъ побѣжденъ не оружіемъ его, а благостію. Вдругъ все стало измѣнять ему, счастье и вмѣстѣ съ нимъ и люди. Тогда, не находя уже любви, которая дотолѣ всюду встрѣчала его на землѣ, сталъ онъ искать ее на небѣ. Наступила тяжкая та година, въ которую онъ, владѣя громадною имперіей, вмѣстѣ съ нею казался раздавленнымъ громадными силами всего Запада. Въ невольномъ бездѣйствіи въ Царско-сельскомъ уединеніи своемъ, вдали отъ браней, среди мрачной осени, какая лютая, великая царская скорбь должна была раздирать душу его! И гдѣ было искать ему утѣшеній, если не у престола Того, Кто Самъ претерпѣлъ муки для спасенія рода человѣческаго? Въ это же время съ лица всей земли Русской согласнымъ хоромъ подымалась молитва; ею наполненъ, кажется, былъ весь воздухъ, и какъ сей священной заразѣ не коснуться было души готовой къ ея воспріятію! Въ пожарѣ Москвы, какъ въ горящемъ кустѣ Моисею, явился ему Господь; и когда среди радостныхъ кликовъ освобожденія послышался ему небесный отвѣтъ: вѣра твоя спасла тебя; тогда съ благодарностію, упованіемъ и покорностію къ волѣ Всевышняго смѣло устремился онъ на Западъ, куда самъ перстъ Его указывалъ ему путь. Но увь, не въ славу нашей православной Греко-Россійской церкви исполнился онъ тогда христіанскаго духа!

Со времянъ Петра Великаго между нашимъ духовенствомъ нерѣдко встрѣчались люди, которые, не умѣя сильно чувствовать, любили умствовать и разсуждать о вѣрѣ. Всѣ они, начиная съ Феофана Прокоповича, показывали наклонность къ ученію Лютера. Около этого времени число ихъ размножилось; примѣчательнѣе всѣхъ былъ одинъ молодой монахъ, одаренный столь же сильнымъ характеромъ, какъ и чудесно-свѣтлымъ умомъ. Это нашъ знаменитый Филаретъ. Не трудно было необыкновенному юношѣ поработить набожнаго, недалкова виднаго и слабаго любимца государева, министра духовныхъ дѣлъ Голицына и сдѣлать его покровителемъ распространяющагося у насъ мистицизма, съ помощію правителя дѣлъ его Мартиниста Тургенева, впрочемъ ни во что не вѣрующаго. Этотъ Голицынъ во дни печали вмѣстѣ съ Императоромъ вздыхалъ и молился и тѣмъ еще болѣе приобрѣлъ любовь его и довѣренность. Когда загорѣлась война 1812 го-

да, то Россія не отверзла объятій своихъ Англіи (это много сказать), но открыла ей двери настежь, и жители трехъ королевствъ толпами къ намъ привалили. Въ числѣ ихъ находился и Шотландецъ Пинкертонъ, не знаю хорошенько: основатель ли или главный двигатель Библейскаго Общества. Для введенія его къ намъ нашелъ онъ готовыя орудія, включая духовныхъ лицъ, Лабзина съ Сіонскимъ Вѣстникомъ. Чтеніе Библии полезно для людей глубокомысленныхъ и твердыхъ въ религіозныхъ правилахъ своихъ, тогда какъ между другими, которые легкомысленно приступаютъ къ разбору и пересмотру Священнаго Писанія, порождаетъ много сомнѣній; и для того во всѣхъ Римско-католическихъ странахъ, для престопа родія Вѣтхій Заветъ вездѣ запрещенный плодъ. Поборнику Христіанства и другу челоуѣчества Александру мысль объ учрежденіи этого Общества въ Россіи чрезвычайно полюбилась; космополитизму, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, пріятно было видѣть въ немъ средство къ соединенію всѣхъ вѣръ и слиянію всего міра христіанскаго въ одно согласное семейство. Въ Петербургѣ духовенство всѣхъ исповѣданій покорилось его волѣ, и митрополитъ Римско-католическихъ въ Россіи церквей, Сестренцевичъ, началъ возсѣдять между схизматиками и еретиками. Среди шума и треска все еще продолжающихся военныхъ дѣйствій и, прибавить должно, среди тогдашняго дѣтскаго невѣдѣнія нашего, сія новизна внутри государства сочтена небесною благодатію: никому не пришло въ голову подозрѣвать настоящей цѣли Библейскаго Общества, столь опаснаго для чистоты Православія.

Когда въ дѣлѣ Россіи съ Наполеономъ судъ Божій произнесъ рѣшительный свой приговоръ, когда изъ разсѣянной огромной тучи непріятельской слабый остатокъ ея, въ видѣ легкаго облачка, гонимаго бурнымъ вѣтромъ, сталъ быстро удаляться отъ границъ нашихъ, тогда богобоязненный Царь, смиренно повинувшись высокому призванію, почувствовалъ, что наступило и для него время великихъ подвиговъ. Онъ оставилъ Петербургъ и прибылъ въ Вильну, 12 Декабря, съ побѣдоноснымъ войскомъ праздновать день рожденія своего, ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ въ той же самой Вильнѣ объявилъ, что не положить оружія, доколѣ единый непріятельскій воинъ останется на землѣ Русской. Онъ сдержалъ слово, но не совсѣмъ: ибо оружія не положилъ. Да благословенъ будетъ тотъ, кто подалъ ему смѣлую мысль, не останавливаясь, продолжать идти впередъ, чтобы захватить задорную Польшу и ободрить напуганную Нѣмечину, пока Франція не успѣла опомниться и оправиться. Мнѣ пріятно думать, что отнынѣ Александръ дѣйствовалъ единственно по вдохновеніямъ, ниспосылаемымъ ему свыше.

Бросаясь въ объятія Кутузова, недавно украшеннаго великолѣпнымъ титуломъ Смоленскаго князя, но что еще гораздо важнѣе того, цѣлою Россіей провозглашеннаго спасителемъ отечества, Государь возложилъ на него знаки ордена, по моему, перваго въ мірѣ *). Любопытно было бы знать, что происходило тогда въ душѣ Кутузова? Всѣ современники согласны въ томъ, что онъ имѣлъ высокое образованіе, былъ чрезвычайно уменъ и пріятенъ въ обществѣ, неустрашимъ въ бояхъ и равно искусенъ въ дѣлахъ войны, какъ и мира. Все это служить доказательствомъ необыкновеннаго ума и твердости, и соотечественники по всей справедливости могутъ гордиться имъ. Утверждаютъ однакоже, что онъ былъ также уклончивый и тонкій царедворецъ; это заставляетъ уже сомнѣваться въ высотѣ его чувствъ. Какъ бы ни было, но невозможно, чтобъ онъ не раздѣлялъ восторговъ имъ производимыхъ: миліоны людей безпрестанно насылали ему нѣжнѣйшія хвалы и благословенія. Какъ все это должно было волновать и молодить его сердце! И какой блескъ юности можетъ сравниться съ пламенною зарей его заката! Онъ едва было не сдѣлалъ Русскихъ неблагодарными: чуть было не заставилъ ихъ забыть Суворова.

Всѣ были увѣрены, что неудачи сопутствуютъ Александру и являются вездѣ, гдѣ онъ лично присутствуетъ. Оттого всѣ не одобряли ни прибытія его къ арміи, ни намѣренія идти съ нею за границу. «Да и зачѣмъ? спрашивали у насъ въ Пензѣ; уже коли дома не успѣли поймать вора, гдѣ станешь ловить его вчужь? Да, кажется, мы и хорошо его проучили: другой разъ не полѣзетъ къ намъ». Хорошо же они знали его! Дурацкія эти сужденія были мнѣ какъ острый ножъ. Думая, что все уже кончено, не хотѣлось Пензякамъ отпустить со всѣмъ уже готовое къ выступленію, но все еще не тронувшееся ополченіе.

Приблизился конецъ этого вѣчнопамятнаго года, и все что въ продолженіе его я перечувствовалъ, имѣло сильное вліяніе на здоровье мое. Я впалъ въ нервную болѣзнь, довольно серіозную, и въ страданіяхъ встрѣтилъ 1813 годъ. Я здѣсь остановлюсь, чтобы бросить взглядъ на сію чудную эпоху въ нашей исторіи. Желая польстить нашему самолюбію, Англинскіе журналы начали сравнивать тогда подвиги Русскихъ съ тѣми, кои въ это время на противоположномъ концѣ Европы совершали у себя Гишпанцы. Кто изъ насъ позволитъ себѣ оспаривать славу великодушной защиты Саррагосы и вообще всѣхъ отчаянныхъ, неимовѣрныхъ усилій Кастилянскою гордости, Ар-

*) Съ самаго учрежденія Георгіевскаго ордена въ 1769 году, кавалеровъ его первой степени всего было повинъ только шестнадцать, а въ это время ни одного.

рагонскаго и Бискайскаго упрямства, особенно когда нѣкоторымъ образомъ были они для насъ полезны? Нынѣ, признаюсь, сіе сравненіе мнѣ кажется обиднымъ. Въ одинакихъ ли отношеніяхъ съ Гишпаніей Россія находилась тогда къ Франціи? Давно подвластная республикѣ и имперіи, Гишпанія тогда только возмутилась, когда ей стало не въ мочь: это былъ мятежъ вассаловъ противъ притѣсненій власти, надъ ними господствовавшей. Природа на каждомъ пунктѣ жителямъ этой страны представляла удобныя средства къ отпору непріятелей: непроходимыя горы и дебри, и Сіерра Морена, и всѣ другія Сіерры не напоминаютъ ли скорѣе Кавказъ и борьбу горцевъ съ Россіей? Если симъ послѣднимъ и сыпались сотни тысячъ гиней, то это тайкомъ; за то нѣтъ десятковъ тысячъ вооруженныхъ Англичанъ, которые бы явно сражались за нихъ. Безъ помощи Англій, новой госпожи своей, что бы сдѣлали Гишпанцы?

Какихъ союзниковъ имѣла Россія въ началѣ войны 1812 года, кромѣ Бога, безпредѣльной вѣры въ Его могущество и мужества ея внушеннаго? Она одна встрѣтила напоръ двадцати языкъ, или, вѣрнѣе сказать, по крайней мѣрѣ десяти народовъ, изнемогала подъ ударами ихъ, но не пала; и ихъ же дружелюбно взявъ за руку, повела на предводительствовавшего ими. Шести мѣсяцевъ было ей достаточно, чтобы произвести совершенный переломъ въ судьбахъ цѣлаго міра. Шестъ лѣтъ боролась Гишпанія съ нѣсколькими отрядами Наполеоновскими, и едва успѣла не одолѣть Франціи, а только освободиться отъ ея ига, и то, благодаря быстротѣ бурнаго потока, какъ будто на помощь ей съ Сѣверо-Востока текущаго. Гдѣ же тутъ сходство?

Изъ неприступнаго острова своего, какъ съ высоты амфитеатра, смотрѣли Англичане на гладиаторовъ, проливающихъ кровь свою будто для ихъ забавы и пользы и, рукоплеская Русскимъ, хотѣли сравнить ихъ съ наемниками своими Гишпанцами. Даже и тогда, какъ спасительная рать ея явилась посреди Европы, чтобы избавить ее отъ тягости вѣчной войны, Россія сдѣлалась уже предметомъ зависти для западныхъ народовъ. Извинительно было неправдолюбивой и пристыженной Франціи приписывать неслыханный уронъ свой единственно суровости климата; но мнѣніе сіе, не раздѣляя его, старались также поддерживать Англичане и Нѣмцы. Извѣстно, что горячая кровь полуденныхъ людей сильнѣе противится дѣйствию холода, чѣмъ медленнѣе обращающаяся кровь жителей Сѣвера. Послѣднимъ сама природа дала защиту, звѣриныя кожи, въ которыя съ малолѣтства, такъ сказать, пеленаясь, они прячутся въ невыносимо-жаркихъ своихъ избахъ. Первые цѣлый вѣкъ любятъ жить на воздухѣ, который при всякой температурѣ, обхватывая весь составъ ихъ, приучаетъ его къ перенесе-

нiю всякихъ непогодъ. Кто не видѣлъ Французовъ въ однихъ фракахъ, съ руками въ карманахъ, весело пляшущихъ на морозѣ *), когда термометръ показывалъ десять или двѣнадцать градусовъ? Цыгане, не погибая, въ кибиткахъ своихъ всю зиму кочуютъ у насъ на Сѣверѣ. Отчего же Русскiе, преслѣдуя Французовъ, подобно имъ не падали какъ мухи? Оттого что они были въ шапкахъ, въ шубахъ, даже въ лаптяхъ и не съ пустыми желудками; оттого что войны непобѣдимой армiи шли наги, босы и голодны. Въ такомъ состоянiи должны бы они были гибнуть и среди лѣта. А кто привелъ ихъ къ нему? Прозорливый, терпѣливый нашъ Фабiй, великiй Русскiй вождь все разчелъ, все предугадалъ: умудрилъ его Господь, «насылая слѣпоту на того, кто мысленно дерзалъ уже почитать себя Ему равнымъ». Съ самыхъ первыхъ шаговъ Наполеона въ Россiи замѣтны были въ немъ нетерпѣливость, самонадѣянность, опрометчивость; замѣтно было, что надежды не столько возлагаетъ онъ на генiальность свою, какъ на счастье и на сплоченныя имъ массы, огромный запасъ людей. «Двадцать пять тысячъ человекъ могу я проживать ежемѣсячно», говорилъ онъ; и онъ промотался и бѣжалъ изъ Россiи, какъ должникъ отъ тюрьмы. Не столько храбрость и число солдатъ, сколько искусство полководцевъ даруетъ побѣды. Спрашивается: кто изъ двухъ показалъ тутъ болѣе искусства? Ужъ конечно тотъ, кто съ меньшимъ числомъ войскъ предводительствовавшаго несмѣтными силами заставилъ обратиться въ бѣгство. Все еще толкуютъ о генералѣ-морозѣ, забывая, что этотъ годъ осень стояла у насъ теплѣе чѣмъ во Францiи, что первая пораженiя при Тарутинѣ и Маломъ Ярославцѣ были въ началѣ Октября, и что на протяженiи почти четырехъ сотъ верстъ отъ Москвы до Смоленска, когда еще генералъ этотъ не думалъ показываться, уже цѣлыя бригады и дивизiи начинали исчезать въ непрiтельской армiи.

Все въ этомъ году было необычайно, неожиданно, чудесно; изображенiе его, по мнѣнiю моему, принадлежитъ эпопее еще болѣе чѣмъ исторiи. Запрятанный въ уголъ той огромной сцены, на которой разыгрывалась великая драма, какъ почти всѣ тогда, былъ и я нѣкоторымъ образомъ вовлеченъ въ ея движенiе, и изъ тогдашнихъ событiй могъ собрать нѣкоторыя черты, достойныя вниманiя читателя. Какой же славный трудъ предстоитъ будущему творцу Русской Илиады! Но гдѣ онъ? Родился ли онъ, тотъ, который, соединяя въ себѣ одномъ генiи Карамзина и Пушкина, Тацита и Гомера, былъ бы въ состоянiи достойнымъ образомъ начертать потомству величiе его предковъ? Сiя

*) Подъ Прейсшъ-Эйлау, 27 Генваря, въ Пруссiи вѣрно было не теплѣе, чѣмъ осенью въ Бѣлороссiи, а Французы, если и не побѣдили, но и побѣждены не были.

шесть мѣсяцевъ великому писателю едва ли не болѣе представляютъ матеріаловъ, чѣмъ десятилѣтіе Троянской войны. Для кисти егѡ сколько красивыхъ, мужественныхъ лицъ, коимъ въ стихахъ тогда же сдѣланъ былъ обрисъ! И почти у всѣхъ Русскія названія: Платовъ и Милорадовичъ, Раевскій и Дохтуровъ, и молодой еще тогда, храбрый Воронцовъ, богатый золотомъ и доблестями, который всю тягость и опасности воинской жизни предпочелъ забавамъ и пышности двора,— нѣжный, попечительный отецъ для подчиненныхъ, товарищъ, братъ и другъ соратствующимъ. И ты предстанешь тутъ, близнецъ его во славу, менѣе его счастливый, но гораздо болѣе чтимый, чудный Ермоловъ, чье имя, священное для Русскихъ, почти въ первый разъ тогда имъ прогремѣло. Какъ бы нарочно, во станъ христолюбиваго воинства Провидѣніе послало юношу достойнаго воспѣть его подвиги, чистаго душой и тѣломъ, восторженнаго Жуковскаго. Цари тутъ также сражались подъ знаменами Царя царей, передъ которымъ Агамемнонь можетъ казаться Терситомъ. Только изъ пещла нашей Трои возникла гибель новымъ Грекамъ, ибо на нашей сторонѣ былъ опытный, мудрый Несторъ, съ хитростью Улисса и отважностію Ахилла. Неимовѣрное, почти тоже, что баснословное, — его тутъ было вдоволь; и какъ иначе назвать внезапную казнь гордынѣ и спасеніе погибающимъ, съ высоты могущества паденіе исполина, и изъ пучины золь быстрое вознесеніе народа? У насъ боги, съ человѣческими страстями, непристойнымъ образомъ не мѣшалась въ дѣла смертныхъ; за то вездѣ и во всемъ было чувствуемо присутствіе чего-то невидимаго и всесильнаго. Я почти увѣренъ, что Александръ и Кутузовъ Его прозрѣли, и что даже самому Наполеону блеснулъ гнѣвный ликъ Его.

Въ недавнемъ времени, одинъ сенаторъ воинъ взялся написать намъ исторію этой войны. Вышло, какъ въ наше время и ожидать было должно, что официальное твореніе его не что иное какъ собраніе раскрашенныхъ реляцій, съ прибавкою похвальныхъ словъ Чернышеву и всѣмъ, въ живыхъ еще находящимся, сильнымъ міра сего. Вы правы, г. Данилевскій-Михайловскій, если имѣли только въ виду почести и деньги; вы получили ихъ. Но я надѣюсь, что вы не погонитесь за безсмертіемъ. Куды вамъ до него! Даже и нынѣ никто не хочетъ вѣрить лъстивымъ устами вашимъ.

VII.

Въ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ находился я при наступленіи 1813 года, какъ сказала я выше, утѣшали меня вѣсти, получаемыя уже изъ-за границы; ибо во второй половинѣ Декабря заняты нашими войсками восточная Пруссія и даже Варшава въ самый

день Рождества; какъ вдругъ былъ я встревоженъ и сильно огорченъ однимъ неожиданнымъ и для Русской чести постыднымъ происшествіемъ, о коемъ хотѣлось бы мнѣ, но не смѣю, умолчать.

Изъ полковъ новонабраннаго Пензенскаго ополченія одинъ только формировался и стоялъ на квартирахъ въ губернскомъ городѣ, другіе размѣщены были въ уѣздахъ. Двое изъ начальствовавшихъ надъ ними полковниковъ, люди черезъ мѣру разчетливые, нашли, что о прокормленіи ратниковъ много заботиться нечего, и что, при всеобщемъ усердіи жителей, они безъ пищи ихъ не оставятъ, а между тѣмъ исправно принимали и клали себѣ въ карманъ суммы, изъ нашего комитета отпускаемыя, для продовольствія воиновъ. Названіе одного я къ счастью позабылъ; имени другаго не скрою.

Иванъ Дмитріевичъ Дмитріевъ былъ приглашенъ, упрощенъ оставитъ кавалергардскій полкъ, въ которомъ дослужился до полковничьяго чина. По моему мнѣнію, неправы были господа офицеры, а онъ со всѣмъ не виноватъ, если, будучи сыномъ бѣднаго помѣщика Мокшанскаго уѣзда, попалъ онъ нечаянно въ такой полкъ, гдѣ тогда однимъ богачамъ служить было подъ силу, и что для поддержанія требуемаго вѣдѣнія долженъ былъ онъ прибѣгать къ такъ-называемымъ непопулярнымъ средствамъ. Дѣло не обошлось безъ драки, разумѣется не рукопашной. Говорятъ, онъ былъ не трусливъ и между военными товарищами своими; въ провинціи же, среди мирныхъ земляковъ, смѣлость его часто доходила до дерзости. Чтѣ удивительнаго? Все на свѣтѣ, даже уваженіе согражданъ, долженъ былъ брать онъ съ бою; самые дары Фортуны могъ онъ не иначе похищать, какъ насильственнымъ образомъ: вотъ отчего всегда находился онъ въ бранномъ состояніи. Простое воровство въ обществѣ презирается: необходимо надобно нѣсколько облагородить его разбойничьими формами. Въ Москвѣ, главнымъ центрѣ тогдашнихъ картежныхъ операцій, поселился г. Дмитріевъ и подвизался тамъ въ сообществѣ съ родственникомъ своимъ Саввою Мартиновымъ, мною не разъ упомянутымъ. Онъ оставилъ ее въ 1812 году, когда въ ней ничего ему дѣлать не оставалось, и прибылъ въ Пензу, гдѣ удалцу сему предложенъ былъ полкъ.

Оба полковника сіи прежде всего принялись за полковую экономію. Пока средства не истощались у жителей, ни они, ни ратники роптать не смѣли. Но когда голодъ привелъ ихъ въ отчаяніе, послѣдніе возмутились, изъ своей среды выбрали себѣ начальниковъ, а офицеровъ перевязали и вѣроятно сдѣлали бы тоже съ полковниками, еслибъ сіи послѣдніе заблаговременно не успѣли спастись бѣгствомъ. Сіе происходило въ двухъ городахъ, Саранскѣ и Чембарѣ, полтораста верстъ одинъ отъ другаго отстоящихъ. Ни безчинства, ни

грабежа не было; воины требовали одной пищи, и понаѣвшись сдѣлались спокойнѣе и смиренѣе. Ужасу было много у насъ въ продолженіе двухъ или трехъ дней. Но скоро подоспѣли другіе ополченныя, самъ графъ Толстой прискакалъ въ Саранскъ, и мятежь утушенъ безъ кровопролитія. Дѣло обошлось какъ нельзя лучше: виновныхъ не нашлось, полковники съ глазу на глазъ названы мошенниками, а рядовымъ передъ фронтомъ объявлено, что ихъ хорошо будутъ кормить; но если впредь что нибудь подобное они затѣяютъ, то десятый изъ нихъ будетъ разстрѣлянь; все же дѣло подъ шумокъ представлено выше дѣйствіемъ неудачнаго подговора какихъ-то небывалыхъ лазутчиковъ. Въ половинѣ Генваря, бунтовавшіе и уже покорные, равно какъ и разруганные, связанные и уже освобожденные, и начальствующіе, преспокойно отправились вмѣстѣ въ дальній походъ по направленію къ Кіеву.

Съ отбытіемъ ополченія, казалось, что занятія нашего комитета, кромѣ приготовленія отчетовъ, должны бы были прекратиться; ни мало. Не зналъ, достанетъ ли у Нѣмцевъ довольно смѣлости, чтобъ явно присоединиться къ нему; съ другой стороны, видя съ какимъ рвеніемъ и поспѣшностію, по единому слову его, земля Русская рождаетъ и образуешь рати; желая имѣть достаточный запасъ воиновъ, въ случаѣ несогласія съ Нѣмцами, — Государь повелѣлъ, чтобы набрано было, подъ именемъ резерва, второе ополченіе, только въ половиною меньше перваго. Изъ него велѣно отдѣлить нѣсколько штабъ- и оберъ-офицеровъ, если не въ ратномъ, то во фронтовомъ дѣлѣ искусившихся. Геройскій жаръ въ нѣкоторыхъ успѣлъ уже погаснуть, и они охотно воспользовались случаемъ на нѣсколько мѣсяцевъ еще остаться, не покидать родимаго края. Не оставалось болѣе военныхъ людей, высокое званіе носящихъ, и надлежало довольствоваться менѣе чиновными. Казань избрана мѣстомъ пребыванія главнаго начальства новаго ополченія, и оно поручено отставному артилеріи генераль-маіору, Дмитрію Александровичу Булыгину, съ тѣми же правами, кои присвоены были графу Петру Александровичу Толстому.

Я знавалъ этого Булыгина, только немного. Онъ слытъ весьма умнымъ; объ этомъ судить я не могу, ибо вниманіе мое не столько обращено было на его рѣчи, сколько на наружность. Отецъ его былъ женатъ на придворной Калмычкѣ, и образъ ея, въ преувеличенномъ видѣ, рѣзкими чертами напечатанъ былъ на лицѣ сына. Говорили также, что онъ былъ отличный артилеристъ, добрый и честный человекъ.

Губернскимъ же начальникомъ, вмѣсто отбывшаго генерала Кишенскаго, выбранъ былъ у насъ отставной бригадиръ, графъ Ѳеодоръ Андреевичъ Толстой; какъ говорилось въ старину между военными: за неймѣніемъ маркитанта блинникъ служить. На вопросъ (если мнѣ

сдѣлають его): какой это былъ Толстой? вмѣсто отвѣта, отошлю я читателя къ краткой родословной сей многочисленной нынѣ фамиліи, здѣсь ниже въ особой выноскѣ помѣщенной *). Онъ и нѣкоторые изъ братьевъ его служили припѣваючи при Екатерининской гвардіи до капитанскаго чина, потомъ вышли въ отставку бригадирами, поселились въ Москвѣ и стали искать богатыхъ невѣстъ; употребляли самыя легкія и простыя средства, чтобы быть счастливыми. Ему посчастливилось болѣе другихъ: со Степанидою Алексѣевою Дурасовой, на коей онъ женился, приобрѣлъ онъ большой достатокъ. Даже для умѣреннаго удовлетворенія его вкусовъ надобно было много денегъ, и онъ бы раззорился, еслибы не былъ удержанъ бережливостію, можно сказать, скупостію жены своей. Онъ былъ несвѣдущій, а не менѣе того страстный антикварій и собиратель всякаго рода рѣдкостей. Но какъ при покупкѣ картинъ, манускриптовъ, медалей, всегда руководствовался онъ совѣтами свѣдущихъ людей, то въ собраніе его немного попадало ничтожныхъ вещей, и оно наполнено было драгоценностями. По природѣ мягкокранный, онъ всегда казался веселъ, оставался спокоенъ духомъ и оттого-то, кажется, и поднесъ тянется жизнь его. Воинъ былъ бы онъ плохой, и если вступилъ въ ополченіе, то вѣроятно для того, чтобы нѣсколько времени, хотя бы съ сѣрымъ кафтаномъ, пощеголять генеральскими эполетами.

Супруга его рѣшительно была и нелюбезна, и немилостива. Она, по матери, была въ числѣ наслѣдницъ знаменитаго Твердышева, простаго мужика, который съ пятью только рублями, но съ умомъ и честностію, съ неимовѣрною дѣятельностію, изворотливостію и смѣтливостію, началъ созидать огромную fortuna свою. Онъ соорудилъ двадцать шесть желѣзныхъ и мѣдиплавильныхъ заводовъ, тѣмъ оживилъ и обогатилъ заброшенный доголѣ Оренбургскій край, и каждой изъ четырехъ племянницъ своихъ, Дурасовой, Пашковой, Бекетовой и Козицкой, сверхъ сказанныхъ заводовъ, оставилъ по шестнадцати тысячъ душъ крестьянъ. Каждый обломокъ раздробленнаго послѣ нихъ имѣнія стодитъ еще не менѣе миліона.

*) У первопожалованнаго графа Толстаго, въ исторіи Петра Великаго столь извѣстнаго Петра Андреевича, любимаго его и преданнаго ему до готовности къ преступленіямъ, было два сына, Иванъ да Петръ, которые при Аннѣ Іоанновнѣ попали въ немилость. Старшій Иванъ былъ сосланъ въ Архангельскъ, гдѣ отъ скуки женился на дочери какого-то неважнаго чиновника и прижилъ съ нею семь сыновей. Всѣ они послѣдовали его примѣру, всѣ переженались, оставили потомство; одинъ изъ нихъ, Андрей Ивановичъ, подражаніе довелъ до совершенства, имѣлъ также семь сыновей, въ томъ числѣ и нашего Федора Андреевича. Другая линія, отъ Петра происходящая, не была такъ плодуща, оттого сохранила богатство и знатность, тогда какъ прочіе графы Толстые нынѣ въ Москвѣ стали на ряду и едва ли не ниже простыхъ дворянъ.

Графиня Толстая, подобно дѣду, не наживала богатства, а только умѣла сохранять его; заботливость ея о томъ назову я чрезмѣрною, даже непристойною. Въ продолженіе всего времени, что Москва занята была Французами, на свѣтъ Божій не смотрѣла она, кляла Ростопчина и о томъ только жалѣла, что Наполеона не приняли съ честію и не дозволили откупиться отъ него посредствомъ сильной контрибуціи. Мнѣ случилось обѣдать у нихъ въ тотъ самый день, въ который получила она извѣстіе о томъ, что великолѣпный домъ ея на Большой Дмитровкѣ остался цѣлъ, что сдѣланы въ немъ нѣкоторыя поврежденія, за то весь онъ загроможденъ нанесенными въ него дорогими предметами; какъ сохранившемуся, такъ и прибрѣтенному при донесеніи приложена была опись. Во время чтенія улыбка показалась было на лицѣ ея, какъ вдругъ залилась она слезами, воскликнувъ: «Я никакъ не нахожу тутъ прекраснаго тюфика моего, обшитаго шелковой обьяриной матеріей; злодѣи погубили его!» Всѣхъ изумило и всѣмъ показалось это чрезвычайно гадко. Въ послѣдствіи единственную дочь свою выдала она за единственнаго графа Закревскаго.

И такъ наши помѣщики покряхтѣли, поморщились; но дѣлать было нечего, принялись опять за наборъ людей и за пожертванія; черезъ то на неопредѣленное время должно было продлиться существованіе нашего комитета. Это испугало почтеннаго предсѣдателя нашего Кашкарова. Болѣе двадцати лѣтъ былъ онъ въ отставкѣ съ бригадирскимъ чиномъ, изрѣдка показывался въ Москвѣ и, хотя былъ холостой, совершенно свыкся съ деревенскою жизнію. Долгъ дворянина, въ тяжкій годъ для отчизны, вызвалъ его опять на временную службу; но бѣдствія миновались, дни становились все длиннѣе, солнышко краснѣе и ярче, и все тянуло его въ мирное убѣжище, гдѣ жилъ онъ отцомъ и благотворителемъ дворни и крестьянъ. Ему не стерпѣлось, онъ отказался отъ мѣста и сказался больнымъ.

Въ великое затрудненіе поставленъ былъ губернаторъ Голицынъ. По вздорнымъ несогласіямъ съ губернскимъ предводителемъ Колокольцовымъ, какъ сказалъ я выше, умѣлъ онъ, чрезъ посредство главноначальствовавшаго графа Толстаго, совершенно устранить его отъ сего предсѣдательства. Тогда надлежало на мѣсто Кашкарова вызвать старшаго по немъ кандидата, который былъ ему во сто разъ противнѣе Колокольцова. И кто же былъ сей кандидатъ? Отставной уже тогда оберъ-прокуроръ, ***, высокомѣрный, высокорослый чловѣкъ, о которомъ что-то очень давно я ни слова не упоминалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ сихъ Запискахъ разстался я съ нимъ, продолжалъ онъ служить экспедиторомъ, или начальникомъ отдѣленія, въ канцеляріи министра юстиціи и по возможности вредить моему отцу.

Наконецъ назначенъ онъ оберъ-прокуроромъ въ одинъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената и находился тамъ въ видѣ делегата Сперанскаго. Если сей послѣдній имѣлъ намѣреніе черезъ него распространить что нибудь въ древней столицѣ, то весьма ошибся въ своихъ расчетахъ: ***, всегда покорный, преклонный передъ государственными властями, вооружался только противъ мѣстныхъ. Главнѣйшимъ командовавшимъ, фельдмаршалъ Гудовичъ, засѣдалъ тогда въ Сенатѣ и въ немъ хотѣлъ деспотствовать точно также, какъ и въ городѣ; можетъ быть, весьма основательно противился *** его незаконнымъ требованіямъ; но въ протестахъ своихъ употреблялъ выраженія столь грубыя, столь дерзкія, что далъ старику все право справедливо жаловаться на него самому Государю. Еще за полгода до паденія Сперанскаго, не смотря на его покровительство, былъ онъ отставленъ и поселился въ своей Пензенской деревнѣ. Въ началѣ Сентября 1812 года, внезапно явился онъ на дворянскомъ съѣздѣ и дѣйствовалъ такъ быстро и такъ тайно, что едва не попалъ въ председатели комитета для пожертвованій. Дворяне имѣли только въ виду его ростъ и его чинъ, и ахнули, когда имъ объяснили, что они выбрали друга и соумышленника подозрѣваемаго въ измѣнѣ Сперанскаго. Голицынъ, яко знатный, почиталъ себя въ обязанности ненавидѣть сего послѣдняго и, желая показать то ***—ну, обошелся съ нимъ неучтиво; тотъ, кажется, отвѣчалъ ему тѣмъ же.

Недѣли полторы или двѣ, губернаторъ все медлилъ съ извѣщеніемъ его объ отбытіи Кашкарова и съ приглашеніемъ занять его мѣсто. Бумага о томъ была уже подписана, а онъ не рѣшался ее отправить и надѣялся, что наступившая совершенная распутица воспрепятствуетъ ***—ну скоро пріѣхать. Между тѣмъ, по званію старшаго члена, вступилъ я въ должность председателя. Кто повѣритъ, чтобы мнѣ, молодому человѣку, совсѣмъ не польстила временная честь наследовать старику-бригадиру? Но съ нею сопряжены были затрудненія, которыя долженъ буду здѣсь объяснить.

Между оставшимися отъ перваго ополченія, для образованія новаго, находился одинъ отставной конной гвардіи штабъ-ротмистръ, Федоръ Ивановичъ Левинъ. Человѣкъ былъ онъ еще довольно молодой, весьма неслухной, исполненный чести. Другъ порядка, безъ малѣйшей подлости, всегда оказывалъ онъ должное уваженіе начальству, что въ нынѣшнее время непремѣнно бы названо было холопствомъ. Жаль только, что, при столь похвальныхъ свойствахъ, чрезмѣрная живость въ крови часто затмѣвала у него рассудокъ, такъ что названіе «взбалмошный» какъ бы нарочно для него было придумано. Ему поручено было сформировать конницу втораго ополченія, то-есть всего только

два эскадрона, и онъ захотѣлъ блеснуть ими передъ Пензенской публичкой. Для того, затѣялъ онъ для нихъ какія-то куртки, съ широкими свѣтлозелеными отворотами и краснымъ кушакомъ, сабли, мѣдные эполеты и мѣховыя, за неизмѣнимъ медвѣжьихъ, собачьи шапки. Все это шутовство, по его счету, должно было обойтись въ сорокъ пять, а навѣрное стоило бы не менѣе семидесяти тысячъ рублей; тогда какъ по распоряженіямъ главнаго, въ Петербургѣ, комитета, подъ предсѣдательствомъ Аракчеева, все должно было ограничиваться пиками и простыми сѣрыми кафтанами. Въ семь видѣ конный полкъ перваго ополченія вышелъ и въ походъ.

По связямъ своимъ съ губернаторомъ Голицынымъ и губернскимъ начальникомъ Толстымъ, Левинъ безъ затрудненія склонилъ ихъ утвердить его затѣи; князь отнесся къ намъ о томъ, а графъ потребовалъ денегъ. Я не зналъ что дѣлать. Осторожный, даже боязливый членъ отъ правительства, Карауловъ, прикинулся больнымъ и не участвовалъ въ засѣданіяхъ; безграмотный купецъ Козицынъ сдѣлалъ бы только то, что я приказалъ бы ему, слѣдственно я оставался совершенно одинъ, и вся отвѣтственность лежала на мнѣ. Немногіе наличные дворяне тайкомъ убѣждали меня понапрасну не сорить деньгами, и мнѣ самому не хотѣлось полатиться, можетъ быть, цѣлымъ имѣніемъ за чужія прихоти; но я опредѣленъ былъ правительствомъ, то-есть губернаторомъ, и трудно мнѣ было опять идти противъ него. Я не отказывалъ и не соглашался, и старался выиграть только время; къ счастью, Левинъ, не полагая возможнымъ какое-нибудь съ моей стороны сопротивленіе, дѣломъ не торопиль. Насчетъ нелѣпыхъ требованій его рѣшился я однимъ вечеромъ объясниться съ губернаторомъ; тотъ отвѣчалъ мнѣ ласками и шутками. Тогда составилъ я себѣ планъ и хотѣлъ дѣйствовать смѣло.

На слѣдующее утро, когда еще лежалъ я въ постелѣ, въ мою низенькую комнату ввалилось огромное туловище ***—на безъ всякаго предваренія. Это было въ началѣ Апрѣля. Не дождавшись оціанальнаго извѣщенія, онъ рѣшился сдѣлать болѣе ста верстъ по непроходимымъ дорогамъ, тамъ завязая въ глубокой грязи, тамъ преплывая быстрые потоки и, ни съ кѣмъ не увидѣвшись, показался мнѣ первому. У меня голова закружилась, такъ озадачилъ онъ меня и неожиданнымъ появленіемъ своимъ, и расточительностію похвалъ: отъ имени цѣлаго дворянства благодарилъ онъ меня; и защитникъ-то я былъ правъ его, и блюститель его выгодъ. «Да я еще ничего не сдѣлалъ», отвѣчалъ я. «Все равно, вы медлили и хотѣли сумасбродамъ дать время образумиться. И я пріѣхалъ вамъ на помощь, пріѣхалъ выручать васъ». Что было дѣлать? По неволѣ пришлось сойтись съ

врагомъ отца моего, съ недругомъ цѣлаго моего семейства и противъ человѣка, дотоли мнѣ благопріятствовавшаго.

*** не замедлилъ вступить въ должность, и первымъ дѣйствіемъ его, вмѣстѣ съ комитетомъ, былъ отказъ въ удовлетвореніи фантазій г. Левина. Но, противъ обыкновенія своего, согласно съ моимъ желаніемъ, сдѣлалъ онъ его въ умѣренныхъ и почтительныхъ терминахъ, съ сожалѣніемъ представляя всю невозможность исполнить требованіе начальства, по неимѣнію на то достаточныхъ правъ. Вскорѣ получили мы отвѣтъ, полный угрозъ и писанный самымъ повелительнымъ тономъ; Левинъ являлся также въ засѣданіе комитета съ дерзостію объявить гнѣвную волю губернатора. Тогда *** задумалъ посѣщеніе и слова его внести въ журналъ, а Комитетъ объявить въ опасности: этому человѣку вездѣ хотѣлось какихъ-то конституціонныхъ, чтобы не сказать, революціонныхъ формъ. Я возсталъ противъ того, доказавъ ему, что это будетъ чрезчуръ смѣшно и скандально.

Была тогда Страстная недѣля. *** самъ маралъ возраженіе и, чтобы выслушать его, въ Великую Пятницу, подъ предлогомъ нездоровья, пригласилъ меня къ себѣ въ домъ. Меня нѣсколько удивило, что опредѣленіе и отпускъ уже написаны были на бѣло. Съ видомъ самодовольствія, охриплымъ голосомъ своимъ началъ онъ мнѣ читать свое твореніе; не подозрѣвая никакой хитрости, видѣлъ я тутъ одно только авторское наслажденіе; а онъ, злодѣй, съ умысломъ искусно пропускалъ всѣ рѣзкія, язвительныя мѣста, противъ которыхъ я могъ бы возставать. Чтобы кончить все передъ праздникомъ, онъ разсѣянно предложилъ мнѣ скорѣе подписать бумаги; я то и сдѣлалъ. На другой день поступилъ онъ также съ членомъ отъ купечества Козицынымъ, призвалъ его къ себѣ, показалъ только свою и мою подписи, а тотъ, по обыкновенію своему, подъ ними всепокорнѣйше подмахнулъ и свое купеческое прозваніе. Притворная болѣзнь г. Караулова все еще продолжалась, и сею искусною, по мнѣнію его, уловкою онъ выигралъ одно только то, что съ обѣихъ сторонъ на него досадовали.

Въ свѣтлый день Пасхи былъ я съ поздравленіемъ у сіятельнаго. Онъ похристосовался со мною ласково, только слегка пошучивалъ на счетъ новыхъ связей моихъ, но не получалъ еще нашей бумаги, а если и получилъ, то вѣрно не распечатывалъ еще; сіе послѣдовало на другой день. Онъ былъ человѣкъ, нельзя сказать, добрый, но легкомысленный, разсѣянный, который ничего не умѣлъ дѣлать серьезно, особенно сердиться. Тутъ, говорятъ, онъ на себя не походилъ: ярился, свирѣпствовалъ,—и было отъ чего! Онъ объявилъ, что никогда уже

со мной не увидится и не велить къ себѣ даже на крыльцо пускать. А за Козицынымъ послалъ на другой же день.

— Какъ смѣлъ ты, купчишка мерзкой, написать ко мнѣ ругательную бумагу? сказала онъ ему.

— Да возможно ли, да какъ бы осмѣлился я евто сдѣлать? О семи что ли я головахъ?

— Да чья же это подпись?

— Охъ, виновать, согрѣшилъ: мнѣ велѣли подписать, а я и самъ не знаю что подписалъ.

— Да какъ же ты не читавши подписываешь?

— Да что дѣлать? Умилосердитесь, батюшка, ваше сіятельство! Человѣкъ я темный: еслибы я сталъ читать, вѣдь все бы равно, вѣдь я ничего бы не повялъ.

Голицынъ расхохотался.

Не житье было тогда ***—ну въ Пензѣ. Тѣ, которые тайно одобряли поступокъ сего новаго Мирабо, явно не смѣли того показывать. Другіе какъ будто боялись зачумиться близъ него; иные позволяли себѣ дѣлать ему грубости.

Такъ времена переходчивы. Смирный графъ Толстой болѣе всѣхъ пѣтушился, хорохорился; въ домѣ у зятя его, мужа сестры его, вице-губернатора Евреинова, онъ до того разъярился, что схватилъ его за воротъ. Онъ былъ холоденъ и твердъ, какъ гранитъ; я это сказалъ ему, и это, кажется, весьма его потѣшило.

Мое положеніе было также не совсѣмъ пріятное. Мнѣ бы обидно было уподобиться Козицыну; я ни отъ чего не отрекался и не хотѣлъ признаться въ томъ, что также, какъ и онъ, не читавши подписалъ бумагу; даже самому * *—ну не сдѣлалъ ни малѣйшаго упрека. Кому-то изъ друзей моего семейства вздумалось выдавать меня за невинную жертву, опутанную сатанинскими сѣтями ***—на; такъ по крайней мѣрѣ дѣло представлено моей матери, которая крайне скорбѣла о происходящемъ. Все таки невесело было видѣть, что люди смотреть на меня съ горделивымъ состраданіемъ.

Новые перуны готовилъ на насъ Голицынъ, но не самъ хотѣлъ грянуть ими, а грозу вызвалъ изъ Казани. Нѣсколько дней писали, писали у него, сочиняли ужасную бумагу къ главноначальствовавшему, генералу Булыгину, и отправили ее съ нарочнымъ. Въ ней представленъ бунтовщикъ ***, какъ человѣкъ весьма опасный въ настоящихъ обстоятельствахъ. «Будучи въ тѣсной связи съ предателемъ Сперанскимъ, можетъ имѣть онъ и тайныя сношенія съ Наполеономъ. Вотъ почему, вѣроятно, старается онъ препятствовать скорому образованію новаго ополченія, и особенно Левинскихъ эскадроновъ, кото-

рые могли бы нанести послѣдніе удары непріятелю». О другихъ членахъ ни слова не сказано.

Дороги были ужасныя, ручьи, рѣчки и рѣки выступили изъ береговъ своихъ и покрывали поля; во многихъ мѣстахъ не было переправъ, и пятьсотъ верстъ надобно было сдѣлать курьеру. И потому-то болѣе двухъ недѣль прождали мы, пока получили отвѣтъ отъ Булыгина, который былъ довольно благоразуменъ. Приписывая всѣ несогласія, неудовольствія, недоумѣнія, нарушенію общеутвержденнаго порядка при назначеніи предсѣдателя въ комитетъ, для возстановленія его онъ требовалъ, чтобы губернской предводитель занялъ сіе мѣсто. А этотъ предводитель, какъ не разъ уже сказалъ я, былъ Дмитрій Аполонovichъ Колокольцовъ, котораго Голицынъ не терпѣлъ единственно за то, что изъ-подтишка онъ иногда трунилъ надъ нимъ. Но все-таки, въ глазахъ его, это было лучше чѣмъ ***.

Сей послѣдній дня два-три хотѣлъ было воспротивиться распоряженіямъ Булыгина, и собирался писать уже протестъ, какъ вдругъ ото всего отступился. Мнѣ первому, какъ увѣрялъ онъ меня, объявилъ онъ за тайну, что замыслилъ жениться, просватанъ и даже помолвленъ на Вѣрѣ Николаевнѣ... Сіе единственно заставляеть его бросить эту дурную распрю. Онъ спѣшитъ въ деревню, гдѣ послѣ отца остался ему огромный домъ; въ немъ станетъ ожидать будущаго тестя, невѣсту и все ихъ семейство, и тамъ надѣется безъ промедленія сыграть свадьбу. На другой день всѣ о томъ узнали, и въ обществѣ Голицына не оставили приписать сей союзъ духу революціонной партіи Сперанскаго, не совсѣмъ еще въ Россіи подавленному. Сватовство происходило въ домѣ нашемъ; постоялецъ, несмотря на извѣстную скудость свою, заплатилъ мнѣ за весь годъ, хотя прожилъ въ немъ не болѣе девяти мѣсяцевъ. Изъ конурки своей перебрался я въ него опять и принялся жить на просторѣ.

Никакихъ болѣе сношеній съ тѣхъ поръ у меня съ ***—мъ не было, и ни разу въ сихъ Запискахъ не придется мнѣ упомянуть объ немъ. Потому-то мнѣ хочется досказать здѣсь біографію его. Говорятъ: женишься—перемѣнишься; послѣ женитьбы сдѣлался онъ осторожнѣе и гибче и, переходя изъ одной крайности съ другую, изумлялъ раболѣпствомъ своимъ передъ министрами юстиціи и финансовъ. Онъ вступилъ опять въ службу оберъ-прокуроромъ и былъ наконецъ сенаторомъ въ Петербургѣ. Съ сердцемъ, источеннымъ червемъ честолюбія и съ тѣломъ, пожираемымъ худосочіемъ крови, онъ долго прожить не могъ и умеръ при Александрѣ, не имѣя еще сорока пяти лѣтъ отъ роду.

Между тѣмъ Левинская исторія все не кончилась. Губернскій предводитель, Колокольцовъ, пользуясь отпускомъ, жилъ въ деревнѣ, и мѣсто его заступалъ уѣздный предводитель, Николай Степановичъ Ермолаевъ, милый и кроткій чудакъ, дѣйствительно, а иногда притворно разсѣянный, который въ дѣлахъ, какъ и въ разговорахъ, своимъ уступчиво-упорнымъ обхожденіемъ не допускалъ возможности разсердиться на него. За отсутствіемъ Колокольцова, по предложенію губернатора, занялъ онъ мѣсто предсѣдателя комитета. Онъ не одобрялъ поступковъ ***—на; не спѣшилъ однакоже и повиноваться: еще успѣемъ, сегодня да завтра, подождемъ да погодимъ, все отвлачивалъ, все медлить. Начинали уже меня въ томъ обвинять и изъ жертвы произвели въ соблазнитель. Такимъ образомъ прошло еще дней десять.

Вдругъ Колокольцовъ явился къ должности, хотя срокъ отпуска его еще не кончился. Представился единственный случай подразнить ему Голицына, и онъ не хотѣлъ его упустить. Ермолаевъ опрометью бѣжалъ отъ насъ. Съ первой минуты, Колокольцовъ, дотолъ довольно робкій и покорный, какъ возмутившійся трусъ, объявилъ намѣреніе противиться неправильнымъ требованіямъ губернскаго начальства. Дабы сколько-нибудь законнымъ образомъ оградить себя отъ буйныхъ набѣговъ Левина, какъ говорилъ онъ всѣмъ, перенесъ онъ присутствіе комитета въ депутатское собраніе и на столъ поставилъ зеркало. Озлобленный Карауловъ, видя, что нимало не угодилъ тѣмъ, что устранилъ себя отъ соучастія въ дерзостяхъ ***—на, выписался изъ больныахъ и вновь засѣлъ у насъ, съ желаніемъ усилить оппозицію. Купеческое сердце Козицына умѣлъ я тронуть, предрекая раззореніе скудной лавкѣ его, въ случаѣ какого-нибудь взыскація. Видя тогда, что большинства будетъ достаточно, чтобы не попустить нападчикамъ нашимъ восторжествовать при составленіи новаго опредѣленія, вошелъ я съ особливимъ мнѣніемъ. Въ немъ одинъ соглашался я на выдачу большой суммы, уступая волѣ пославшаго мя и убѣдившись, наконецъ, въ пользѣ и необходимости собачьихъ шапокъ и красныхъ кушаковъ. Мнѣ непремѣнно нужно было примириться съ Голицынымъ, какъ для того чтобы успокоить бѣдную мать мою, такъ и по другимъ причинамъ, которыя гораздо послѣ долженъ буду объяснить.

Губернаторъ не зналъ что ему дѣлать. Все это ему надоѣло, и человекъ былъ онъ весьма не упрямый; но Толстой и Левинъ подбивали его, стараясь ему доказать, что онъ совсѣмъ останется въ дуракахъ, если прекратитъ свои настаиванія.

Въ половинѣ Мая, изъ главной императорской квартиры пришло примиреніе—развязка всему дѣлу: приказаніе распустить это ополченіе и ратниковъ возвратитъ по домамъ. Всѣ чрезвычайно обрадовались

тому, кромѣ Левина, который одинъ остался съ носомъ и съ убыткомъ: ибо многое для эскадроновъ своихъ уже закупилъ, иное заказалъ, въ увѣренности, что дворянскія деньги уплатятъ сіи издержки, и все за безцѣнокъ долженъ былъ сбывать.

Изъ чего же спорили, ссорились? Изъ чего вся эта возня? Не менѣе того сія буря въ нашей лужѣ безъ малаго три мѣсяца сильно волновала ее. Вотъ такъ-то между людьми. Шести недѣль было для насъ достаточно, чтобы свести всѣ наши счета; вышло, что, за удовлетвореніемъ потребностей обоихъ ополченій, осталось еще 150 тысячъ рублей ассигнаціями, которыя для приращенія положены въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Сбереженіе по крайней мѣрѣ половины этой суммы имѣю, кажется, я право приписывать себѣ; ибо, при безпрестанной перемѣнѣ предсѣдателей и отлучкѣ члена, я одинъ постоянно отстаивалъ ее. И чтѣ же? На первыхъ дворянскихъ выборахъ положено небольшой капиталъ этотъ превратить въ вспомогательную кассу для неимущихъ и задолжавшихъ дворянъ, дабы за малые проценты ссужать ихъ небольшими суммами, а комитету объявить благодарность дворянства. Но и этого спасибо я не получалъ, равно и ни малѣйшаго изъясненія благоволенія отъ правительства за временную, однакоже, довольно заботливую тутъ службу мою. Такъ-то всегда со мною было и послѣ; такъ, видно, у меня на роду написано. Я не ропщу; это видно компенсація, ибо сначала все приходило мнѣ даромъ.

Если подробности, въ кои входилъ я, найдутъ излишними и пустыми, я съ этимъ не соглашусь. Я пишу воспоминанія свои, и это дѣло занимаетъ въ нихъ просторное мѣсто. Въ отдаленіи тридцати лѣтъ, описаніе обстоятельствъ его нахожу я даже забавнымъ, и такимъ, по мнѣнію моему, должно оно казаться читателю. Къ тому же оно изображаетъ состояніе, въ коемъ находилась Россія послѣ сильной брани и тревогъ, во время продолжительнаго отсутствія Государя своего, когда при слабомъ управленіи предсѣдателя Государственнаго Совѣтника, Салтыкова, царствовало въ ней нѣчто похожее на безначаліе.

Военныя происшествія перестали столь сильно занимать насъ, провинціаловъ; слухи и извѣстія о движеніи арміи изъ-за границы стали все позже доходить до насъ; во мнѣ любопытство и участіе никакъ не уменьшались. Русскія войска безостановочно такъ и катились по слѣдамъ полчищъ Наполеоновскихъ, растаявшихъ какъ воскъ отъ лица Господня. Бывало въ вѣдомостяхъ только и читаешь, какъ они заняли то Кенигсбергъ, то Варшаву, то Берлинъ, то Гамбургъ, то Дрезденъ. Прусская монархія, всѣмъ составомъ своимъ, примкнула къ намъ; но она только одна. Разобиженный, униженный, не менѣе правдивый и достопочтенный король ея, укрѣпясь духомъ, въ Бреславлѣ наскоро подписалъ миръ и

поскакалъ въ Калишъ, чтобы пасть въ объятія великодушнаго, уже счастливаго Александра, который въ глубинѣ души не переставалъ быть его союзникомъ. Сердце мое исполнено было надеждъ и благодарности къ промыслу Всевышняго.

Одно только смущало меня: это было явное пристрастіе, которое Государь оказывалъ враждовавшимъ намъ Полякамъ, во время послѣдняго похода, болѣе чѣмъ когда ознаменовавшимъ себя жестокостями противъ Русскаго народа. Это не было прощеніе, христіанское забвеніе зла, а скорѣе походило на любовь, на награду. По его особенному приказанію, Рыццевская освобождена и весною провалилась отъ насъ.

Вскорѣ послѣ нея стали покидать насъ и другіе наши посѣтители. Въ числѣ ихъ находилось и семейство Кологриво-Гагаринское, къ которому принадлежалъ и князь Четвертинскій. Главѣ семейства сего, какъ сказалъ я выше, принадлежало село Мещерское, по дорогѣ къ Зубриловкѣ, верстахъ въ сорока не доѣзжая ея. Тамъ не было пріюта; но въ продолженіе зимы, съ Русскою поспѣшностью, настроено множество отдѣльныхъ деревянныхъ хоромъ, такъ что къ лѣту для всѣхъ готово было просторное помѣщеніе. Я принялъ приглашеніе прогуляться туда на нѣсколько дней, пока приводились къ концу отчеты по дѣламъ и суммамъ комитета моего.

На обратномъ пути, остановился я переночевать въ селѣ Бекетовкѣ, принадлежащемъ помѣщику того же имени, только не Аполону Николаевичу, неугомонному и многорѣченному прокурору, который давно уже былъ въ отставкѣ и жилъ смирно. Вотъ еще новое лицо, новый членъ безчисленнаго Пензенскаго дворянства, котораго не случилось еще мнѣ назвать.

Жизнь Алексѣя Матвѣевича Бекетова и самъ онъ похожи были на тѣ образцовыя письма, которыя можно находить въ письмовникахъ: слогъ чистъ, все правильно, и всѣ формы соблюдены. Онъ не былъ ни скупъ, ни мотовать, ни съ кѣмъ ни заносчивъ, ни подобострастенъ, имѣлъ хорошій разумъ, хорошее состояніе—всего вдоволь, ничего лишняго. Въ Пензѣ, преисполненной тогда одними чудаками, совершенное отсутствіе оригинальности одно только дѣлало его оригиналомъ. Странно было только то, что супруга его Анна Матвѣевна, урожденная Солнцева *), была вся въ него, даже лицомъ; а какъ она носила одинаковое съ нимъ отчество, то можно было подумать, что онъ женатъ на родной сестрѣ своей.

*) Родная тетка извѣстному въ Москвѣ камергеру Матвѣю Михайловичу «Кровному» Солнцову, какъ называлъ его въ стихахъ поэтъ-племянникъ Пушкинъ.

Если сія чета, о которой съ душевнымъ уваженіемъ я вспоминаю, прошла сквозь міръ сей, не возбуждая въ немъ особеннаго вниманія, за то изъ шести человѣкъ дѣтей ея было одно чадо, весьма примѣчательнаго достойное. Три сына были на войнѣ, а изъ трехъ дочерей одна была только замужемъ: полно, такъ ли я сказалъ? безошибочно можно было ее назвать жеманною. У Катерины Алексѣевны Дмитрій Васильевичъ Золотаревъ, нашъ Симбухинскій сосѣдь, былъ плохой мужишка, но отличный хозяинъ, котораго умѣла употребить она съ большою пользою, опредѣливъ его пригашагомъ надъ общимъ ихъ имѣніемъ и предоставивъ себѣ главное надъ онымъ распоряженіе. Природа дѣлаетъ такого рода, ошибки; но онѣ случаются такъ часто, что, право, можно подумать, будто она творитъ сіе съ умысломъ. Она дала Катеринѣ Алексѣевнѣ то удалство, которое львицы нынѣшняго времени пріобрѣтаютъ только искусствомъ. Ея откровенный видъ, всегда веселое лицо и дебелость, довольно преувеличенная съ перваго взгляда, заставляли предполагать въ ней много простодушія и даже какую-то рыхлость въ характерѣ. Это было обманчиво: твердость воли была у нея мужская, и злоязычіе ея всегда бывало остроумно. Паче всего любила она упражненія нашего пола. Сколько разъ видѣли ее по дорогѣ стоймя въ телѣгѣ, съ шапкою на бекрень, погоняющую тройку лихихъ коней, съ амскою приговоркой: «съ горки на горку, дастъ баринъ на водку».

Откуда ни возьмись ей подстать одна иностранка, поселившаяся въ домѣ ея родителей. За весьма умѣренную цѣну нанялась она быть гувернанткой при двухъ взрослыхъ, почти двадцатилѣтнихъ, меньшихъ сестрахъ ея. Француженка съ Нѣмецкимъ прозваніемъ, мадамъ Гозъ, — все въ ней казалось загадочнымъ. Она была малаго роста, худая, дряблая, косая, въ морщинахъ и имѣла голосъ мужающаго отрока. Также какъ у Золотаревой, были у нея всѣ склонности не женскія: чрезвычайно любила играть въ биліардъ и курить трубку, и отъ того-то у сихъ женщинъ свелась самая тѣсная дружба. Времена были старинныя, варварскія, всѣмъ это казалось зазорно; нынѣшнее новое, смѣлое женское поколѣніе можетъ почитать ихъ своими прародительницами.

Съ Золотаревой были у насъ лады, но Француженкѣ я не полюбился, и она старалась насъ посорить. Съ первою бывало мнѣ очень весело, можно было поохотать съ нею и надъ нею; но когда подлѣ этой сосѣдки появилась мрачная сова, и мы съ сею послѣднею не могли скрывать взаимнаго другъ отъ друга отвращенія, то знакомство наше на время прекратилось. Когда разгорѣлась война, то на Француженку стали падать какія-то подозрѣнія: она часто начала посѣщать Рыцевскую и водиться съ Французами, которые были сосланы. Въ обѣихъ нашихъ столицахъ не бывала, ни въ какомъ другомъ домѣ

прежде она не жила, никто не зналъ ея, и за годъ до войны она какъ будто съ неба свалилась въ Пензу. Голицынь хотѣлъ было ее выслать, но его упросили, а меня стали подозрѣвать въ склоненіи его къ сей строгой мѣрѣ; я же, напротивъ, находилъ, что въ расположеніи, въ которомъ были умы, никакой лазутчикъ не могъ быть опасенъ; напраслина всегда была моя участь. Весною г-жа Гофъ сама уѣхала съ г-жею Рыщевской, и только года два спустя узнали настоящее ея фамильное имя. Она писала изъ Вѣны, что обстоятельства, о которыхъ она умалчиваетъ, заставляли ее нѣкоторое время искать убѣжища въ Россіи, и подписалась,—графиня Куденговенъ: это названіе одной изъ извѣстнѣйшихъ и знатнѣйшихъ Австро-баварскихъ фамилій. Ея уже не было, когда я рѣшился посѣтить Бекетовку; самого хозяина не было дома, и по усильному приглашенію почтенной хозяйки согласился я переночевать.

Рано поутру слышались мнѣ голоса въ сосѣдней комнатѣ, отъ которой отдѣленъ я былъ запертою дверью. Семейство собралось въ кабинетъ отца читать въ слухъ только-что полученные изъ Пензы *Московскія Вѣдомости*, и до меня невнятно доходили слова: сраженіе, Кутузовъ, Витгенштейнъ. Это совсѣмъ прогнало у меня сонъ; я наскоро одѣлся и за чаемъ узналъ множество новостей. Дивному Наполеону достаточно было трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, чтобы набрать новыя, огромныя силы, поднять ихъ на Россію и сразиться съ нею въ самомъ сердцѣ Германіи. И уже не долженъ былъ онъ встрѣтить искуснаго, престарѣлаго побѣдителя своего, который въ это самое время на одрѣ болѣзни исчезалъ, озаренный своей славой. Какъ всякому сыну отечества, прискорбна мнѣ была утрата, имъ сдѣланная; но утѣшеніе являлось вмѣстѣ съ горестью: Люценское сраженіе выдали намъ за побѣду; присоединясь къ намъ, вся Пруссія возстала, и войсками предводительствовалъ недавно прославившійся полководецъ.

Театръ войны такъ отдалился отъ насъ, что только въ концѣ Мая получены были нами извѣстія сіи, болѣе чѣмъ черезъ мѣсяць послѣ происшествія: о желѣзныхъ дорогахъ и даже о пароходахъ тогда еще у насъ и помину не было.

Лѣто прошло почти непримѣтнымъ образомъ. Война продолжалась вдали, релянціи искусно умѣли скрадывать наши уроны, въ нихъ находились все названія Нѣмецкихъ городовъ и, послѣ прошлогоднихъ тревогъ, это казалось обыкновеннымъ браннымъ состояніемъ, которое дотогдѣ для Россіи никогда почти не прекращалось. Только не могли понять земляки мои, отчего мы все вертимся на одномъ мѣстѣ, не двигаясь ни назадъ, ни впередъ; невѣдѣніе иногда бываетъ дѣло весьма полезное. Немногимъ, которые подобно мнѣ, не смѣтруя на сходство

именъ, знали, что Бауценъ далеко отстоитъ отъ Люцена, не хотѣлось сознаться, что вѣроятно мы принуждены были много отступать.

Я рѣдко посѣщаль Пензу. Мать моя, построивъ себѣ небольшой домикъ въ подгородномъ селѣ Лебедевкѣ, туда переѣхала, а я поселился опять въ томъ же Симбухинѣ, въ семи верстахъ отъ нея; слѣдственно, въ городъ мнѣ почти и не зачѣмъ было ѣздить. Сии два-три мѣсяца были если не пріятнѣйшимъ, то едва ли не спокойнѣйшимъ временемъ въ моей жизни. Перемиріе, заключенное съ Франціей, и Прагскій конгрессъ подавали надежду на прочный, продолжительный миръ. Я полагалъ, что Наполеонъ не захочетъ продлить борьбы истощенной Франціи съ торжествующею Россіей и раздраженною, возставшею, ополчающеюся почти цѣлою Германіей,—захочетъ взять отдыхъ и исполненіе дальнѣйшихъ замысловъ отложить до удобнѣйшаго времени. Я старался не узнавать что происходитъ въ свѣтѣ, не читалъ даже вѣдомостей. Успокоенный духомъ, пользуясь совершенною независимостію и не имѣя ни какихъ заботъ (ибо мать моя опять вступила въ совершенное распоряженіе имѣніемъ), я съ наслажденіемъ предавался моей лѣни и праздности, которыя могутъ быть только пріятны послѣ сильныхъ душевныхъ волненій и тяжкихъ умственныхъ трудовъ. Тишина, меня окружавшая, благорастворенный воздухъ, тѣнь сада и рощъ, ослабляя во мнѣ даже способность мыслить, создавали мнѣ то матеріальное благосостояніе, которое испытываютъ выздоравливающіе послѣ жестокой болѣзни. Не на долго судьба дала мнѣ отпускъ отъ печалей жизни сей, на которыя, кажется, постоянно она осуждала меня. Онѣ ожидали меня слѣдующей зимой, и нынѣ въ старости не безъ стыда приступлю я къ изображенію ихъ въ слѣдующей главѣ.

VIII.

Въ концѣ Сентября узнали мы, что Австрія съ Юга и Швеція съ Сѣвера пристали къ великому союзу нашему противъ Наполеона; что послѣдняя на Нѣмецкій берегъ высадила уже войска свои, которыя прикрываютъ Берлинъ; что искусные и храбрые Французскіе генералы, Моро и Бернадотъ, находятся въ рядахъ нашихъ противъ поработеннаго отечества и, наконецъ, что военныя дѣйствія уже начались.

Опять съ новою силой запыхала еще неугасшая всеобщая Европейская война, въ которой всѣ народы, ея, должны были принять непосредственное участіе. О, неизгладимыя воспоминанія послѣдней гитгантской борьбы, въ которой все было велико,—и цѣль, и люди, и средства, и усилія, и чувства, кои оживляли царей и народы, вождей

и ратниковъ! Что нынѣ съ вами сравниться можетъ? Франція, которая билась на смерть, упорно защищая пріобрѣтенныя славу и могущество, Германія, съ отчаяннымъ мужествомъ подымающаяся изъ праха на завоеваніе своей независимости, Россія, идущая освободить народы, Англія, напрягающая всѣ силы для поддержанія союза, ибо въ изложеніи своего безсмертнаго противника видѣла единственное спасеніе своихъ всемірныхъ богатствъ,—вотъ зрѣлище, которое являлось тогда на сценѣ міра и которое въ продолженіе немногихъ мѣсяцевъ быстро стремилось къ развязкѣ чудной революціонной драмы. Кто изъ подвизавшихся въ сію великую эпоху можетъ вспомнить объ ней безъ восторга, особливо когда сравнить ее со скудностію и съ подлостію настоящаго? Страданія, конечно, были велики, язвы наносимыя народамъ глубокі, боль была живая, но утишаема, умѣряема высокими чувствами патріотизма и чести. Она ничего не имѣла общаго съ глухою болью, съ тоскою и ломотою, которыя нынѣ одолеваютъ составъ общественнаго тѣла и въ будущемъ предвѣщаютъ ему много золь. Тогдашнее общее волненіе въ отношеніи къ нынѣшнему мирному состоянію тоже самое, что быстрыя движенія сильнаго бойца къ судорожнымъ движеніямъ гальванизированнаго трупа. Но оставимъ настоящее: грустно смотрѣть на него!

Хотя, при открытіи сей новой кампаніи, первая попытка союзныхъ войскъ на Дрезденъ и весьма походила на пораженіе, но мы вдали едва могли это замѣтить, ибо оно въ тоже время было заглушено тремя побѣдами: кронъ-принца Шведскаго при Гросъ-Бееренѣ, Блюхера при Кацбахѣ и, наконецъ, одной Русской гвардіи при Кульмѣ, въ ущеліяхъ Богемскихъ. Отъ сей послѣдней мы всѣ были безъ памяти и ужасно какъ ею возгордились.

Одинъ изъ отличавшихся въ сію знаменитую войну находился тогда у насъ, среди нашего семейства: это былъ зять мой Алексѣевъ. Жена его, по недостаточному состоянію, долго жила въ Петербургѣ не могла; поручивъ Богу двухъ малолѣтнихъ сыновей и оставивъ ихъ въ Пажескомъ корпусѣ, еще въ Мартѣ мѣсяцѣ пріѣхала она къ намъ въ Пензу. Генераль же Алексѣевъ находился въ сраженіи при Люценѣ и получилъ сильную контузію въ ногу. Этотъ совершенно Русскій человѣкъ не умѣлъ какъ-то угодить возрастающему тогда въ могуществовѣ Нѣмцу Дибичу, имѣлъ нѣкоторыя непріятности и воспользовался заключеннымъ перемиріемъ, чтобы отпроситься домой, отдохнуть, полѣчиться и навѣстить жену и родныхъ. Съ Юлія мѣсяца жилъ онъ въ Пензѣ. Неблагорасположенные къ нему въ главной квартирѣ воспользовались его отсутствіемъ, чтобы вмѣсто какой-нибудь лестной награды испросить ему подарокъ въ десять тысячъ рублей, да Прус-

скій король далъ ему орденъ Краснаго Орла второй степени. Когда пришли къ намъ вѣсти о новыхъ Русскихъ побѣдахъ, сильно забилось въ немъ ретивое. Несмотря на неудовольствія, которыя онъ уже имѣлъ и которыхъ еще ожидать могъ, его такъ и позывало въ армію. Какъ ни старались его удержать, въ половинѣ Октября отправился онъ по пути къ Кіеву, а мы съ сестрой провожали его до Чембара.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Чембара, черезъ степныя и мало населенныя мѣста, находилась Зубриловка. Князь Феодоръ Голицынъ, которому селеніе сіе досталось по раздѣлу, на зиму съ семействомъ своимъ уединился въ немъ и, вѣрно скуки ради, меня убѣдительно приглашалъ навѣстить его. Пользуясь сосѣдствомъ, далъ я сестрѣ одной отправиться обратно въ Пензу; а самъ, не смотря на непріятности осеннихъ дорогъ и погоды, отправился къ нему.

Я пріѣхалъ поздно вечеромъ и нашелъ его вдвоемъ съ женой въ слабо освѣщенной комнатѣ нижняго этажа. Они умирали со скуки, и нѣтъ ничего удивительнаго, если пріѣздъ новаго лица, человѣка сколько-нибудь образованнаго, ихъ обрадовалъ. Тутъ только, могу сказать, познакомился я съ этою княгиней; въ Петербургской многолюдной ея гостиной, гдѣ на софѣ, какъ на тронѣ, предсѣдала она, это дѣло было невозможное; тамъ можно было довольствоваться отъ нея двумя-тремя словами, какъ отъ особъ царской фамиліи. Она имѣла всѣ свойства Европейскихъ аристократокъ прежняго времени: вмѣстѣ съ умомъ и добротою была холодна и надменна; дѣлалась любезна только съ короткими людьми. Такія женщины своимъ примѣромъ поддерживали лучшее общество, но въ провинціи онѣ не годились. Учивость безъ малѣйшей улыбки, которую княгиня Голицына оказывала сосѣдкамъ своимъ, имъ казалась обидною; и онѣ вмѣстѣ съ мужьями своими перестали тутъ показываться. Домашній весьма тѣсный кругъ, составленный изъ наемныхъ иностранцевъ и иностранокъ, былъ единственнымъ обществомъ знатной четы.

Но саженьяхъ въ семидесяти отъ ея жительства можно было еще иногда встрѣчать барынь, прежнихъ частыхъ посѣтительницъ Зубриловки. Тамъ, подлѣ церкви и близъ праха супруга, старая княгиня построила себѣ небольшіе деревянные хоромы, какъ внутри какъ и снаружи отличающіеся совершенною простотою, и въ нихъ поселилась, большія палаты предоставивъ сѣдящему на княжествѣ наслѣднику своему. Пока мы вечеромъ разговаривали, хозяинъ получилъ отъ матери маленькую записку, въ которой поручаетъ она ему пригласить меня на другой день къ ней обѣдать. Я во вдовствѣ еще не видалъ ея; хотя она пріѣзжала въ Пензу, но рѣдко кому показывала свѣтлое лицо свое. Не предвидя ничего для себя непріятнаго, безъ малѣйшей боязни по-

шелъ я къ ней. Она встрѣтила меня съ какою-то язвительною улыбкой, превративъ старинное, знакомое *ты* въ учтиво-укоризненное *вы*. Когда я усѣлся противъ нея, спросила она меня, часто ли я получаю письма отъ друга моего ***—на? Я отвѣчалъ, что имѣлъ сношенія съ нимъ по службѣ, но переписки никогда *). Тутъ пустилась она всячески поносить его и меня, утверждая, будто изъ подлости, изъ пустой надежды на покровительство Мордвинова (тогда не служащаго), рѣшился я попрать всё обязанности сына и пріятеля, не убоился оскорбить два семейства, коимъ злодѣйствовалъ ***, и тому подобное. Я призывалъ на помощь все достоинство свое, стараясь ей напомнить, что я уже не тотъ отрокъ, котораго знала она въ Казацкомъ, а едва ли не юноша, за-урядъ. Куда тебѣ! Глаза у нея засверкали, губы затряслись и, послѣ минутнаго молчанія, она вскрикнула: «Да знаешь ли, что ты у меня въ рукахъ? Знаешь ли что я могу съ тобою сдѣлать? Могу велѣть разложить тебя и высѣчь». Я вспомнилъ то, что слышалъ про подвиги ея молодости и обмеръ. Сынъ ея, мигая мнѣ глазомъ, бросился къ ней съ словами: «Полноте, матушка, вѣдь они давно съ братомъ помирились; дайте и вы ему вашу руку поцѣловать». Дѣлать было нечего, я подошелъ, а она то подавала, то отдергивала руку свою. Черезъ минуту пришли сказать, что обѣдъ готовъ; она встала, увѣряя, что меня не надобно за столъ пускать, а между тѣмъ сама повела къ нему и посадила подлѣ себя. За обѣдомъ повторяла, что мнѣ не надобно ѣсть давать, а всякаго кушанья сама накладывала мнѣ на тарелку. Такія взбалмошныя злы не бываютъ: это доказываетъ, что сердитыя женщины въ существѣ всегда предобрыя; только избави Богъ и отъ нихъ. Невѣстка была свидѣтельницей сей траги-комической сцены и отъ нея, конечно, не менѣе меня страдала: она вся была исполнена важности и приличія и вѣрно въ жизни ни разу не забывалась. Между ею и свекровью находилось какъ будто цѣлое столѣтіе; одна казалась боярыней временъ Елисаветы Петровны, другая—дамой двора Елисаветы Алексѣевны.

Вечеромъ объявилъ я любезному хозяину моему, что Зубриловка его становится страшна, опасна, и что на другой день, ранѣе поутру, намѣренъ я бѣжать изъ нея. Онъ увѣрялъ меня, что мать его опомнилась, въ отчаяніи отъ случившагося и хочетъ удвоенными ласками меня заставить забыть его. На безлюдьи Ѳома человекъ, готовъ я сказать, можетъ-быть, съ излишнею скромностію: оттого-то хозяева мои употребили всё убѣжденія, чтобы удержать меня долѣе, и я про-

*) Думала ли она, что ввукъ ея, сынъ князя Теодора, будетъ вѣкогда женатъ на дочери этого ***—на.

былъ цѣлую недѣлю въ добромъ согласіи съ обѣими княгинями. Грязь замерзала отъ сильныхъ утренниковъ, а днемъ солнце сіяло на чистомъ небѣ, и прогулки по рощамъ были не безъ пріятности.

Не прошло еще пяти лѣтъ какъ князь Ѳеодоръ былъ женатъ на пребогатой единственной дочери фельдмаршала князя Прозоровскаго; затѣи его не успѣли еще разстроить имѣніе, и раззореніе даже издали еще не грозило ему. Отъ великолѣбій двора по временамъ отдалялся онъ, чтобы мѣнять ихъ на пышности собственнаго великокняжскаго житья, которое намѣренъ былъ завести онъ въ отдаленномъ помѣстьѣ. Ему хотѣлось, чтобы замокъ его походилъ на Павловскій дворецъ; и средній и верхній этажъ его въ это время передѣлывались самымъ великолѣпнымъ образомъ, а самъ онъ покамѣсть помѣщался въ нижнемъ, который также съ большимъ вкусомъ и роскошью отдѣлялъ. Этого мало: огромный, красивый прудъ хотѣлъ онъ обратить въ широкую рѣчку; для открытія видовъ дѣлалъ просѣки и рубилъ славныя деревья въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ цѣнится золотомъ; однимъ словомъ, знатнымъ образомъ куралесилъ. Въ этомъ состояли его деревенскія занятія; княгиня занималась дѣтьми, чтеніемъ классическихъ авторовъ и изученіемъ древней исторіи; хозяйствомъ, кажется, никто. Право, жаль мнѣ было на все это смотрѣть.

Можетъ быть, читатель подивится терпѣливости моей въ отношеніи къ Голицынымъ. Чтобы оправдать себя передъ нимъ, долженъ я войти въ нѣкоторыя подробности, въ описаніе нѣкоторыхъ семейныхъ и провинціальныхъ сплетенъ, коими, можетъ быть, ему наскучу; но что дѣлать? Безъ этого я никакъ обойтись не могу.

Да вспомнить читатель стариннаго друга, потомъ недруга отца моего, Еѳима Петровича Чемесова; его уже не было на свѣтѣ; о немъ и о супругѣ его я много говорилъ, а о семействѣ его едва упомянулъ. Изъ трехъ меньшихъ дочерей его средняя, Марѳа, была некрасавица; но миловидность ея была лучше красоты. Ея черные, огня исполненные глаза и самая пріятная улыбка были отмѣнно привлекательны. Она хорошо умѣла воспользоваться воспитаніемъ, полученнымъ въ Екатерининскомъ институтѣ, со всѣми была отмѣнно любезна и умомъ превосходила все семейство свое. Честолюбивая тетка, Елисавета Петровна Леонтьева, которую также прошу не забывать и которая брата моего не допустила жениться на внучкѣ своей Ступишиной, имѣла на племянницу великіе виды. Не знаю по какому случаю были у нея давнишнія; короткія связи съ княгинею Варварой Васильевной Голицыной, и въ Пензѣ выдавала она себя за опекуншу трехъ маленькихъ сыновей ея, братьевъ губернатора. Она положила одного изъ нихъ непременно женить на Марѣѣ Чемесовой, и старшій, Павелъ, оказался болѣе другихъ къ

тому склоненъ. Такой женихъ право не могъ почитаться находкой; въ немъ не было ни крошечки ума, а тьма пороковъ. Лицомъ не совсѣмъ дуренъ, былъ онъ записной и несчастливый игрокъ, любилъ лишнее выпить и въ отношеніи къ женскому полу велъ жизнь самую развратную. Ни мысли, ни движенія благороднаго, а уже способностей никакихъ. Семейство его не было ослѣвлено на счетъ его недостатковъ, а со всѣмъ тѣмъ Голицынская гордость сильно возмутилась, когда изъяснилъ онъ желаніе соединиться бракомъ съ простою дворянкою. Сначала мать слышать не хотѣла, но какъ это было въ самый разгаръ войны, и молодой человекъ вступилъ въ ополченіе, то, дабы выиграть время, изъяснила она согласіе, съ условіемъ, чтобы свадьбѣ быть по заключеніи мира. А между тѣмъ женихъ такъ захворалъ, что все тѣло его покрылось злокачественными ранами, и вмѣсто арміи, среди зимы, долженъ былъ онъ ѣхать лѣчиться на Кавказъ.

Въ тоже время другое горе постигло Голицынскую семью: любимецъ княгини, Василій, почувствовалъ также необоримую склонность къ дѣвочкѣ, можно сказать сироткѣ, воспитывавшейся въ домѣ у брата его Григорія. Это уже было дѣло совсѣмъ нешуточное; моложе Павла четырьмя годами, Василій совсѣмъ былъ не чета старшему брату, во всемъ бралъ первенство передъ нимъ, и если взять въ соображеніе и чины, то и тутъ стоялъ выше его, будучи камеръ-юнкеромъ пятаго класса, когда тотъ находился въ десятомъ; въ самомъ обращеніи съ нимъ онъ какъ будто удостоивалъ его братствомъ. Хотя въ немъ не было ничего необыкновеннаго, но по мнѣнію матери и братьевъ, ему предстояло самое блестящее поприще, и также подобная женитьба ожидала его въ будущемъ. Война и это дѣло поправила: онъ вступилъ въ Пензенское ополченіе и отправился съ нимъ въ походъ.

Исторія красоты, къ ногамъ которой Василій Голицынъ надѣялся, по возвращеніи, бросить лавры свои, вѣроятно потому мнѣ кажется *занимательною*, что въ воспоминаніяхъ моихъ *занимаетъ* важное мѣсто. Лѣтъ двадцать тому назадъ, мнѣ бы еще пріятно было ее рассказывать, подъ перомъ моимъ ей бы конца не было; а нынѣ, да уснокоится читатель, мнѣ нетрудно будетъ ее сократить.

Дочь пребогатаго и презнатнаго Польскаго пана, князя Ксаверія Любомирскаго, Клементина, влюбилась въ шляхтича Петра Кротера, сына одного изъ управителей отцовскихъ имѣній, бѣжала съ нимъ и, противъ воли отца, съ нимъ обвѣнчалась. Жестокое наказаніе, какъ бы самимъ небомъ ниспосланное, было послѣдствіемъ сего дѣтскаго нечеповиновенія—преступленія, которое въ глазахъ моихъ извиняется силой любви. Отецъ никогда не хотѣлъ ее простить, лишилъ наслѣдства и выдѣлилъ ей только законную часть изъ имѣнія умершей матери.

Въ продолженіе немногихъ лѣтъ, неблагодарный мужъ, которому всѣмъ она пожертвовала, и который всѣмъ ей былъ обязанъ, успѣвъ присвоить себѣ все небольшое имущество ея, прогналъ ее и отнялъ у нея даже двухъ малолѣтнихъ дѣтей, дочь и сына. Лишившись всего, гдѣ было искать ей утѣшеній, если не тамъ, гдѣ всѣ несчастные находятъ его? Она нашла убѣжище въ женскомъ Кармелитскомъ монастырѣ, въ городѣ Дубнѣ, Волынской губерніи, и спустя нѣсколько времени въ немъ постриглась.

Во время предпоследней войны нашей съ Французами, когда наши Поляки не смѣли еще и думать, чтобъ имъ возможно было отдѣлиться отъ Россіи, Бѣлорусскій помѣщикъ Петръ Крогеръ вступилъ въ милицію, которою въ этомъ краю начальствовалъ князь Сергѣй Ѳеодоровичъ Голицынъ. Человѣкъ былъ онъ проворный, полюбился ему и припелся къ его свитѣ. Случись, что брошенная имъ жена находилась въ родствѣ, и весьма недалеко, съ невѣсткою князя, женою Григорія, урожденною Сологубъ. Сія послѣдняя, благочестивая и сострадательная, выпросила къ себѣ у Крогера несчастную дѣвочку, дочь его, которая не получала никакого воспитанія, и онъ отказать ей въ томъ не смѣлъ, а можетъ быть и радъ былъ освободиться отъ дочери, какъ отъ обременительной заботы.

Когда первый разъ увидѣлъ я въ Пензѣ эту дѣвочку, которую звали Теофила, ей было лѣтъ шестнадцать, но въ сужденіяхъ и разговорахъ она была еще совершенное дитя. Создавая ее на славу и украсивъ всѣми наружными прелестями, сама природа, видно, такъ залюбовалась своимъ произведеніемъ, что въ разсѣянности забыла ей дать многое, которое для женщинъ въ жизни бываетъ не излишнимъ. Тоже самое дѣлали и люди: пораженные ея очаровательною красотой, не думали справляться, подъ этою небесною оболочкой есть ли чувство и умъ? Просто какъ совершенствомъ творенія величайшаго изъ артистовъ, долго любовался я симъ цвѣткомъ, который все пышнѣе въ глазахъ моихъ распускался. Братья Голицыны всѣ до единого были люди весьма любострастные; но истинная любовь ни одному изъ нихъ не была извѣстна: семейства менѣ поэтическаго я не знавалъ. Васьлю полюбилась дѣвочка, препятствій желаніямъ своимъ онъ еще не встрѣчалъ, и потребовалъ дозволенія жениться на ней. Она же, безъ всякой особой къ нему склонности, охотно была на то согласна; но когда, послѣ отъѣзда его, запрещено было ей о томъ думать, она ни мало не огорчилась. Все это была семейная тайна, о которой я не имѣлъ никакого понятія, тогда какъ сватовство Павла на Чемесовой было извѣстно цѣлому городу.

Не надобно было полагаться на дѣйствіе времени, забвеніе, охлажденіе двухъ влюбленныхъ; нужно было воспользоваться ихъ отсутствіемъ, чтобы прискаты жениховъ для ихъ невѣстъ, а гдѣ ихъ было взять тогда? Губернаторъ Голицынъ подмѣтилъ необыкновенное удовольствіе, съ которымъ слушала я милый вздоръ изъ устъ ихъ воспитанницы, стала подозрѣвать чувство, котораго во мнѣ вовсе еще тогда не было, и ожидалъ его развитія, чтобы поощрить его; исторія съ ***—нымъ на время все это остановила.

Вскорѣ послѣ примиренія нашего, не могъ я не замѣтить, что какъ будто невзначай мнѣ случается часто оставаться наединѣ съ молоденькою красавицей, дозволяется дѣлать прогулки пѣшкомъ и въ коляскѣ за городъ съ нею и съ Нѣмкою, болѣе нянькою чѣмъ гувернанткою, что въ обращеніи со мною она сдѣлалась скромнѣе, что отъ малѣйшей похвалы, у меня вырывавшейся, она улыбается, краснѣетъ и потупляетъ глаза; эдакъ она мнѣ еще болѣе нравилась. Да что же? подумалъ я, почему бы мнѣ прелестною подругой не украсить жизнь мою, которая въ будущемъ является мнѣ столь одинокою и тоскливою? Я шутя началъ говорить о томъ матери моей; она сильно и гнѣвно возстала противъ намѣренія моего. Живши долго въ Варшавѣ, въ Люблинѣ, наконецъ въ Кіевѣ, имѣла она сильное предубѣжденіе противъ Полежь: всѣ онѣ кокетки, невѣрныя жены, твердила она. Я зналъ, что въ важныхъ случаяхъ воля ея бываетъ очень тверда и, дабы положить всему конецъ, рѣшился переѣхать въ наше Симбухино. Напрасно: препятствія раздражили меня; въ бездѣйствіи, въ уединеніи деревенской жизни воображеніе мое пуще воспламенилось, и все мелькало передо мною чудесный образъ; то, что едва зародилось въ сердцѣ, развилось въ головѣ. Тагъ-то, я думаю, почти и всегда бываетъ съ любовію.

Когда осенью воротился я въ Пензу, то эта была уже настоящая страсть. Описывать ее не буду, во первыхъ потому, что теперь не сумѣю, во вторыхъ потому, что какъ-то совѣстно въ нынѣшнія лѣта мои за это приниматься. Еслибы, паче чаянія, читатель захотѣлъ узнать о томъ, то пусть раскроетъ любой романъ: тамъ изображено все то, что я перечувствовалъ. Мнѣ кажется нынѣ, что это должно походить на сонъ, въ который погружаетъ опиумъ послѣ сильнаго его приема; въ опьяненіи, которое онъ производитъ, чувствуешь, говорятъ, неизъяснимыя муку и блаженство. Вообще, изо всѣхъ моихъ воспоминаній это одно, которое постоянно я отталкиваю. Любовь есть непрерывное самоотверженіе; но когда разгоряченное самолюбіе восторжествуетъ надъ ней, она становится ненавистна. Никогда еще въ жизни не игралъ я столь глупой роли; въ провинціяхъ всякій несчастный

любовникъ казался смѣшонъ, и я былъ баснею Пензы. А отъ чего я былъ несчастливъ? Оттого единственно, что былъ покорный сынъ.

Итакъ, любовь была причиною, истребившею во мнѣ духъ оппозиціи. На Голицына въ началѣ зимы, я никакъ жаловаться не могъ; онъ какъ нельзя болѣе былъ доволенъ моею покорностію и часто шутилъ со мною насчетъ моей страсти. Въ случаяхъ объясниться съ Теофилой у меня недостатка не было, но я не рѣшался; когда же сіе сдѣлалось противъ воли моей, она отвѣчала мнѣ глупою улыбкой, которую назвалъ я невинною и прелестною, и принялъ за согласіе. Вскорѣ потомъ все перемѣнилось. Въ Январѣ получилъ я наконецъ согласіе матери моей, и она поручила сестрѣ моей Алексѣевой сдѣлать формальное предложеніе Голицыну; онъ отвѣчалъ, что у воспитанницы его есть отецъ, который одинъ можетъ располагать ея судьбою, что онъ въ концѣ Марта долженъ пріѣхать въ Пензу, слѣдственно переписка объ этомъ предметѣ будетъ напрасна, а что, по пріѣздѣ его, онъ самъ беретъ быть моимъ сватомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ онъ сестру мою, чтобъ она убѣдила меня воздерживаться отъ прежней короткости съ невѣстою; ибо дѣло, становясь серіознымъ и будучи не рѣшеннымъ, должно оставаться тайною, иначе было бы неприлично въ глазахъ публики. Пензенской публики! Я какъ дуракъ повѣрилъ, и два два или три былъ совершенно счастливъ.

Вдругъ увидѣлъ я, что моя возлюбленная совсѣмъ отъ меня отворачивается и всегда такъ окружена, что нѣтъ для меня возможности лишняго слова съ нею молвить. Я подумалъ сперва, что это какой-нибудь брачный этикетъ, мнѣ вовсе неизвѣстный, но вскорѣ потомъ со всѣхъ сторонъ начали обращаться ко мнѣ съ вопросомъ: «скажите, правда ли, что вы сватались, и вамъ отказали?» Легкомысленный и нескромный Голицынъ двумъ или тремъ знакомымъ успѣлъ рассказать, что онъ лучше отъ меня отдѣлаться не умѣлъ, какъ выдумать пріѣздъ Крюгера. Мнѣ показалось, что все это было сдѣлано съ намѣреніемъ меня одурачить. Мое положеніе сдѣлалось ужаснымъ: я кипѣлъ досадою и не смѣлъ показывать ее; это значило бы навсегда проститься съ надеждою, которая одна только живила меня тогда. Я не прервалъ знакомства съ домомъ губернатора, но когда, разговаривая съ нимъ, выжималъ на уста улыбку, глаза мои горѣли негодованіемъ. Замѣтивъ это, разъ опуская голосъ, такъ чтобы окружающіе не слышали его, сказалъ онъ мнѣ: «пожалуста ничему не вѣрьте, имѣйте только маленькое терпѣніе, мы всѣмъ этимъ дѣломъ поладимъ».

Вотъ что было причиною этой внезапной перемѣны. Осенью пришли слухи, что Павелъ Голицынъ умеръ на Кавказѣ; онъ дѣйствительно умиралъ, но ожилъ, и здоровый въ Декабрѣ явился къ матери

въ Зубриловку; тамъ наложили на него сеявстръ и въ Пензу не пу-
стиди. Въ это же время губернаторша Голицына съ цѣлымъ семей-
ствомъ, ѣдила навѣстить свекровь; прїѣзжій нашелъ, что дѣвица Бро-
геръ выросла, похорошѣла и сказала, что она ему очень приглянулась.
Тогда между членами этого семейства родилась новая комбинація.
«Нѣтъ Германской принцессы, руки которой бы братъ Василій не
былъ достоинъ, но для глупаго, пьянаго, гнилаго Павла, чего же луч-
ше?—красотка, какъ бы уже принадлежащая къ семейству и по матери
въ родствѣ со всею Польскою знатью. Состояніе, правда, весьма не-
большое; но для человѣка, котораго нельзя показать въ столицѣ и
его будетъ достаточно; главное же, чтобы свастись отъ Пензенскаго
родства и однимъ махомъ сдѣлать два удара». Тогда, кажется, поло-
жено бросить веденную на меня атаку, а напротивъ, поставить себя
въ оборонительное состояніе. Не понимаю, отчего нескоро послѣдо-
вало исполненіе общаго приговора. Она все дѣлала по приказу: не
было ни мыслей, ни чувствъ, ни воли въ этомъ жалкомъ, прекрасномъ
созданіи, а онъ всегда былъ существо самое безхарактерное, неосно-
вательное.

Спѣшу кончить романъ сей, котораго я былъ весьма не блестя-
щій ирой, съ тѣмъ чтобы впередъ никогда о немъ не поминать. Когда
уже меня не было въ Пензѣ, ровно черезъ годъ послѣ предложенія
моего, совершился ненавистный мнѣ бракъ. Василій Голицынъ возвра-
тился почти наканунѣ свадьбы; братья не поссорились; я повторяю:
они не знали истинной любви. Чтò касается до меня, то нескоро могъ
я забыть близость недостижимаго блаженства. Бывало, когда случится
мнѣ сдѣлать доброе дѣло, или сердце мое исполнится состраданія къ
несчастію ближняго, или внезапно чувство набожности наполнить душу
мою,—въ эти рѣдкія и прекрасныя минуты жизни моей, бывало, всегда
посѣтитъ меня нѣжный образъ Теофилы и напомнитъ мнѣ время чи-
стѣйшей любви. Но, наконецъ, призракъ исчезъ навсегда. Увы, за-
чѣмъ увидѣлъ я ее вдовою, лѣтъ черезъ двадцать послѣ ея замуже-
ства! Еслибы, по крайней мѣрѣ, и станъ и черты ея вовсе измѣнились,
я бы могъ еще увѣрить себя, что вижу совсѣмъ иную женщину; но
нѣтъ, почти все то же, а со всѣмъ тѣмъ! какъ сказать мнѣ?... Въ
прекрасной Теофилѣ, или Теофилѣ, увидѣлъ я настоящую Фефелу.
Займствуя выраженіе у Французовъ скажу, что я нашелъ въ ней
горькую дуру.

Извѣстіе о знаменитой Лейпцигской битвѣ, самой рѣшительной
изъ всѣхъ бывшихъ въ эту войну, получено у насъ въ половинѣ Но-
ября. Со всѣхъ концовъ Европы собрались тутъ сражающіеся: съ
четырехъ сторонъ, четыре арміи устремились на одинъ пунктъ сей,

защищаемый Наполеономъ. Французы приписываютъ потерю этого сраженія какому-то капралу, который успѣшилъ взорвать мостъ и чрезъ то предалъ бѣгущихъ въ руки непріятеля; да вѣдь надобно же было напередъ, чтобъ они обращены были въ бѣгство. Тутъ нельзя уже было ввалить вину на морозы, а очевидцы увѣряютъ, что послѣ того ретирада ихъ совершенно походила на прошлогоднее бѣгство изъ подъ Краснаго. Кажется, Французы взяли девизомъ: побѣдить непріятеля или бѣгомъ бѣжать отъ него; надобно отдать имъ справедливость, они великіе мастера бороться съ истиной. Съ другой стороны, Нѣмцы въ этомъ дѣлѣ и понынѣ почитаютъ себя единственными побѣдителями, забывая, что съ ними вмѣстѣ сражалась вся огромная Русская армія, сражались Шведы, Венгры, Славяне по всѣмъ наименованіямъ, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Башкиры и Татары. И кто былъ душою, двигателемъ, можно сказать, главою этого безчисленнаго сборища, между которымъ такъ трудно было сохранить согласіе? Кто поставилъ на ноги Прусскаго короля? Кто вытаскилъ на поприще великихъ событій самого мирнаго Австрійскаго императора? Кто, если не нашъ молодой Агамемнонъ, какъ въ стихахъ назвалъ его Жуковскій, если не тотъ, надъ которымъ въ этотъ день и въ послѣдующіе за нимъ мѣсяцы видимо сіяла благодать небесная?

У насъ въ провинціяхъ отъ этой вѣсти и отъ многихъ другихъ, быстро одна за другою получааемыхъ, только-что съ ума не сопли отъ радости. Давно ли, кажется, дрались наши на берегахъ Москвы-рѣки, и вотъ уже они на Рейнѣ и, въ свою очередь, Франція угрожается нашествіемъ иноплеменныхъ! Если Наполеонъ не совсѣмъ рехнулся, онъ успѣшитъ заключить миръ. И въ этихъ провинціальныхъ сужденіяхъ, право, было болѣе благоразумія, чѣмъ въ его тогдашнихъ дѣйствіяхъ. Особенно нашимъ Пензенскимъ пріятно было узнать, что ихъ ополченіе участвовало въ славной битвѣ, и что изъ ихъ родныхъ никто въ немъ не погибъ. Ополченіе это, принадлежавшее къ арміи Беннгсена, направлено было потомъ къ Гамбургу, а малая часть его причислена къ гарнизону, занявшему Дрезденъ.

Все располагало моихъ дворянъ къ веселостямъ; но въ предшествующемъ году они крѣпко поиздержались, а безъ денегъ какъ можно веселиться? Не смотря на то, къ Рождеству, откуда взялись наши помѣщики: изъ всѣхъ уѣздовъ понаѣхали, и пошла потѣха! Отъ самаго Рождества вплоть до послѣдняго дня масленицы, только два дня были безъ пляски; въ томъ числѣ одинъ сочельникъ. Весело проживался Голицынъ и другихъ въ мотовство умѣлъ втягивать. Изъ Зубриловки, по его вызову, пріѣхалъ и братъ его, князь Феодоръ съ супругой сво-

ею; но она ни съ кѣмъ почти не говорила, ни на что не хотѣла смотрѣть и вскорѣ потомъ уѣхала.

Что я дѣлалъ въ это время общаго сумасброднаго разгуля? То же, но иначе,—сумасбродствовалъ! Я ничего не вѣдалъ о замышляемыхъ бракахъ Василія и Павла Голицыныхъ, никакъ не подозрѣвалъ, что Теофила невѣста трехъ жениховъ, и все еще предавался слабой надеждѣ. Она въ такихъ случаяхъ настоящее зло и похожа на продолжительныя предсмертныя страданія, когда человѣкъ невольно хватается за жизнь; скорое ея пресѣченіе дѣлается тогда счастьемъ. Еслибы не глупая страсть, я, кажется, всю эту зиму плавалъ бы въ радостныхъ восторгахъ: Россія наша вездѣ торжествовала! Но что дѣлать? Никогда еще судьба не дала мнѣ вполне насладиться удовольствіями жизни, и въ розы, которыми изрѣдка украшала ее, всегда вплетала самыя колючія тернія.

IX.

Прошла зима, первые мѣсяцы 1814 года; наступила Русская весна, Мартовская великопостная оттепель; все возвѣщало скорое появленіе жизни. Но праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, въ самомъ концѣ Марта, встрѣтили мы невесело: воротилась стужа съ вѣтрами, метелями и непогодю. Къ тому же и самыя извѣстія изъ армии почитали мы неудовлетворительными,—мы, уже избалованные постоянными и быстрыми успѣхами. Казалось, что союзная армія разгуливаетъ по Франціи, напрягая всѣ силы, чтобы гдѣ нибудь прорваться къ Парижу, но что вездѣ, гдѣ только встрѣтится ей Самъ, всюду покажетъ еще себя прежнимъ, несокрушимымъ Наполеономъ. Такъ было гораздо за половину Апрѣля мѣсяца.

Въ это время создалъ я себѣ новую забаву, вовсе непохвальную: я золь былъ на все человѣчество, и кого бы ни было сердить, огорчать сдѣлалось для меня наслажденіемъ. Я избѣгалъ сосланныхъ Французовъ, Радольфа и Магера, а еще болѣе плѣнныхъ; тутъ началъ я сближаться съ ними, ихъ посѣщать и принимать у себя. Ни Рыщевской, ни сестры ея Четвертинской, ни котораго изъ Поляковъ и даже изъ Москвичей, которые съ ними были знакомы, давно уже не было, а въ нашихъ случайный патріотизмъ не успѣлъ еще довольно простыть, чтобы съ ними водиться. До-русски ни одинъ изъ нихъ не зналъ ни слова, иностранныхъ газетъ, мы не получали; откуда было имъ знать что происходитъ въ мірѣ, и я былъ для нихъ газетой. Особенно примѣчательнъ, былъ плѣнный полковникъ Пюнь, который молодымъ солдатомъ, съ молодымъ генераломъ Бонапарте, воевалъ еще въ Египтѣ, былъ имъ замѣченъ, отдиченъ, всегда лично ему извѣстенъ и

находился потомъ во всѣхъ съ нимъ кампаніяхъ. Другіе плѣнные также говорили о Наполеонѣ съ восхищеніемъ, но въ этомъ преданность доходила до изувѣрства, и я увидѣлъ, какъ человекъ изъ другаго чело-вѣка можетъ сотворить себѣ Бога. Я всегда спѣшилъ возвращать ему наши успѣхи, а онъ бѣсился и отвергалъ истину моихъ словъ.

— Вѣдь это не мое, а напечатано въ вѣдомостяхъ.

— Да ваши газеты лгутъ, также какъ и наши.

— Можетъ быть, и я готовъ согласиться, что Французы вездѣ бьютъ Русскихъ, отвѣчалъ я; только странно, что подъ ихъ ударами они все идутъ впередъ отъ Москвы до Рейна и далѣе.

Онъ пересталъ со мною видѣться и другимъ заказалъ. Но нѣтъ, любопытство его проняло, и онъ опять ко мнѣ явился. Я заговорилъ съ нимъ о дѣлахъ совсѣмъ постороннихъ войнъ; онъ вѣрно подумалъ, что мнѣ нечѣмъ передъ нимъ похвастаться, и рѣшилъ меня спросить. «Я ничего не скажу вамъ: вы мнѣ не вѣрите, все сердитесь, а мнѣ совсѣмъ не хочется васъ печалить», и такимъ образомъ заставлялъ его умолять меня о вѣстяхъ, а я съ нѣкоторою прикраскою ихъ общалъ ему. Бѣдняжка! Нынѣ, право, мнѣ жаль его.

Въ концѣ Апрѣля, помнится 28-го числа, на безоблачномъ небѣ запылало вновь яркое солнце. Въ этотъ же день какой-то пріѣзжій или проѣзжій изъ Петербурга кому-то сказалъ, что Парижъ взятъ штурмомъ и, подобно Москвѣ, другой день какъ горитъ: вѣрно ему этого хотѣлось. Побѣда! Торжество! Но не такое, какого бы я желалъ. Для другихъ было все равно, и радостная вѣсть изъ устъ въ уста вездѣ разнеслась. На другой день къ вечеру, съ присланнымъ отъ министерства курьеромъ, получилъ губернаторъ предписаніе распорядиться о совершеніи благодарственнаго молебствія по случаю сего чрезвычайно-важнаго событія. Къ предписанію приложены были два печатныхъ листочка. Въ одномъ находилось извѣстіе, что Парижъ сданъ на капитуляцію, послѣ сраженія, бывшаго подъ стѣнами его, и что Русскій генералъ Сагенъ назначенъ военнымъ его губернаторомъ. Въ другомъ было объявленіе Парижу и Франціи, что союзные монархи болѣе не намѣрены входить въ какія-либо условія съ Наполеономъ и членами его семейства: оно подписано однимъ только Александромъ, котораго имя гремѣло тогда во всѣхъ концахъ міра, и скрѣплено Несельродомъ, коего имя и въ Россіи тогда было вовсе неизвѣстно. Дальнѣйшихъ подробностей мы не могли еще имѣть; но и этого было довольно и гораздо лучше слуховъ, пришедшихъ намануѣ.

Вотъ тутъ-то Россія заликовала и, правду сказать, было чѣмъ возгордиться! Чтò бы ни говорили Нѣмцы, все главное дѣло сдѣлано Русскимъ царемъ и Русскимъ войскомъ; тѣ, которые, полтора года

передъ тѣмъ по Владимирской дорогѣ отступали къ Клязьмѣ, готовы были потянуться къ Лоарѣ.

Губернаторъ хорошо сдѣлалъ, что на нѣсколько дней отложилъ молебствіе, дабы побольше дворянъ могли къ нему съѣхаться, и черезъ то придавъ ему былъ видъ болѣе торжественный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось, чтобы дакъ былъ великолѣпный пиръ, обѣдъ и балъ; это уже было неумѣстно. Съѣхавшіеся помѣщики на радостяхъ изъ кошельковъ и шкатулокъ потащили послѣднее; кто-то указалъ имъ на средство сдѣлать лучшее употребленіе изъ значительной суммы ими собранной. Отдѣливъ нѣкоторую часть на какое-нибудь простонародное увеселеніе, все остальное должно было принадлежать вдовамъ и сиротамъ, инвалидамъ, увѣчнымъ, страдающимъ, нищимъ, такъ что въ этотъ памятный день не оставалось въ городѣ ни одного человѣка, который не ощутилъ бы радости. Въ эти дни я опять было полюбилъ Пензу: я не слыхалъ ни одной хвастливой рѣчи, а всѣ казались исполнены трогательнаго умиленія и благодарности какъ къ небесному, такъ и земному Создателю ихъ благъ.

Въ Воскресенье 3 Мая, день именинъ и рожденія матери моей, у насъ въ домѣ былъ семейный, а въ городѣ общественный праздникъ. Въ этотъ день мать моя была почти весела, и я почти забылъ сердечное свое горе. Поутру соборный храмъ не могъ вмѣстить въ себѣ стекшагося народа, и онъ густыми толпами тѣснился вокругъ него, и всѣ мы съ восторгомъ внимали побѣдную пѣснь, поющимъ. Купцы и откупщикъ угощали потомъ народъ пивомъ, водкой и пирогами.

Между губернаторскимъ домомъ и соборомъ былъ просторный, пустой квадратъ, который, Голицыны засадили березами, и на нихъ, какъ нарочно, къ этому дню распустились листья; на этомъ мѣстѣ сочинили кой-какую иллюминацію. Въ серединѣ горѣла щитъ, на которомъ выставлены были слова: Парижъ, 19 Марта, и вензелевое имя Государя, и онъ окруженъ былъ рамкой изъ разноцвѣтныхъ ставанчиковъ, разумѣется, раскрашенныхъ. Вечеромъ, въ этомъ небольшомъ пространствѣ вся Пенза старалась умѣститься. Поодаль, въ темнотѣ, замѣтилъ я Французскихъ плѣнныхъ, ласково подошелъ къ нимъ, но не утерпѣлъ, чтобы, указывая на щитъ, не спросить Пюна, все ли онъ еще сомнѣвается. «Вы можете правъ, отвѣчалъ онъ, а я все-таки не могу повѣрить». Я улыбнулся и вспомнилъ Чванкину въ *Хвастуннѣ*, комедіи Княжнина: «знаю, да не вѣрю», также говорить она.

Надобно призадаться, что и намъ едва вѣрилось; все то, что прочитали мы въ полученныхъ на другой день газетахъ, казалось обворожительнымъ сномъ. Какъ? Бурбоны провозглашены, и Наполеонъ изъясняетъ согласіе отказаться отъ престола! Да это конецъ революціи, конецъ

всѣмъ бѣдствіямъ. Миръ мірови дарованъ, и источникомъ благоденствія Европы, будущаго ея спокойствія все-таки останется наша Россія. О, какъ попраля Господь гордыню народовъ западныхъ, и какъ высоко вознесъ Онъ наше смиреніе!

Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ я находиться на другомъ празднествѣ, хотя частномъ, но болѣе великолѣпномъ. Зимой, изъ Петербурга, къ Θεодору Голицыну пріѣхалъ погостить Рибопьеръ, другъ его и родственникъ по женѣ, урожденной Потемкиной, со всѣмъ семействомъ. Послѣ Парижскихъ извѣстій, кому была охота оставаться въ глуши! Всѣ спѣшили показаться на свѣтъ и, на прощанье съ Зубриловкой, князю Θεодору хотѣлось задать огромный пиръ; для того избралъ онъ день рожденія Рибопьера, 13 Мая. Онъ какъ можно болѣе разослалъ пригласительныхъ грамотъ, и я получилъ собственноручную записку отъ самой княгини. Мнѣ бы не ѣхать; но губернаторъ отправлялся туда на все лѣто со всѣмъ семействомъ своимъ, и мнѣ хотѣлось хоть бы еще поглядѣть на нее.

Пиръ былъ пребогатый, только не гостями: изъ приглашенныхъ немногіе на него пріѣхали. Наши дворяне начинали уже чувствовать чѣмъ обязаны своему, начинали уже считаться съ боярами. Однакоже челоуѣкъ до пятидесяти было за обѣдомъ; въ томъ числѣ изъ сосѣднихъ уѣздныхъ городовъ нѣсколько плѣнныхъ Французскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, полагая, что Россія раздѣлена на мелкія княжества, также какъ Германія, въ которой онъ воевалъ, почиталъ себя въ гостяхъ у владѣтельнаго герцога и весьма искренно поздравлялъ меня съ особою милостію, которою, по замѣчаніямъ его, я пользуюсь у его свѣтлости; я не оставилъ этимъ потѣнить добраго и чваннаго нашего хозяина. Вечеромъ, на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ горѣли смоляныя бочки; вся роща была освѣщена площадками, и по ней въ разныхъ мѣстахъ раздавались пѣсни разныхъ народовъ Европейскихъ: тамъ были Русскіе пѣсельники, коихъ нетрудно было найти; тамъ труппы Тирольцевъ, Итальянцевъ, Славянъ и другихъ, все набранные изъ плѣнныхъ солдатъ разнородной разрушенной Наполеоновои арміи. На считахъ въ одномъ мѣстѣ видно было 19 Марта, въ другомъ 13 Мая: свобода Европы и рожденіе Рибопьера. Когда онъ былъ моимъ начальникомъ (онъ оставилъ уже должность свою въ Министерствѣ Финансовъ), держалъ онъ себя такъ высоко, что мнѣ трудно было коротко узнать его; тутъ же въ Зубриловкѣ, гдѣ послѣ празднества еще оставался я нѣсколько дней, могъ я измѣрить всю пучину его ничтожества.

Возвратясь въ Пензу, пошли у насъ совѣты, что мнѣ изъ себя сдѣлать? Я въ службѣ себя болѣе не почиталъ: по поступленіи въ

Пензенскій комитетъ, для пожертвованій, просилъ я министерство уволить меня изъ онаго вовсе, а получилъ увольненіе, вѣрно по ошибкѣ, для продолженія занятій по сказанному комитету, и это недоразумѣніе въ послѣдствіи было для меня весьма полезно. Мать моя, тайно, радуясь моимъ любовнымъ неудачамъ, весьма желала, чтобы для развѣченія оставилъ я Пензу; но я, сколько могъ, тому противился. Она доказала мнѣ, наконецъ, сколь несбыточны мои мечты, и самого заставила желать удалиться.

Но меня въ сторону, и нѣсколько словъ о моихъ военныхъ родныхъ. Зять мой, Алексѣевъ, никакъ не могъ догнать арміи, которая двинулась изъ Лейпцига прежде, чѣмъ выѣхалъ онъ изъ Пензы. Путемъ-дорогой остановился онъ въ Дрезденѣ, у царствующаго тогда въ Саксоніи князя Репнина, и съ нимъ нѣкоторое время пропировалъ, до чего оба были великіе охотники. Являсь въ армію, находился при осадѣ Метца и вскорѣ тамъ узналъ о взятіи Парижа, куда поспѣшно и отправился; слѣдственно, прокатался даромъ. Братъ же мой Павелъ въ началѣ 1813 года назначенъ былъ комендантомъ Варшавскаго извѣстнаго укрѣпленія Праги, а потомъ опять находился въ арміи, гдѣ въ сраженіяхъ, вѣроятно, успѣлъ отличиться: ибо во время двухъ кампаній получилъ двѣ шпаги, Аннинскую и золотую за храбрость, Владимирскій крестъ съ бантомъ, Аннинскій на шею, да Прусскій Пуръ-ле-Меритъ и Французскій Почетнаго Легіона въ петлицу и, наконецъ, чинъ полковника. Отъ обоихъ получили мы радостныя, веселыя письма изъ Парижа.

Конечно, и холодный Петербургъ ощутилъ восторги не менѣе чѣмъ у насъ въ провинціяхъ. Тамъ начали готовиться къ торжественной встрѣчѣ миротворца-побѣдителя. Совѣтъ, Сенатъ и Синодъ, въ совокупности, опредѣлили поднести ему титулъ «Благословеннаго»; два верховныхъ государственныхъ сановника, должны были ѣхать ему на встрѣчу съ поздравленіемъ и изъявленіемъ вѣрноподданнической благодарности и, наконецъ, для саго же предмета вызваны въ Петербургъ изъ всѣхъ губерній депутаты отъ дворянства. Все это весьма милостиво и кротко онъ однакоже отвергъ. Чтò побудило его къ тому? По усилившейся въ немъ набожности, можетъ быть, желалъ онъ только награды небесныхъ и пренебрегалъ величіемъ мірскимъ? Или, не смотря на нее и на мнимый свой либерализмъ, среди успѣховъ своихъ, помнилъ еще зло и никакихъ почестей не хотѣлъ принимать отъ подданныхъ? Гордость ли или смиреніе заставили его сіе сдѣлать? Это одному Богу извѣстно.

Ничего о томъ не зная, у насъ въ Пензѣ, дополо половины Юня, дворянство, чрезъ губернскаго предводителя, сдѣлало мнѣ приглашеніе

отправиться въ Петербургъ, чтобы тамъ вмѣстѣ съ генераль-майоромъ Сергѣемъ Адамовичемъ Олсуфьевымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Платономъ Богдановичемъ Огаревымъ, сыномъ не разъ реченнаго мною Богдана Ильича, составить отъ него депутацію къ Царю. Предложеніе было слишкомъ лестно, чтобы отказать отъ него. Я готовъ былъ это сдѣлать подѣломъ, что, исключая подорожной безъ пошлякъ, дворянство не соглашается ничего мнѣ дать на путевыя издержки; но мать моя объявила, что въ этомъ случаѣ замѣнить она дворянство. И такъ дѣло рѣшено; я опять ѣду въ Петербургъ и опять дѣлаюсь искателемъ фортуны.

Между тѣмъ мать моя и сама дѣлала сборы къ отъѣзду: она хотѣла съ двумя дочерьми ѣхать въ Кіевъ, чтобы поглотиться тамъ святымъ угодникамъ и взглянуть еще на мѣсто, гдѣ провела столько счастливыхъ дней. Третья сестра, Алексѣева, должна была ей сопутствовать, дабы изъ Кіева отправиться навстрѣчу къ мужу. Отслуживъ молебень 23 Іюня, благословясь пустились онѣ въ путь. Я остался совершенно одинъ; не было для меня ни малѣйшей причины длить мое пребываніе въ Пензѣ, но начиналась ярмарка, и она послужила мнѣ предлогомъ пребыть въ ней еще нѣсколько дней.

Въ Москву дотолѣ обыкновенно ѣзжалъ я по Владимирской дорогѣ, на этотъ разъ захотѣлось мнѣ испытать ѣзду по Рязанской, которая была нѣсколько длиннѣе, но за то, говорили, гораздо лучше и покойнѣе. Чтобы укоротить ее, я задумалъ ѣхать не на Чембарь, а проселочными дорогами на Зубриловку: разницы было всего верстъ двадцать или тридцать; но да позволено мнѣ будетъ не сказать здѣсь, почему я предпочелъ ее. Въ день Сергія чудотворца, 5 Іюля, выѣхалъ я, наконецъ, изъ Пензы.

Въ Зубриловкѣ царствовала совершенная пустота: въ ней напелъ я одного Павла Голицына, котораго никакъ еще не думалъ подозрѣвать въ соперничествѣ. Старая княгиня, такъ же какъ и мать моя, уѣхала на богомолье въ Кіевъ и для свиданія съ сестрой своей Браницкой. Князь Феодоръ со всѣмъ дворомъ своимъ отправился въ подмосковную, въ Петербургъ или въ чужія края: въ день отъѣзда своего онъ еще навѣрное не зналъ. Оставшійся въ Зубриловкѣ единственный членъ Голицынской фамилии, не знаю почему, отказался ѣхать со мной до селенія Магарова, въ десяти верстахъ отъ нея лежащаго. Оно принадлежало брату его, нашему губернатору, который съ семействомъ своимъ на все лѣто тамъ находился. Оно было на самой дорогѣ, пролегающей оттуда въ Тамбовъ, и объѣхать его было бы странно. Вотъ тутъ-то посмотрѣлся я его княжескихъ проказъ. Хороши деревянные, не вѣсьма большіе, но которые стоили очень дорого, ибо безпрестанно

перестраивались, прислонены были къ хорошенькой рошицѣ и были мѣстомъ жительства владѣльца. Маленькій дворъ, составленный изъ увезенныхъ имъ писцовъ губернаторской канцеляріи, одѣтъ былъ единообразно, въ казачьи кафтаны сѣраго цвѣта изъ холщевой матеріи съ синимъ холстиннымъ стоячимъ воротникомъ, на которомъ бѣлыми нитками было вышито слово *Макарово*; потомъ дворня, раздѣленная на три класса, изъ коихъ каждый отличался цвѣтомъ жилета; по праздникамъ производство въ сіи классы и допущеніе къ цѣлованію руки; лакейскіе балы, въ которыхъ, исключая князя и княгини, должна была еще принимать участіе и самая мелочь изъ сосѣднихъ дворянъ, и на которыхъ, вмѣсто лакомства, подавались брусника и моченныя яблоки, — и многое множество другихъ нелѣпостей. Все это было странно, смѣшно, но въ расположеніи духа, въ которомъ я находился, мнѣ совсѣмъ не казалось забавно. Я далъ слово читателю не докучать ему болѣе моимъ любовнымъ вздыхательствомъ, и потому скажу только, что тяжело мнѣ было оставаться нѣсколько дней въ этомъ Макаровѣ, а можетъ быть еще тяжелѣе было разстаться съ нимъ.

Проѣхавъ оттуда верстъ пятьдесятъ по дорогѣ ведущей въ Тамбовъ, въ какомъ-то бѣшенномъ отчаяніи пріѣхалъ я въ селеніе Оржевку, Кирсановскаго уѣзда, и тамъ остановился. Другаго названія не умѣю дать Оржевкѣ; мѣстечекъ у насъ въ Россіи нѣтъ, а пригородомъ или посадомъ нельзя назвать нѣсколько деревень, собранныхъ вмѣстѣ на большомъ пространствѣ, на которомъ живутъ сорокъ помѣщиковъ, изъ коихъ десять или двѣнадцать весьма зажиточныхъ и даже довольно богатыхъ. Въ числѣ ихъ была у меня тамъ одна родственница, которую давно обѣщалъ я посѣтить. Кто изъ читателей моихъ вспомнитъ чудака Ѳедора Михайловича Мартынова, двоюроднаго брата матери моей, тому скажу я, что у него былъ братъ Дмитрій Михайловичъ, уже умершій, который оставилъ по себѣ вдову Елисавету Петровну, урожденную Сабурову, и что къ ней я заѣхалъ. Ничего не могло быть добродушнѣе ея самой и многочисленнаго ея семейства; у нея было четыре молодца сына, всѣ въ отставкѣ, и четыре красотки дочери, всѣ невѣсты. Обо всѣхъ ихъ ничего не скажу, что бы могло походить на осужденіе или насмѣшку; все что можно сказать въ похвалу ихъ сердца и наружности, я сказалъ, и сего довольно.

Уѣздное любопытство гораздо сильнѣе губернскаго, но и оно ничто въ сравненіи съ деревенскимъ. Лишь только узнали, что къ Мартыновой пріѣхалъ гость, наѣхали сосѣди и осыпали меня приглашеніями на обѣды и вечера; отъ нѣкоторыхъ умѣлъ я отдѣлаться, но не ото всѣхъ; и такъ дня три-четыре пришлось мнѣ тутъ остаться. Все такъ быстро измѣняется у насъ въ Россіи, что, по теченіи двадца-

ти пяти лѣтъ, наше старинное дворянское житіе въ помѣстьяхъ, даже у меня, видѣвшаго его, осталось въ памяти какъ сонъ; на яву же ни я, нынѣ, и вѣрно, никто его уже не узритъ. И потому я счелъ излишнимъ дать здѣсь о немъ нѣкоторое понятіе. Весьма немногіе изъ помѣщиковъ занимались тогда сельскимъ хозяйствомъ, хлѣбопашествомъ; осеннее время было для нихъ лучшее въ году: они могли гоняться за зайцами; карты не были еще въ такомъ всеобщемъ употребленіи какъ нынѣ. Ихъ жизнь была совершенно праздная, однакоже они не скущали, безпрестанно посѣщая другъ друга, пируя вмѣстѣ. За обѣдомъ и по вечерамъ шли у нихъ растабары о всякой всячинѣ; они шутили не весьма приличнымъ образомъ, подтрунивали другъ надъ другомъ въ глаза и весело выслушивали насмѣшки, въ отсутствіи вступая за каждаго, однимъ словомъ, въ образѣ жизни приближались къ низшему сословію. Барыни и барышни занимались нарядами, а когда съѣзжались вмѣстѣ, то маленькимъ злословіемъ и сплетнями, точно такъ же какъ въ небольшихъ городахъ.

Оржевка, будучи ни городъ, ни деревня, имѣла пріятности и неудобства обоихъ. Не сказываться дома не было возможности, а ежедневнымъ посѣтелямъ конца не бывало. Дѣвицы не позволяли себѣ не только привозить съ собою рукодѣлье; но даже заниматься имъ въ присутствіи гостей. Шутихи, дураки, которые были принадлежностью каждаго довольно богатаго дворянина, также много способствовали къ увеселенію особъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ. Такое житіе для человѣка съ просвѣщеннымъ разсудкомъ, конечно, должно было казаться мѣкою; но у меня его тогда не было, и оно мнѣ полюбилось. Беззаботность, веселое простодушіе этихъ владѣльцевъ, безтрепетность ихъ слугъ, которые смѣло разговаривали съ ними, даже во время обѣда, стоя за ихъ стуломъ,—вся эта патріархальность нравовъ дѣйствительно имѣла въ себѣ что-то привлекательное. Къ тому же, въ это время, нѣкоторыми изъ сихъ господъ получены были самыя радостныя вѣсти изъ-за границы: ихъ братья и сыновья писали къ нимъ, что вышли живы, здоровы и невредимы изъ кровопролитной войны, получили награды и осенью надѣются ихъ обнять. По сему случаю начались безконечныя пиры, и я попался въ самый разгулъ, что мнѣ, горемычному, показалось весьма отраднo. Человѣкъ въ инныя минуты жизни своей совсѣмъ бываетъ не похожъ на себя; а въ эти дни шумъ, смѣхъ, громкіе и нестройные звуки домашнихъ оркестровъ, Цыганская пляска съ визгливымъ дѣніемъ горничныхъ дѣвокъ, объяденіе и безпрестанно пѣнящіеся бокалы, могли одни на время заглушить тоску моего сердца. Взятіе Парижа подожило начало совсѣмъ у насъ новому (какъ называютъ его) гражданскому развитію, которое мало-по-малу истребидо,

даже въ провинціяхъ, весь нашъ старинный Русскій бытъ, и я здѣсь сотворилъ ему поминку.

Проведя нѣсколько дней въ Оржевкѣ совсѣмъ непривычнымъ для меня образомъ, пустился я далѣе. Прошелъ слухъ, что Государю не угодно принимать никакихъ депутацій, и мнѣ казалось, что я могу располагать своимъ временемъ. Однакоже оттуда, благодаря казенной подорожной и расточаемымъ мною гривнамъ на водку, поскакалъ я, какъ говорится, сломя голову. Я никуда и ни къ чему не спѣшилъ, но быстрота ѣзды какъ-то оживляла упавшій мой духъ.

Начиная отъ самаго Тамбова, проѣзжалъ я по дорогѣ совсѣмъ для меня новой, но никогда еще я не былъ менѣе внимателенъ къ окружающимъ меня предметамъ. На Козловъ и на Рязскъ я едва взглянулъ; въ послѣдствіи, проѣзжая разъ черезъ первый, могъ я замѣтить, что онъ одинъ изъ красивѣйшихъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Все-таки губернскаго городъ хотѣлось мнѣ посмотрѣть, и для того въ Рязани намѣренъ я былъ провести нѣсколько часовъ; судьба того не хотѣла. Передъ пріѣздомъ туда, прустныя размышленія во всю ночь не дали мнѣ сомкнуть глазъ моихъ, и только передъ разсвѣтомъ, утомленный, заснулъ я крѣпкимъ, сладкимъ сномъ. Когда солнце взошло, меня разбудили; я взглянулъ на какой-то бѣлый домъ, что-то пробормоталъ и опять въ сонъ погрузился. Изъ невнятныхъ словъ моихъ слуга понялъ приказаніе запрягать лошадей и ѣхать далѣе, и когда я совсѣмъ проснулся, Рязань была уже далеко за мною. Я было хотѣлъ разсердиться на слугу своего, но равнодушіе ко всему восторжествовало надъ моимъ гнѣвомъ. На Зарайскъ, и даже на Коломну, поглядѣвъ я съ тѣмъ же вниманіемъ какъ на Козловъ и на Рязскъ.

Около полудня, 18 Юля, увидѣлъ я издали Москву, и сердце онять забилося во мнѣ любовью, которую другая не могла погасить. Золотая шапка Ивана Великаго горѣла вся въ солнечныхъ лучахъ, какъ бы вѣнецъ сей новой великомученицы. Надъ нимъ сіялъ крестъ, сорванный безбожіемъ и возстановленный вѣрою, и я бы воскликнулъ съ Жуковскимъ, пѣвцомъ въ Кремлѣ:

Свѣтлѣй вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый.

Но эти славные стихи его тогда еще не были написаны.

Все было ясно, тихо, весело окрестъ Москвы многострадательной, недавно усюкоенной и возвеличенной. Сама она, въ отдаленіи, по-прежнему казалась громадною, и только проѣхавъ Коломенскую заставу могъ я увидѣть ужасные слѣды разрушенія. Тѣ части города, ярезъ кои я проѣзжалъ, кажется, Таганская и Рогожская, со-

вершено опустошены были огнемъ. Вымощенная улица имѣла видъ большой дороги, деревянныхъ домовъ не встрѣчалось, и только кой-гдѣ начинали подыматься заборы. Далѣе стали показываться каменные двухъ и трехъэтажные обгорѣлые дома, сквозные какъ рѣшето, безъ кровель и оконъ. Только приближаясь къ Яузскому мосту и Воспитательному дому, увидѣлъ я, наконецъ, жилые дома, удѣлѣвшіе или вновь отдѣланные. Подумавъ гдѣ бы мнѣ пристать, вспомнилъ я друга моего пріятеля, Александра Григорьевича Товарова, у котораго въ послѣдній проѣздъ черезъ Москву я останавливался. Къ счастью моему, деревянный домъ его былъ цѣлъ, и самъ хозяинъ въ Москвѣ. Мы обрадовались другъ другу, обнялись и стали бесѣдовать: было намъ что одинъ другому поразсказать.

Послѣ обѣда поспѣшилъ я въ Кремль, оскверненный и поруганный. Чудомъ спасенный нашъ Сіонъ, нашъ Капитолій, наполненъ еще былъ знаками лютаго, безсильнаго мщенія врага нашего. Цѣлый уголъ Арсенала, прилегающій къ Никольской башнѣ, косообразно былъ оторванъ; вся площадь вокругъ соборовъ завалена мусоромъ, отломками обрушившихся зданій; дворца не было, и Грановитая Палата безъ него казалась печально вдовствующею. Но сами соборы были очищены и приведены въ прежнее состояніе; всѣ двери въ нихъ были открыты, съ утра до вечера народъ въ нихъ толпился, и священники едва успѣвали служить молебны: вѣра и любовь Русскихъ къ сему священному мѣсту, послѣ временнаго его пораженія, кажется, еще болѣе усилились. Въ слѣдующіе дни не пощадилъ я денегъ на извозчиковъ, чтобы изѣздить Москву по всевозможнымъ направленіямъ, право, не столько изъ любопытства, какъ по чувству искренняго участія. Я находилъ цѣлыя улицы нетронутыя пожаромъ, точно въ томъ видѣ, въ какомъ я зналъ ихъ прежде; въ другихъ видѣлъ каменные дома, коихъ владѣльцы, вѣроятно богатые, съ большими пожертвованіями начинали ихъ вновь отдѣлывать; въ иныхъ мѣстахъ стукъ топора возвѣщалъ мнѣ подымающееся надворное деревянное строеніе; но гораздо болѣе поазывались мнѣ дворы, совсѣмъ поросшіе травой. Вообще, возбуждающее во мнѣ сожалѣніе встрѣчалъ я чаще, чѣмъ утѣшительное. И посреди сей картины раззоренія, все одни довольныя и веселыя лица! Привычка смотрѣть на пепелища, успокоеніе послѣ ужасовъ, новыя надежды и даже благопріятная¹ погода истребили между всѣми сословіями печальныя мысли.

Хозяина моего Товарова разъ при мнѣ посѣтили двѣ пожилыя дѣвицы, его дальнія родственницы (названія ихъ не помню) и доставили мнѣ большое удовольствіе. Съ гнѣвомъ разсказывали онѣ, какъ работающій на нихъ женскій портной, дабы попасть въ моду, принялъ¹

Французское названіе и на вывѣскѣ своей поставилъ *Ажуръ*; какъ въ негодованіи своемъ поѣхали онѣ сами къ нему и объявили, что если не смараетъ онъ ненавистнаго прозвища, то онѣ донесутъ о томъ Сергѣю Глинкѣ. Нравственное могущество этого человѣка было еще такъ велико, что испуганный портной исполнилъ ихъ требованіе. Я подумалъ, что и лучшее общество въ столицахъ дышетъ тѣмъ же патриотизмомъ. Какъ я ошибся, и вскорѣ въ томъ удостовѣрился!

Отъ Прасковьи Юрьевны Кологривовой имѣлъ я письмо къ старшей дочери ея и зятю, Вяземскимъ. Отъ Петербурга до Пензы былъ я слышанъ объ очаровательности княгини Вѣры; о мужѣ ея много я говорилъ въ предыдущей части, а еще болѣе слышалъ: общіе пріятели наши заочно всегда восхищались его остроуміемъ. Не знаю, отчего не вдругъ рѣшился я къ нимъ ѣхать, хотя умъ въ другихъ я болѣе любилъ, чѣмъ боялся его. Они жили въ такомъ кварталѣ, въ которомъ нынѣ едва ли сыщется порядочный человѣкъ. Сему мѣсту, между Грузинами и Тверскими воротами, кѣмъ-то дано было пріятное названіе *Твишна*; нынѣ называется оно прежнимъ подлымъ именемъ *Живодерки*. Тутъ находился длинный, деревянный, одноэтажный, несгорѣвшій домъ, принадлежавшій г. Кологривову *); вотчину княгини, со множествомъ службъ, съ обширнымъ садомъ, огородами и прочимъ, однимъ словомъ—господская усадьба среди столичнаго города.

Меня сначала смутила холодность, съ какою, казалось мнѣ, былъ я принятъ. Вяземскій, съ своими прекрасными свойствами, талантами и недостатками, есть лицо ни на какое другое не похожее, и потому необходимо изобразить его здѣсь особенно. Онъ былъ женатъ, былъ уже отцомъ, имѣлъ видъ серьезный, даже угрюмый, и только что начиналъ брить бороду. Не трудно было угадать, что много мыслей роится въ головѣ его; но съ перваго взгляда никто не могъ бы подумать, что съ малолѣтства сильныя чувства тревожили его сердце: эта тайна открыта была однѣмъ женщинамъ. Съ ними только былъ онъ живъ и любезенъ какъ Французъ прежняго времени; съ мужчинами холоденъ какъ Англичанинъ; въ кругу молодыхъ друзей былъ онъ Русскій гуляка. Я не принадлежалъ къ числу ихъ и не имѣлъ правъ на его привѣтливую искренность. Но съ неподвижными чертами и взглядомъ, съ голосомъ немного охриплымъ, сдѣлалъ онъ мнѣ нѣсколько предложеній, которыя все клонились къ тому, чтобы въ краткое пребываніе мое въ опустѣвшей Москвѣ доставить мнѣ какъ можно болѣе развлеченій. Онъ поспѣшилъ записать меня въ Англійскій клубъ (куда одна-

*) Въ этомъ домѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, Кологривовы имѣли счастье видѣть у себя на балѣ самого Государя Императора.

кожъ я не поѣхалъ), пригласилъ меня на другой день къ себѣ обѣдать и назначилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ свиданіе на Тверскомъ бульварѣ, лишенномъ почти половины своихъ деревьевъ, куда два раза въ недѣлю остатки Московской публики собирались слушать музыку, имѣя въ виду цѣлый рядъ обгорѣвшихъ домовъ.

Супруга его, Вѣра Θεодоровна, была также существо весьма необыкновенное. Я зналъ трехъ меньшихъ сестеръ ея, милыхъ, скромно-веселыхъ; она не совсѣмъ походила на нихъ. При неистощимой веселости ея нрава, никто не сталъ бы подозрѣвать въ ней глубокой чувствительности, а я менѣе чѣмъ кто другой. Какъ другія любятъ выказывать ее, такъ она ее прятала передъ свѣтомъ, и только время могло открыть ее передъ нимъ. Не было истинной скорби, которая бы не произвела не только ея сочувствія, но и желанія облегчить ее. Ко всему человѣчеству вообще была она сострадательна, а немилосердна только къ нашему полу. Какая женщина не хочетъ нравиться, и я готовъ прибавить, какой мужчина? Въ ней это желаніе было сильнѣе чѣмъ въ другихъ. Плѣнники красоты суть ея подданные. Въ молодости женскій полъ любитъ царствовать такимъ образомъ и долго не соглашается отказаться отъ престола, воздвигнутаго страстями. Иныя дорого платятъ за успѣхи кратковременнаго своего владычества. Такого рода честолюбія вовсе не было въ княгинѣ Вяземской: всѣ влюбленные казались ей смѣшны; страсти, ею производимыя, въ глазахъ ея были ни что иное, какъ сочиненныя ею комедіи, которыя передъ ней разыгрывались и ее забавляли. Не служить ли это доказательствомъ, что, при добротѣ ея сердца, то, что мы называемъ любовью, никогда не касалось его? Если бы она могла понять ея мученія, то содрогнулась бы. Самымъ прекраснѣйшимъ изъ женщинъ одной красоты недостаточно, чтобы увлекать въ свои сѣти; необходимы нѣкоторое притворство, тонкость, уловки, однимъ словомъ, вся стратегія кокетства. Отъ нихъ она тѣмъ отличалась, что никогда не прибѣгала къ подобнымъ средствамъ, употребляя, если можно сказать, простыя, естественныя чары. Никого не поощряя, она частыми насмѣшками болѣе производила досаду въ тѣхъ, коихъ умѣла привлекать къ себѣ. Какъ между ископаемыми, въ царствѣ животныхъ нѣтъ ли также существъ одаренныхъ магнитною силой? Не будучи красавицей, она гораздо болѣе ихъ нравилась; немного старѣе мужа и сестеръ, она всѣхъ ихъ казалась моложе. Небольшой ростъ, маленькій носъ, огненный, пронзительный взглядъ, невыразимое перомъ выраженіе лица и граціозная непринужденность движеній долго молодили ее. Смѣлымъ обхожденіемъ она никакъ не походила на нынѣшнихъ львицъ; оно въ ней казалось не наглостію, а остаткомъ дѣтской рѣзвости. Чистый и громкій хохоть

ея въ другой казался бы непристойнымъ, а въ ней восхицалъ; ибо она скрашивала и приправляла его умомъ, которымъ безпрестанно искрился разговоръ ея. Такія женщины иногда рождаются, чтобы населять сумасшедшіе дома. Въ это время я самъ годился бы туда; но, можетъ быть, это и спасло меня. Я не могъ прельститься умомъ, тогда какъ я плѣнялся простодушіемъ, то-есть глупостію. Увы, и безъ меня сколько было безумцевъ, закланныхъ подобно баранамъ на жертвенникѣ супружеской вѣрности тою, которая и мужа своего любила болѣе всего, любила нѣжно, но не страстно!

У Вяземскихъ увидѣлъ я въ первый разъ Катерину Андреевну Карамзину и былъ ей представленъ. Она обошлась со мною, также какъ и со всѣми незнакомыми и даже со многими давно знакомыми, не весьма привѣтливо; это не помѣшало мнѣ отдать справедливость ея наружности. Чтѣ мнѣ сказать о ней? Она была бѣла, холодна, прекрасна, какъ статуя древности. Еслибы въ головѣ язычника Фидіаса могла бы блеснуть христіанская мысль, и онъ захотѣлъ бы изваять Мадонну, то, конечно, далъ бы ей черты Карамзиной въ молодости. Одно имя, ею носимое, уже освящало ее въ глазахъ моихъ: я любовался ею робко и подобострастно, и хотя уже былъ зрѣлый, и едва ли не перезрѣлый юноша, но, какъ пажъ Херубини о графинѣ Альмавива готовъ былъ сказать о ней <qu'elle est belle, mais qu'elle est impo-sante!> А душевный жаръ, скрытый подъ этою мраморною оболочкой, могъ узнать я только позже. Послѣ обѣда пріѣхалъ самъ Карамзинъ и разговаривалъ со мною; ему нельзя было узнать челоуѣка, котораго, вѣроятно, едва замѣтилъ онъ мальчикомъ, а я не смѣлъ ему напомнить о себѣ въ Марейнѣ.

Тутъ за обѣдомъ находился одинъ персонажъ, съ которымъ меня познакомили и который мнѣ вовсе не полюбился. Это былъ многоглаголивый генералъ и камергеръ Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, острякъ, волтеріанецъ, циникъ и безбожникъ. Онъ былъ гораздо просвѣщеннѣе современника своего Копіева; его умъ былъ забавенъ, но не довольно высокъ, чтобы снять съ него печать, наложенную обществами восемнадцатаго вѣка. Странно и довольно гадко было мнѣ слушать обветшалыя сужденія и правила философізма, отчасти породившаго революцію, въ ту самую минуту, когда казалось, что она сокрушена была навсегда. Этотъ Пушкинъ былъ родственникъ кроткаго, безобиднаго Василя Львовича и вѣчный его гонитель, мучитель.

Также прискорбно показалось мнѣ, что въ два или три посѣщенія, сдѣланныхъ мною Вяземскимъ, не слыжалъ я ни одного Русскаго слова. Въ городѣ, который нашествіе Французовъ недавно обратило въ пепель, всѣ говорили языкомъ ихъ. Одинъ только Карамзинъ гово-

рилъ языкомъ, можно сказать, имъ созданнымъ. Стыдно, право, Вяземскому, который такъ славно писалъ на немъ, такъ чудесно выражался на немъ въ разговорахъ, что онъ не попытался ввести его въ употребленіе въ Московскомъ обществѣ, гдѣ имѣлъ онъ такой вѣсъ. Но онъ съ малолѣтства, такъ же какъ и я съ первой молодости, прельстился Французскою литературой, а отъ пристрастія къ твореніямъ, до любви къ сочинителямъ недалеко. И мнѣ ли упрекать его, когда съ любезными ему Французами онъ храбро сражался и въ славной Бородинской битвѣ готовъ былъ проливать кровь за отечество, тогда какъ я, въ Пензѣ, объ участи его проливалъ однѣ только слезы?

Вообще, примиреніе съ милою Франціей казалось искреннимъ, вѣчнымъ. И за что ихъ ненавидѣть, голубчиковъ Французовъ? Вѣдь они противъ воли увлечены были ненасытнымъ честолюбіемъ вождя своего. Забыты всѣ ихъ злодѣянія, ихъ несносное хвастовство, ихъ лживые бюллетени, въ которыхъ Русскихъ топтали они въ грязь. Всѣ вины взвалены на одного Наполеона: и по дѣломъ ему, разбойнику! Весь міръ, который хотѣлъ онъ завоевать, обрушился на преступную главу его; пусть же задыхается теперь на островкѣ своемъ Эльбѣ. Слушая членовъ офранцуженнаго нашего высшаго общества, право, можно было подумать, что наша война съ Наполеономъ была не что иное какъ междоусобіе: Россія въ борьбѣ своей оживлена, поддержана была духомъ противной ему партіи; эта партія восторжествовала, и вся наша знатность предовольна.

Извѣстно было, что 13-го Іюля побѣдоносный Александръ возвратился въ восторженную свою столицу; рассказывали о трогательномъ первомъ свиданіи его съ счастливою матерью, съ этою Маріей, благословенною въ женахъ, коей плодъ чрева вся Россія назвала «Благословеннымъ», о великолѣпномъ праздникѣ, данномъ ею въ Павловскѣ, по случаю его возвращенія. Узнали также съ сожалѣніемъ, но безъ ропота, что онъ продолжаетъ отклонять отъ себя всякое изъясненіе общественной благодарности: другимъ народамъ даровавъ независимость, своему не дозволяетъ даже въявь любить себя.

Узнали также, что онъ соглашается, наконецъ, принять со всѣхъ краевъ Россіи съѣхавшіяся дворянскія депутаціи не вдругъ, но поочередно. Раздѣляя общее чувство, мнѣ желательно было, хотя на минуту вблизи посмотрѣть на него и услышать его голосъ, и я вмигъ собрался къ отъѣзду. Я поскакалъ по дорогѣ тогда безпокойной, тряской, столько разъ мною проѣханной, все такимъ же бѣднякомъ, въ такой же кибиткѣ, какъ и прежде. Ничего примѣчательнаго на этой дорогѣ мнѣ не встрѣтилось, и послѣдній день Іюля къ вечеру пріѣхалъ я въ Петербургъ.

X.

Какъ сущій провинціалъ повѣрилъ я словамъ ямщика, который меня привезъ, и послушался его совѣта. Онъ увѣрилъ меня, что Петербургъ такъ наполненъ прїѣзжими, что ни въ одной гостиницѣ не найду я для себя помѣщенія, и уговорилъ меня пристать на какомъ-то постояломъ дворѣ, на межѣ Разъѣзжей улицы и Ямской, близъ Глазова кабака. И за этотъ тѣсный и зловонный уголъ, въ которомъ я пробылъ не болѣе сутокъ, долженъ былъ я заплатить вдвое болѣе, чѣмъ бы за комнату въ хорошемъ трактирѣ.

Однакоже, въ немъ на слѣдующее утро, 1-го Августа, принарядился я, вымылся, выбрился, натянулъ мундиръ и, вышедъ изъ него, сѣлъ въ карету, чтобъ ѣхать въ Большую Морскую являться къ главнокомандующему въ Петербургѣ, Сергѣю Кузьмичу Вязмитинову.

Какъ въ столицѣ начальствовалъ онъ, такъ и управлялъ Министерствомъ Полиціи только временно, по случаю постоянного отсутствія Балашова, который, по должности генераль-адъютанта, во все время войны сопровождалъ Императора, сохраняя, впрочемъ, званія министра и военнаго губернатора. Нельзя сказать, чтобъ онъ находился неотлучно при Государѣ, ибо безпрестанно былъ на посылкахъ, то къ Наполеону, то къ Мюрату, то къ Англійскому принцу-регенту; оно могло казаться доказательствомъ особой къ нему довѣренности, но рысыи очи царедворцевъ ясно видѣли, что кредитъ его примѣтно упадетъ. Даже воротившись изъ походовъ, онъ къ должностямъ своимъ допущенъ не былъ.

Прождавъ болѣе часа не совсѣмъ въ прихожей, а въ комнатѣ передъ кабинетомъ вельможи не по рожденію, а по сану, когда онъ вошелъ, подалъ я почтенному старцу бумагу отъ моихъ вѣрителей. Онъ спросилъ меня, не сынъ ли я отца моего, котораго онъ коротко зналъ и съ коимъ нѣкогда былъ товарищемъ по службѣ. Послѣ того объявилъ онъ мнѣ, что я опоздалъ двумя сутками, что списки отъ него уже посланы, и что на другой день, 2-го числа, Пензенская депутація вмѣстѣ съ двумя или тремя другими въ 10 часовъ утра, на Каменномъ острову, будетъ представляться Государю. Странное дѣло! Всякій разъ, что прїѣзжалъ я въ Петербургъ, встрѣчала меня въ немъ какаа-нибудь неудача, какъ читатель сіе замѣтитъ можетъ.

Большіе столичные города въ тѣхъ, кои никогда въ нихъ не бывали и прїѣзжаютъ въ первый разъ, производятъ невольное почти-тельное изумленіе, въ котóромъ они охотно никогда не признаются. Обширность города, многолюдство его, роскошь вездѣ выказываемая,

шумъ, движеніе на улицахъ, все поражаетъ непривыкшаго къ тому. Все, что ни встрѣчается ему, кажется принадлежащимъ къ этой огромной машинѣ и участвующимъ въ ея дѣйствіяхъ. Тоже самое впечатлѣніе, хотя въ меньшей степени, дѣлаютъ столицы на людей, кои подобно мнѣ возвращаются въ нихъ послѣ долгаго отсутствія. Это чувство, не совсѣмъ пріятное для самолюбія, было не одно, которое по пріѣздѣ моемъ сначала я долженъ былъ испытать.

Я долженъ былъ спросить у себя, зачѣмъ я пріѣхалъ, и на то никакъ не могъ дать себѣ отвѣта. Я почиталъ себя въ отставкѣ, неохотно вступилъ бы въ службу; а если бы и пожелалъ, то встрѣтилъ бы много препятствій: у меня не было никакого покровительства, никакой подпоры. Что же? Прийтись опять за прежнюю жизнь, скучную, одинокую, бѣдную, праздную, которую только легкомысліе первой молодости помогало мнѣ весело переносить. А тутъ, достигая совершенной зрѣлости, опять, какъ говорится, бить мостовую, жить безъ цѣли, безъ надеждъ, тогда какъ всѣ ровесники мои давно меня опередили, не говоря уже о томъ, о чемъ читателю далъ я слово не поминать! Сообразивъ все это вмѣстѣ, можно себѣ представить всю тягость моего тогдашняго положенія.

Но въ это время холодный Петербургъ былъ такъ оживленъ, такъ весь исполненъ радости, что даже я, горемычный, наконецъ былъ ею потопленъ. Общему счастью какъ можно завидовать? Имъ всегда я былъ утѣшенъ. Само небо, казалось, праздновало торжество Россіи: Іюнь и начало Іюля, говорятъ, были холодные и дождливые, но Августъ сами пріѣзжіе изъ Южной Европы называли Итальянскимъ. И дѣйствительно, вмѣсто свѣтлыхъ и сырыхъ ночей, которыя обыкновенно бываютъ на Сѣверѣ, въ этомъ феноменальномъ году имѣли мы ночи темныя, совершенно темныя и почти жаркія. Въ день Успенія Богородицы была ужаснѣйшая гроза и чуть-чуть освѣжила только воздухъ.

Зрѣлище совершенно новое и отъ того довольно странное въ воинственно-придворномъ Петербургѣ было тогда: какъ на улицахъ, такъ и вездѣ, отсутствіе военныхъ мундировъ, генеральскихъ и офицерскихъ; всѣ ходили во фракахъ. Самолюбивые офицеры Французской арміи, дотолѣ непобѣдимой, приписывали однимъ Русскимъ (Русскіе всегда во всемъ виноваты) ея уроны, ея паденіе, и въ Парижѣ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ придирались къ нашимъ офицерамъ, чтобъ оскорбить ихъ честь, отъ чего выходили частые поединки. Дабы положить тому препону, Государь приказалъ, чтобы они всѣ одѣлись во фраки; по возвращеніи же въ Россію сія обязанность обратилась имъ въ право, коего лишены были они со временъ Екатерины. Были люди, которые въ этомъ видѣли начало торжества

гражданственности: по ихъ мнѣнію, самъ мечъ уничтожилъ царствіе меча.

Однакоже подъ этимъ (какъ называютъ его у насъ) партикулярнымъ платьемъ легко былъ узнавать молодыхъ гвардейцевъ, по ихъ скромно-самодовольному виду. Изъ нихъ нѣкоторая только часть, четыре полка старой гвардіи, за нѣсколько дней до пріѣзда моего, возвратилась изъ похода. Ихъ посадили на Англійскіе корабли, они приставали сутокъ на двое къ Англинскому порту Дилю, потомъ привезены были моремъ и высажены на берегъ въ Петергофъ, гдѣ уготовлены имъ были успокоеніе и пиры, и откуда церемоніальнымъ маршемъ вступили они въ Петербургъ. Тѣлохранители, сотрудники, сподвижники Александра сдѣлались въ это время его любезнымъ семействомъ; имъ предоставилъ онъ все торжество его ожидавшее. Черезъ триумфальныя ворота, хотя деревянныя, но богато изукрашенныя, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ у Петергофской новой заставы возвышаются нынѣ гранитныя и мѣдныя, не хотѣлъ онъ самъ вѣзжать, а черезъ нихъ имъ велѣлъ вступить. Великолѣпную иллюминацію во всемъ городѣ, къ пріѣзду его приготовленную, по ихъ возвращеніи, имъ въ честь велѣлъ онъ зажечь. За то и ихъ энтузіазмъ къ нему изобразить невозможно: по возможности желая уподобиться кумиру своему, они въ разсказахъ не думали хвастаться подвигами своими, съ сердечною радостью обнимали знакомыхъ, всѣхъ мирныхъ согражданъ встрѣчали улыбкою и ласковыми привѣтами. Чтó за время! Особенно, какъ милъ казался нѣжный возрастъ самой первой молодости, уже опаленной порохомъ! Забывая совершенно о славныхъ опасностяхъ, въ кои вдавался, не умолкалъ онъ о Парижскихъ своихъ наслажденіяхъ, о Пале-Роялѣ, о Вери, о тысячеколонномъ кафе и прекрасной лимонадьерѣ, о театрахъ, о *Жюпондѣ*. Увы, кто могъ бы тогда подумать, что между ними зародятся первыя мысли о возстаніи противъ законной, благотворной имъ власти!

Итакъ, съ душевнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на то, чтó едва ли кому удастся когда-либо видѣть: смотрѣлъ на Петербургъ не зѣвлющій, не суетящійся и не чванный. Отъ хорошихъ знакомыхъ желательно мнѣ было узнать, какой видъ имѣлъ онъ въ предыдущихъ годахъ, и слышанное отъ нихъ могу здѣсь передать. Во время отсутствія Государя, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась Россія, дворъ притихъ, замолъ; веселиться ему было бы неприлично. Когда, въ началѣ зимы, императрица Елисавета Алексѣевна, въ первый разъ по замужествѣ, поѣхала для свиданія съ Германскими своими родными, а вслѣдъ затѣмъ молоденькіе великіе князья, братья государевы, отправились въ армію, то знатные, при дворѣ состоящіе,

рѣшительно стали гнущаться столицей. Въ модномъ свѣтѣ вошло въ моду покидать Петербургъ. Одни, болѣе богатые, еще прошлогоднею весной отплыли въ союзную намъ роскошную Англію, гдѣ въ это время всякому Русскому было житье; другіе поспѣшили въ освобожденную Германію услышать благословія спасительному нашему оружію; многіе удалились въ деревни, какъ мы видѣли Голицына и Рибопьера. Тогда-то Петербургъ изъ придворнаго города превратился въ казенный: всѣ тѣ, кои занимали въ немъ высшія должности, заняли также и первыя мѣста въ обществѣ.

Полумертвый Николай Ивановичъ Салтыковъ, вскорѣ пожалованный свѣтлѣйшимъ княземъ, однимъ только именемъ управлялъ Россіей, и въ шутку называемъ былъ принцемъ-регентомъ. Онъ почти не двигался съ мѣста, нигдѣ не показывался, и жизнь его была продолжительная агонія. Всѣмъ завѣдывалъ бывший оберъ-прокуроръ Петръ Степановичъ Молчановъ, который, доказывая виновность Саратовскаго губернатора Бѣлякова, былъ причиною паденія Кочубея; онъ чрезъ то сдѣлался извѣстенъ и попалъ въ милость. Онъ былъ тогда въ одно время сенаторъ, статсъ-секретарь въ комиссіи прошеній и управляющій дѣлами Комитета Министровъ; да сверхъ того князь Салтыковъ безъ него ничего не дѣлалъ по Государственному Совѣту, въ которомъ предсѣдательствовалъ.

Онъ былъ не изъ дворянъ. Въ Россіи извѣстно, что старинное дворянское фамильное имя есть одна только собственность, которой похищеніе не воспрещается законами. Отецъ его управлялъ гдѣ-то имѣніемъ князя Куракина и сына записалъ въ его генераль-прокурорскую канцелярію. Мальчикъ удался; онъ отличался не однимъ знаніемъ, но и большимъ просвѣщеніемъ и свѣтскою любезностію. Когда былъ онъ уже во временіи, то женился на богатой невѣстѣ, дочери сенатора Ивана Ивановича Кушелева, родной племянницѣ и одной изъ наслѣдницъ фаворита Ланскаго. Сіе пріобрѣтенное имѣніе началъ онъ слишкомъ много и скоро умножать благопріобрѣтеннымъ, безпрестанно строилъ огромные дома, покупалъ деревни и тѣмъ возбудилъ завистливое вниманіе Петербургской публики. Не смотря на то, вся она бросилась на славные балы, которые началъ онъ давать; пирами успѣлъ онъ почти заглушить общій голосъ, и домъ его, за неимѣніемъ другихъ открытыхъ домовъ, сдѣлался первымъ.

Однимъ изъ самоважнѣйшихъ лицъ былъ тогда управляющій Военнымъ Министерствомъ, князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, человекъ добрый, весьма простой, который, будучи племянникомъ Суворова, почиталъ обязанностію подражать ему въ странностяхъ и только что передражничивалъ его. Хотя и жилъ онъ розно со своею женою, Вар-

варой Юрьевной, урожденной княжной Долгоруковой, но, по ней будучи племянникомъ Салтыкова, на старика также имѣлъ большое вліяніе. Его канцелярія, свита, любимцы дѣлали что имъ было угодно и, во всеобщемъ волненіи вида мутную воду, ловили въ ней что хотѣли. Все это вмѣстѣ съ Молчановымъ составляло правительственную камариллу.

Самъ князь Горчаковъ у себя гостей не принималъ, а у сестры своей графини Хвостовой. У нея начались балы, и домъ ея, куда прежде люди хорошаго тона не ѣздили, сдѣлался однимъ изъ первыхъ въ Петербургѣ. Тяжело было бѣдному Димитрію Ивановичу къ авторскимъ издержкамъ прибавить еще полубоярскія, и это, говорятъ, весьма разстроило его состояніе.

Весьма важную ролю также игралъ въ это время одинъ частный человѣкъ, отставной статскій совѣтникъ Иванъ Антоновичъ ***. Онъ женился на побочной дочери какого-то богатаго боярина, которому для нея былъ нуженъ чинъ, чтобы законнымъ образомъ оставить ей свое наслѣдство. *** былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы ревновать жену моложе его тридцатью годами. Онъ пользовался ея имѣніемъ; она пользовалась совершенной свободой. Я знавалъ ее лично, эту всѣмъ извѣстную Варвару Петровну, полненскую, кругленькую, бѣленькую безстыдницу. Она была типомъ Русскихъ Лаисъ, Русскихъ Фринъ. Изъ Славянскихъ женъ однѣ только Польки умѣютъ быть увлекательны, прелестны, даже довольно пристойны и благородны среди студодѣяній своихъ; Русскія въ этомъ искусствѣ все какъ будто не за свое дѣло берутся.

Аракчеевъ, сначала сопровождавшій Государя, еще изъ Праги давно уже воротился. Онъ жилъ, казалось, совсѣмъ безъ дѣла и по видимому ни во что не вмѣшивался. Но чрезъ проски свои интересованныя въ томъ лица дознались, что онъ ведетъ тайную частую переписку съ Императоромъ и отъ того оказывали ему всевозможное почтеніе. На досугъ завелъ онъ любовныя связи съ ***. (Съ грубостію его чувствъ, утонченность ума не могла бы уловить его сердце; его разсчетливости правилась и самая дешевизна этой связи, ибо *** изъ чести лишь одной предалась ему. За то отъ другихъ, отъ искателей фортуны, принимала она подарки, выпрашивала, даже вытребовала ихъ. Она стала показываться на всѣхъ балахъ и изумлять своею наглостію. Всѣ высокомошные стали ухаживать за нею и за мужемъ ея. А сей нечестивецъ, сей плутъ, всѣхъ увѣрилъ, что черезъ жену дѣлаетъ изъ Аракчеева что хочетъ. У Салтыкова, Горчакова, Молчанова почитался онъ домашнимъ другомъ; да и многіе другіе, въ надеждѣ на его подпору, ни въ чемъ ему отказывать не умѣли.

Онъ прослылъ источникомъ всѣхъ благъ и просящимъ, разумѣется не даромъ, раздавалъ мѣста. Между тѣмъ самъ Аракчеевъ охотно принималъ его, ласкалъ, все изъ него вывѣдывалъ, все помѣчалъ и обо всемъ доносилъ. Любовь надъ симъ твердымъ мужемъ не имѣла довольно силы, чтобы заставить его забыть свой долгъ.

Но время кары еще не приспѣло; оно отсрочено, ибо Государь почиталъ себя въ Петербургѣ какъ бы проѣздомъ, какъ бы въ гостяхъ. Въ Парижѣ положено было только основаніе всеобщаго мира, устроена участь одной только Франціи; на знаменитомъ Вѣнскомъ конгрессѣ, имъ созванномъ, надѣялся онъ упрочить сей миръ, стараясь по возможности удовлетворять требованія Европейскихъ государей, согласовать между собою, охранять выгоды каждаго изъ воевавшихъ народовъ и устранить на будущее время малѣйшія причины къ раздорамъ. Сии высокія мысли занимали его, и въ концѣ Августа намѣренъ былъ онъ опять отправиться въ путь, дабы, возвратясь зимой, приняться за внутреннее устройство собственнаго государства.

Прежде отъѣзда Государь хотѣлъ обрадовать Петербургъ столь же умилительнымъ, какъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, въ прекраснѣйшій весенній день, на площади мятежа, гдѣ совершено было величайшее изъ преступленій, воздвигъ онъ высокій помостъ, на которомъ православное духовенство громко возгласило: *Христосъ Воскресъ!* При семъ возгласѣ, всякое Русское сердце радостнымъ трепетомъ наполняющемъ, православный Царь и за нимъ войны всѣхъ христіанскихъ народовъ и вѣроисповѣданій пали на колѣна передъ Богомъ браней и Богомъ мира, благословившимъ однѣ и даровавшимъ имъ другой. Безчисленныя толпы нечестивыхъ зрителей составляли раму этой картины, изображающей торжество вѣры, примиреніе неба съ землею. Есть въ исторіи минуты, которыя должны гремять въ вѣкахъ, и Русскій молебень на Парижской площади принадлежитъ къ нимъ. У насъ давнымъ давно объ ней забыли, но кичливые иностранцы-иновѣрцы помянуть ее и не могутъ ее простить намъ.

Сіе благодарственное торжество повторено было на Царицыномъ лугу 18-го Августа, въ день воспоминанія Кульмскаго сраженія. Большая часть участвовавшихъ въ немъ, ровно за годъ передъ тѣмъ, находилась въ парадѣ. Это также одно изъ нашихъ славнѣйшихъ воспоминаній въ нынѣшнемъ вѣкѣ, когда избраннѣйшая часть Русскаго войска въ Богемскихъ ущельяхъ возобновила чудеса Оермопилъ. Въ этотъ же самый день учрежденъ благотворный комитетъ для раненыхъ воиновъ, и десятина со всего жалуемаго Государемъ должна собирать-ся на содержаніе и успокоеніе ихъ.

Къ отъѣзду Государя ожидали большихъ переменъ въ министерствахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно послѣдовали. Министръ иностранныхъ дѣлъ, государственный канцлеръ графъ Румянцовъ, еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ самовольно и безнаказанно сложилъ съ себя должности сіи. Онъ былъ ненавидимъ: чистосердечно дивясь и уважая Наполеона, союзника Россіи, онъ не могъ и не хотѣлъ никого увѣрить въ переменѣ чувствъ своихъ къ нему, когда онъ возсталъ на нее. При началѣ войны, лишился онъ мѣста предсѣдателя Государственного Совѣта, переданнаго Салтыкову, потому что послѣдовалъ за Государемъ въ Вильну; потомъ въ Великихъ Лукахъ заключилъ онъ союзный трактатъ съ Гишпанскимъ правительствомъ и находился, наконецъ, въ Абовѣ во время свиданія кронъ-принца Бернадотта съ Императоромъ, но послѣ того оставался въ Петербургѣ безъ всякаго значенія, безъ всякой довѣренности. Радуюсь успѣхамъ нашего оружія, онъ явно не одобрялъ средствъ, употребляемыхъ къ умноженію нашего нравственнаго могущества, и время показало, какъ былъ онъ правъ. А его почитали недругомъ отечества, и онъ оставался въ самомъ фальшивомъ положеніи, изъ коего онъ вышелъ, наконецъ, смѣло и благородно. Товарищъ его, сынъ князя Салтыкова, Александръ Николаевичъ, видя, что всѣ важныя дипломатическія акты совершаются за границей безъ участія ихъ обоихъ, прежде его еще вышелъ въ отставку. Управление (все еще) Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ само собою пало на жалкаго члена ея, тайнаго совѣтника Ивана Андреевича Вейдемейера, который, вѣроятно слишкомъ обрадовавшись столь неожиданной для него чести, тотчасъ послѣ того и умеръ. Тогда управление сей коллегіи перешло къ старшему ея чиновнику, начальнику одной изъ экспедицій ея, тайному совѣтнику Павлу Гавриловичу Дивову, человѣку весьма образованному, но не довольно способному къ занятію столь важной должности. Такъ оставалось оно болѣе полутора года.

Во время походовъ своихъ, при свиданіяхъ съ присоединяющимися къ нему одинъ за другимъ Европейскими государями и при личныхъ его переговорахъ съ ихъ министрами, императоръ Александръ позналъ истинное призваніе свое: онъ также родился дипломатомъ, какъ Наполеонъ полководцемъ. Тогда онъ нашелъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ ему вовсе не нуженъ и что онъ самъ можетъ замѣнить его. Онъ ошибался; по Русской пословицѣ: умъ хорошо, а два лучше; онъ послѣ призналъ эту истину, когда по этой части взялъ себѣ въ помощь славнаго сотрудника. Но покамѣстъ сталъ употреблять перваго попавшагося ему подъ руку, не знаю въ какомъ качествѣ слѣдовавшаго за арміей, Нессельроде. Онъ сдѣлалъ изъ него статсъ-секретаря и родъ правителя военно-походной дипломатической канцеляріи своей. Онъ

взялъ его съ собою и въ Вѣну, гдѣ для совершенія великаго труда ожидали опытные люди: Разумовскіе, Стакельберги, Анстеты; Нессельроде же безсловесно долженъ былъ возсѣдать на конгрессѣ. Можетъ быть, царскому самолюбію нравилась самая ничтожность этого чело-вѣка, безотвѣтная его робость, его покорность.

Люди съ такими свойствами, поставленные на самую высокую степень, почти всегда бываютъ вредны для государства, полезны же только самимъ себѣ. Имъ ли указывать на путь славы и величія? Ихъ угодливость—язва самодержавія. Въ сильномъ движеніи огромной машины Русскаго государства быстро уносятся люди и учрежденія; Нессельроде одинъ устоялъ противъ бурнаго потока; счастье постоянно ласкало его. Его начинаютъ уже называть Вѣчнымъ Жидомъ, и точно кажется, что съ нечистою силою заключилъ онъ тайный трактатъ. Изъ развалинъ прошедшаго этотъ поганый грибокъ все еще торчитъ одинъ, цѣль и невредимъ. Но оставимъ его; если смерть не остановитъ руки моей, не разъ придется еще объ немъ писать.

Наканунѣ отъѣзда своего, въ день своихъ именинъ, 30 Августа, Государь роздалъ много наградъ и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ назначеній. Главнокомандовавшій не весьма удачно арміями, Александръ Петровичъ Тормасовъ, въ семь же званіи опредѣленъ въ Москву на мѣсто графа Раstopчина. «Онъ сжегъ Москву», начали кричать пострадавшіе отъ пожара и недовольные строгимъ порядкомъ имъ вводимымъ. Не знаю, но думаю, что неблагодарность соотечественниковъ возмутила его строптивый духъ, и онъ самъ пожелалъ отойти, а Государь вѣроятно не захотѣлъ воспротивиться общему желанію. Послѣ того Раstopчинъ на долго уѣхалъ за границу.

Привзаніе Дмитрія Прокофьевича Трошинскаго къ должности министра юстиціи было также большою новостію этого дня. Въ первые полтора года царствованія Александра былъ онъ главною пружиной управленія. Послѣ того обидно ему казалось оставаться при однихъ почтахъ и удѣлахъ, и онъ оставилъ службу. Но видно, бездѣйствіе тяготило его точно такъ же, какъ дѣятельностію скучалъ его предмѣстникъ. Дмитріевъ по прошенію весьма милостиво уволенъ. Мнѣ случилось послѣ отъ него самого слышать, что какія-то несогласія съ Молчановымъ побудили его выйти. Признаюсь, я въ этомъ видѣлъ одинъ предлогъ. Оторванный отъ мирной жизни и любимыхъ занятій поэтъ, я думаю, часто вздыхалъ о свободѣ. Доказательствомъ того, что онъ мечталъ о ней, служить годовой отпускъ его въ 1813 году. Онъ воспользовался имъ, чтобы на пожарахъ Москвы уготовить для себя укромный и красивый пріютъ. Во время отсутствія его министерствомъ

управлялъ преданный ему Болотниковъ, гажется, знакомый моему читателю.

При этомъ вспомнилъ я рассказанные мнѣ довольно забавныя анекдоты, и ими хочу кончить сію главу. Когда Дмитріевъ уѣхалъ, Болотниковы, не спросясь его и отдавъ собственный домъ въ наймы, перебрались въ казенный домъ Министерства Юстиціи, въ старинномъ вкусѣ просторный отель, во времена Екатерины построенный генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, и перевезли туда весь хламъ свой. Тамъ расположились они въ богатыхъ комнатахъ со штофными обоями и бархатомъ обитыми креслами, но никакъ не отказались отъ мѣщанскихъ привычекъ своихъ. Каждое утро, падчерица Софья Николаевна Бушень, которой нѣкогда былъ я обреченъ, въ большой приемной залѣ проходила сквозь толпу просителей и докладчиковъ, взлѣзала на стулъ и собственноручно заводила стѣнные деревянные часы съ кукушкой, вѣроятно родовые, наслѣдственные. Елисавета Христіановна подлѣ самой спальни министерской, съ раззолоченною альковой, устроила себѣ кухню съ плитой. Со времени прекрасныхъ дней Французской революціи, послѣ мадамъ Роланъ, ни одна министерша въ житѣ своемъ не являла столь милой простоты.

За мѣсяцъ до возвращенія своего, Дмитріевъ письменно извѣщалъ объ немъ Болотникова и просилъ очистить для него домъ. Но супругѣ его полюбилось широкое житѣ, и она не хотѣла съ нимъ разстаться. Въ одну ночь, когда, возвратясь съ бала, можетъ быть отъ Хвостова, она начинала раздѣваться и обнажать прелести свои, безъ спросу вошелъ къ ней Дмитріевъ въ дорожномъ платьѣ, и пошли у нихъ пререканія. Въ эту ночь Иванъ Ивановичъ въ одной изъ комнатъ нашель себѣ мѣсто для отдохновенія, а на другое утро Алексѣй Ульяновичъ, какъ съ чужаго коня среди грязи, долженъ былъ выѣхать изъ дома. И это ихъ навсегда поссорило.

ХІ.

Совершенное выздоровленіе вскорѣ послѣ тяжелой болѣзни есть самое пріятное состояніе для человѣка. Въ немъ, казалось, всю осень и всю зиму находился Петербургъ. Никакихъ заботъ, неудовольствій, искательствъ, ничего что бы похоже было на обманутое честолюбіе не было замѣтно: ну точно какъ будто въ прежніе годы въ Москвѣ. О политикѣ не было помину; впрочемъ, подъ этимъ словомъ разумѣли дотолѣ толки о побѣдахъ и завоеваніяхъ или о пораженіяхъ Наполеона.

Все что происходило въ Вѣнѣ, какъ межевали тамъ Европу, какія представлялись затрудненія, какія возникли несогласія, все это

было великою тайной, которую никто проникнуть не старался. Знали только, что Польша будетъ наша. Говорили также, что конгрессъ не идетъ, а пляшетъ: увеселеніямъ, празднествамъ конца тамъ не было.

Утраты придворнаго общества въ эту зиму еще болѣе умножились. Сама императрица съ супругомъ находилась въ Вѣнѣ. Знатные сотнями кинулись за границу, въ отпертую имъ со всѣхъ сторонъ Европу; это совершенно походило на эмиграцію. Оттого Петербургское общество сохранило прошлогодній цвѣтъ, и графиня Хвостова съ компаніей продолжала балничать. Изъ высшаго круга нѣкоторые члены посѣщали сіи вечернія собранія и жестоко надъ ними насмѣхались.

Я возобновилъ въ это время много старыхъ знакомствъ и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ. Послѣ долгой разлуки, первое свиданіе мое съ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ было одною изъ радостныхъ минутъ моей жизни. Въ продолженіе двухъ лѣтъ съ половиною сколько перемѣнъ! Нужно ли говорить, что взаимныя чувства наши не измѣнились? Любопытно мнѣ было человѣка, котораго оставилъ я безпечнымъ юношей, найдти мужемъ, отцомъ и хозяиномъ дома. Желанія его совершились: весной 1812 года вступилъ онъ въ бракъ съ княжною Щербатовой. Военныя происшествія омрачили первые мѣсяцы его супружества, и вскорѣ потомъ, когда собирался онъ къ новому мѣсту назначенія, совѣтника посольства въ Стокгольмѣ, долженъ былъ похоронить онъ тещу. Онъ оставилъ эту должность и пріѣхалъ въ Петербургъ, не задолго до возвращенія моего въ сію столицу.

Находясь въ Стокгольмѣ, онъ имѣлъ случай близко узнать славнаго воина Бернадота, мудраго и дальновиднаго человѣка, который, не смотря на всѣ быстрыя перемѣны обстоятельствъ, умѣлъ твердо удержаться на ступеняхъ Шведскаго престола и на немъ самомъ. Потомъ былъ онъ въ короткихъ сношеніяхъ съ ученымъ и достопочтеннымъ библіофиломъ, графомъ Сухтеленемъ, о которомъ много говорилъ я въ первой части сихъ Записокъ и который находился тогда при этомъ дворѣ въ качествѣ не посланника, а чего-то болѣе. Тутъ познакомился онъ и сблизился съ знаменитою Сталь, которая, бѣгая отъ Наполеона изъ государства въ государство, цѣлую зиму провела въ Швеціи. Чужой умъ пристаеетъ только къ тѣмъ, кои сами имъ избилуютъ; имъ только однимъ идетъ онъ въ прокъ. Обмѣнъ мыслей есть обширная торговля, въ которой непремѣнно надобно быть капиталистомъ, чтобы сдѣлаться миліонеромъ, и въ этомъ смыслѣ я напелъ, что Блудовъ еще болѣе разбогатѣлъ. Онъ часто удивлялъ меня своимъ умомъ, а послѣ возвращенія его изъ Швеціи и моего изъ Пензы, начиналъ онъ ужасать меня имъ.

Какъ пріятно мнѣ было видѣть его счастливымъ въ домашней жизни! Болѣе по слуху уже изобразилъ я Анну Андреевну; лично узнавъ ее, не могу здѣсь умолчать о ея почтенныхъ и любезныхъ свойствахъ. Природа одарила ее чувствами самыми нѣжными и кроткими: я не знавалъ женщины болѣе способной любить ближнихъ, любить не пылко, но искренно и постоянно. Около нея была атмосфера добра и благосклонности; разумѣется, что тѣ, кои были ближе къ ней, мужъ, дѣти и родственники, болѣе другихъ испытывали усладительное дѣйствіе оной; но и друзья и знакомые ихъ, вступая въ этотъ благорастворенный кругъ, подчинялись его пріятному вліянію.

Если сначала я нѣсколько завидовалъ Влудову какъ супругу, то отнюдь не какъ отцу. На рукахъ терпѣливой Шведской дады (кормилицы) было маленькое созданіе, въ которомъ уже можно было угадывать умъ, затѣйливость, по прихотямъ, кои возрастали по мѣрѣ безпрестаннаго удовлетворенія ихъ. Отецъ въ полномъ смыслѣ боготворилъ дочь свою, а мнѣ дѣвочка казалась несносною. Могъ ли я думать тогда, что придетъ время, въ которое высокія чувства души, любезность ея, доброта и успѣхи въ свѣтѣ, будутъ радовать меня какъ роднаго и, повторяя слова Пушкина, я буду гордиться ею, какъ старая няня своею барышней?

Въ числѣ новыхъ знакомствъ не надлежало бы упоминать мнѣ о мимоходныхъ, о тѣхъ, кои по себѣ не оставили никакихъ слѣдовъ. Но когда это весьма замѣчательныя лица, то какъ не помѣстить ихъ здѣсь? Не знаю почему, Четвертинскому такъ полюбилась Пенза, что покамѣстъ онъ все еще оставался въ ней. Когда я началъ собираться въ дорогу, желая мнѣ много добра, сказалъ онъ мнѣ, что знакомство съ его сестрой можетъ быть мнѣ полезно и по службѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признался, что дружба ихъ до того охолодѣла, что они болѣе не переписываются, и предложилъ мнѣ только письмо къ зятю своему, Димитрію Львовичу Нарышкину, который и введетъ меня въ гостиную, а можетъ-быть и въ кабинетъ жены своей.

Марья Антоновна жила тогда (и кажется, въ послѣдній разъ) на дачѣ своей у Крестовскаго перевоза. Хотя домъ былъ довольно просторенъ и красивъ, и передъ нимъ растиался къ рѣкѣ прекрасный цвѣтникъ, но это викакъ не походило на замокъ какой-нибудь Діаны де-Поатье. Соображаясь съ простотою вкусовъ Императора, который въ первые годы своего царствованія всѣмъ загороднымъ дворцамъ своимъ предпочиталъ Каменноостровскій, она по близости его купила сію дачу у наслѣдниковъ Петра Ивановича Мелиссино, который, истративъ большія суммы на обушеніе и возвышеніе сего небольшого уголка, далъ ему названіе *Ma Folie*. Отдѣленное Карповкой отъ другихъ

дачь Аптекарскаго острова, сіе мѣсто представляло ей удобство со-сѣдства и уединенія для принятія тайныхъ посѣщеній Царя.

Одичавъ въ провинціи, я не тотчасъ по пріѣздѣ рѣшился везти письмо къ Нарышкину. Хорошимъ пріемомъ онъ ободрилъ меня. Онъ принадлежалъ къ небольшому остатку придворныхъ вельможъ прежняго времени, со всѣми былъ непринужденно учтивъ, благороденъ сердцемъ и манерами, но также, какъ почти всѣ они, сластолюбивъ, роскошенъ, расточителенъ, при умѣ и характерѣ не весьма твердомъ.

Попросивъ меня немного подождать, черезъ нѣсколько комнатъ пошелъ онъ самъ доложить обо мнѣ, и вскорѣ потомъ черезъ нихъ проводилъ меня въ храмъ красоты. Она была одна, приняла меня стоя, не посадила, а только по Польскому или не знаю какому другому обычаю протянула мнѣ руку, которую поцѣловалъ я. Наружный жаръ былъ умѣряемъ спущенными маркизами и прохладительнымъ вѣтеркомъ; среди благовопія цвѣтовъ и тысячи великолѣпныхъ бездѣлокъ, которыя начинали тогда входить въ моду, смотрѣть на совершенную красавицу было бы весьма пріятно; но я въ ней видѣлъ полу-царицу и немного смѣшался, только не на долго. Она была женщина добрая и не спѣсивая, разспрашивала меня о братѣ, о его семействѣ и житьѣ и, наконецъ, пригласила меня, и довольно настоятельно, обѣдать у нея по воскреснымъ днямъ, когда бываетъ у нея много гостей и передъ овнами играетъ музыка, въ виду гуляющихъ на Крестовскомъ острову.

Въ первое Воскресенье воспользовался я сдѣланнымъ мнѣ приглашеніемъ. Общество было отборное, съ хозяйкой свободно-почтительное. Она обошлась со мной весьма ласково и рекомендовала меня сестрѣ своей, княжнѣ Жанетѣ Четвертинской и Поляку Вышковскому, который, какъ послѣ узналъ я, былъ ея суженый. Наружность сей послѣдней мнѣ показалась бы непріятною, еслибъ она была со мною и невнимательнѣе; изъ нѣсколькихъ словъ Поляка, довольно пожилаго и незначущаго, не менѣе того весьма надменнаго, могъ я замѣтить, что онъ великій руссонеавистникъ. И вотъ кто долженъ былъ замѣнить ей Цесаревича! Двѣ воспитанницы или собесѣдницы, право не знаю, одна дородная, свѣжая и пригожая Полька Студиловская, другая молоденькая, тоненькая, хорошенькая Англичаночка, которую звали просто Салли, подошли ко мнѣ сами знакомиться, были отменно любезны и сказали мнѣ, что, во вниманіи къ пріязни моей съ братомъ, котораго Марья Антоновна никогда не переставала любить, желаетъ она, чтобы я сдѣлался у нея домашнимъ. Братья Нарышкины были извѣстные гастрономы: столъ и вина были чудесные.

Все это мнѣ очень полюбилось, и въ слѣдующее Воскресенье явился я опять къ обѣду, хотя и зналъ уже, что на покровительство г-жи Нарышкиной надѣяться мнѣ нечего. Намъ съ братомъ ея въ Пензѣ еще не было извѣстно, что царственная связь, увы! уже совершенно разорвана. Это нимало не помѣшало бы мнѣ повторять мои посѣщенія; но наступилъ Сентябрь, Нарышкины переѣхали въ городъ и въ томъ же мѣсяцѣ Марья Антоновна на долго отправилась въ чужіе края. Мнѣ больно было бы сказать здѣсь, какую нашелъ я ее, когда, послѣ десятилѣтій, встрѣтись съ ней за границей, возобновилъ я знакомство съ нею и часто видѣлся.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Пензы, часто началъ посѣщать меня плутъ Магіёръ, который перессорился съ плѣнными Наполеоновскими Французами. Онъ старался увѣрить меня, что втайнѣ никогда не переставалъ быть преданъ законнымъ государямъ своимъ, Бурбонамъ, и прочиталъ письмо или просьбу къ герцогу Ангулемскому, въ которомъ, объясняя, что отецъ его (не упоминая въ какой должности) служилъ графу д'Артуа, отцу герцога, онъ, наслѣдникъ вѣрности, желаетъ посвятить жизнь свою его высочеству. Когда совсѣмъ собрался я въ путь, вручилъ онъ мнѣ другое письмо къ Екатеринѣ Феодоровнѣ Муравьевой, желая, чтобы я отдалъ его лично, присоединивъ мои просьбы къ его моленіямъ о помощи, дабы могъ онъ освободиться отъ ссылки и возвратиться въ отечество. Я радъ бы былъ избавить Россію отъ всѣхъ иностранныхъ негодяевъ и далъ ему слово исполнить его требованіе.

Даму, къ которой адресовалъ онъ меня, я лично не зналъ. Она слыла добродушною и добродѣтельною, то-есть строгой нравственности въ отношеніи къ супружескому долгу. Послѣднее было справедливо и, я думаю, не весьма трудно, ибо она была дурна какъ смертельный грѣхъ и съ богатымъ приданымъ лѣтъ тридцати едва могла найти жениха. Я немного совѣстился быть ходатаемъ за мошенника и старался разжалобить ее; къ изумленію моему, она горячо принялась за это дѣло, и участіе мое въ немъ послужило мнѣ лучшею у нея рекомендаціей. Она оказала мнѣ много благосклонности и просила почитать себя у нея какъ дома.

Мужъ ея, Михаилъ Никитичъ, былъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей и послѣ Карамзина, въ прозѣ, лучшимъ у насъ писателемъ своего времени. Онъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ находился при воспитаніи императора Александра, платилъ дань своему вѣку и мечталъ о народной свободѣ, пока она была еще прекрасною мечтою, а не ужасною истиной; кроткую душу его возмущало слово тиранство. Свои правила передалъ онъ женѣ, и они сдѣлались наслѣдіемъ его семейства. Но

втайнѣ она была исполнена гордости и тщеславія, а только по наружности заимствовала у мужа видъ смиренія. По мнѣнію ея, онъ не былъ достойнымъ образомъ награжденъ по воцареніи воспитанника своего за попеченія его объ немъ.

Онъ не одинъ пользовался его довѣренностію и былъ только товарищемъ министра народнаго просвѣщенія; при первомъ случаѣ вѣрно былъ бы онъ и министромъ, но смерть рано его похитила, и Государь забылъ о вдовѣ его, которую впрочемъ и не знавалъ. Неудовольствіе на правительство часто обращается въ постоянную оппозицію и принимаетъ видъ свободомыслія. Сія малорослая женщина, худая какъ сухарь, вѣчно судорожно-тревожная, отъ природы умная и образованная мужемъ, въ гостиныхъ умѣла быть тиха, воздерживаться отъ гнѣва и всѣхъ дарить улыбками. Горе только тѣмъ, кои находились въ прямой отъ нея зависимости: она была ихъ мучительницей, ихъ губительницей. Но подобно самкамъ всѣхъ лютыхъ животныхъ, чувство материнской нѣжности превосходило въ ней все, что вообразить можно.

У нея было два сына, которые оба походили на отца душой и сердцемъ, а старшій даже и умомъ. Меньшой, малолѣтній, находился при ней; старшаго Никиту, офицера Генеральнаго Штаба, ожидала она съ нетерпѣніемъ изъ арміи. Всѣ радости, всѣ надежды ея сосредоточивались на немъ, и онъ былъ дѣйствительно того достоинъ. Къ несчастію, поручила она образованіе его сорванцу, Якобincu Магіёру. Идеями, согласными съ ея образомъ мыслей, вкрался онъ въ ея довѣренность и заразилъ ими воображеніе отрока, но не могъ испортить его сердца. Не могла того сдѣлать и мать, вливая въ него желчь свою и раздражая его противъ верховной власти.

Я сказалъ, что она была богата; тогда пользовалась она только частію слѣдуемаго ей имущества. У нея живъ былъ еще отецъ, осмидесятилѣтній скупой старецъ, сенаторъ Ѳедоръ Михайловичъ Колокольцовъ, баронъ по неволѣ *). Долго, очень долго голосъ опытнаго, умнаго и злаго старика увлекалъ въ Сенатъ невнимательныхъ или несвѣдущихъ сочленовъ. Онъ уже слабѣлъ и вскорѣ потомъ умолкъ. Тогда домъ разбогатѣвшей его дочери сдѣлался однимъ изъ роскошнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ въ столицѣ. Встрѣчая въ немъ почти всѣхъ моихъ знакомыхъ, сдѣлался я частымъ его посѣтителемъ. Что я послѣ

*) Надѣясь на кредитъ зятя, въ коронацію Александра, Колокольцовъ изъявилъ желаніе получить графское достоинство. Государь, улыбаясь, пожаловалъ его барономъ, и раздосадованный Колокольцовъ, даже въ официальныхъ бумагахъ, никогда не хотѣлъ употребить сего титула.

въ немъ увидѣль, увидать и читатели, если Записки сіи не прекратятся.

Въ домахъ Влудова и Муравьевой познакомился я съ двумя молодыми людьми, коихъ пріязню и благорасположеніемъ имѣю право гордиться. Я только что назвалъ Дмитрія Васильевича Дашкова, когда онъ пріѣхалъ съ Дмитріевымъ служить въ Петербургъ; нѣсколько разъ видѣль я его, кажется, даже и разговаривалъ съ нимъ, но вообще онъ не спѣшилъ знакомиться. Онъ былъ въ лучшихъ годахъ жизни, высокъ ростомъ, имѣлъ черты правильныя и красивыя, видъ мужественный и скромный вмѣстѣ. Въ обществѣ казался онъ даже нѣсколько угрюмъ, смотрѣлъ задумчиво и разсѣянно, и рѣдко кому улыбался; за то улыбка его была пріятна, какъ отъ скупаго дорогой подарокъ; только въ пріятельскомъ кругу скупой дѣлался расточителемъ. Незнакомые почитали Дашкова холоднымъ и мрачнымъ: онъ весь былъ любовь и чувство; былъ чрезвычайно вспыльчивъ и нетерпѣливъ, но необычайная сила разсудка, коимъ одарила его природа, останавливала его въ предѣлахъ умѣренности. Эта вѣчная борьба съ самимъ собою, въ которой почти всегда оставался онъ побѣдителемъ, проявлялась и въ рѣчахъ его, затрудняла его выговоръ: онъ заикался. Когда же касался важнаго предмета, то говорилъ плавно, чисто, безостановочно; таже чистота была въ душѣ его, въ слогѣ и даже въ почеркѣ пера.

Онъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, но не былъ богатъ. Когда былъ онъ еще мальчикомъ, Дмитріевъ замѣтилъ его литературныя способности и поощрялъ ихъ. Онъ служилъ въ Иностранной Коллеги, когда Дмитріева сдѣлали министромъ юстиціи; привлеченный имъ, онъ перешелъ на другую стезю. На трехъ дорогахъ, по которымъ въ самой первой молодости повела его судьба, умѣлъ онъ отличиться. Упражняясь пристально въ дѣлахъ судебныхъ, въ минуты отдохновенія продолжалъ онъ предаваться любимымъ юношескимъ занятіямъ своимъ. Маленькая брошюра, подъ названіемъ: *О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критики*, была праща, съ которою сей новый Давидъ вступилъ въ борьбу съ тогдашнимъ Голіаеомъ, Шишковымъ. Я счелъ не излишнимъ означить здѣсь первыя начала прекрасной полезной жизни, которой конецъ осужденъ я былъ оплакать. Я знавалъ людей, которые имѣли несчастіе ненавидѣть Дашкова; презирать его никто не смѣлъ и не умѣлъ.

Двоюродный племянникъ покойнаго Муравьева, Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, въ домѣ его вдовы былъ принятъ какъ сынъ родной. Подъ руководствомъ благодѣтельнаго дяди, съ малолѣтства посвятилъ онъ себя поэзіи. Но лишь только прошелъ первый слухъ о

дальней опасности, грозящей отечеству, бросилъ онъ лиру и схватилъ мечъ. Онъ вступилъ въ Петербургскую милицію, и съ нею, будучи почти мальчикомъ, сражался въ 1807 году и былъ раненъ. Изъ военной службы его не выпустили и перевели офицеромъ въ гвардейскій егерскій полкъ; тутъ опять пошелъ онъ въ походъ противъ Шведовъ, опять дрался и опять былъ раненъ. Сложенія былъ онъ не крѣпкаго, здоровье и нервы его послѣ того разстроились; онъ долженъ былъ оставить службу. Когда силы возвратились къ нему, въ 1813 году поспѣшилъ онъ къ знаменамъ отчизны и подъ ними вступилъ въ Парижъ. Потомъ опять принялся онъ пѣть стихи свои; я говорю пѣть, ибо они—музыка. Въ нихъ и въ его гармонической прозѣ видна вся душа его, чистая, благородная, то дѣтски веселая, то нѣжно унылая. Въ такія лѣта, когда рассудокъ еще не образовался, врожденный вкусъ уже указалъ ему на недостатки многихъ бездарныхъ нашихъ писателей, и когда другіе безотчетно поклонялись имъ, онъ въ забавныхъ стихахъ: *Видѣніе на берегахъ Леты*, позволилъ себѣ ихъ осмѣять. Ими почти никого не раздражилъ онъ; не то еслибы намъ грѣшнымъ! И вотъ привилегія добродушія: его насмѣшки получаютъ всегда просто названіе шутокъ.

Онъ давно уже былъ завербованъ въ Оленинское общество, о коемъ говорилъ я въ предыдущей части. Во время долгаго отсутствія моего изъ Петербурга, согласіе въ образѣ мыслей сблизило его сперва съ Тургеневымъ, потомъ съ Дашковымъ и Блудовымъ. Составилась пріятная, безпритворная, холостая компанія, и вечернія бесѣды наши оживляли Батюшковъ веселымъ, незлобивымъ остроуміемъ своимъ. Мы недавно были знакомы, а его уже беспокоило затруднительное положеніе мое, и онъ помышлялъ о средствахъ меня изъ него вывести.

Послѣ смерти графа Строгонова, Оленинъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Художествъ и директоромъ Императорской Публичной Библіотеки. Она помѣщена была въ прекрасномъ закругленномъ зданіи, построенномъ при Екатеринѣ на углу Невскаго проспекта и Садовой улицы, и на двѣ трети составлена была изъ завоеванной въ Варшавѣ библіотеки графа Залудкаго. Съ прибрѣтенными прежде и вновь приобрѣтаемыми твореніями, число книгъ было довольно значительное, но всѣ онѣ, неразобранныя, лежали грудями. Заботливый Оленинъ составилъ новое положеніе и новый штатъ для заведенія сего, и они были утверждены въ началѣ 1812 года; послѣ того книги коекакъ приведены въ нѣкоторый порядокъ. Тутъ нужны были ученые, а новыя мѣста, раздѣленныя на библіотекарей и ихъ помощниковъ, Оленинъ роздалъ поэтамъ и приближеннымъ своимъ. Въ числѣ первыхъ прежде его находился одинъ человѣкъ, который бы могъ быть весьма

полезенъ, братъ генерала графа Сухтелена, Руфъ Корниловичъ, съ которымъ путешествовалъ я по Сибири. Но онъ устарѣлъ, безъ брата жить не могъ и, получивъ отпускъ, отправился къ нему въ Стокгольмъ; оттуда прислалъ онъ просьбу объ отставкѣ. Его-то мѣсто втайнѣ прочилъ мнѣ Батюшковъ и для того желалъ познакомить меня съ домомъ Олениныхъ. Симъ мѣстомъ могли быть удовлетворены скромныя желанія мои: хорошая квартира съ дровами, полторы тысячи рублей ассигнаціями жалованья и занятія по вкусу, вотъ что, по тогдашнему мнѣнію моему, казалось достаточнымъ на цѣлую жизнь.

Хотя по извѣстности Батюшкова, его чрезвычайно и приголубивали у Олениныхъ, но онъ на одного себя не понадѣялся, зная, что есть существо, которое мало-по-малу овладѣло всѣмъ этимъ домомъ. Разъ, прогуливаясь со мною вмѣстѣ, какъ будто не нарочно завелъ онъ меня къ другу своему, Гнѣдичу. Кривому Пилладу было мало одного Ореста, Крылова; тотъ никогда не отпирался отъ его дружбы, но никогда и не сознавался въ ней; легче было приобрести ее у пылкаго Батюшкова. Тѣсная связь между ими сплетена была какъ изъ хитрости Украинца, такъ и изъ добросердечія и довѣрчивости Русскаго. Предупредивъ Гнѣдича о своихъ и моихъ намѣреніяхъ, онъ какъ будто нечаянно вспомнилъ о томъ, дабы у перваго посѣщенія отнять видъ презентаціи и просительности. Пріемомъ остался я доволенъ; въ немъ было даже нѣчто пріязненное. Черезъ нѣсколько дней Гнѣдичъ самъ зашелъ навѣстить меня и объявить, что дѣло можно почитать, какъ говорится, въ шляпѣ; что оно могло бы тотчасъ быть окончено, но что Сухтеленъ при отставкѣ требуетъ полный пенсіонъ и чинъ статскаго совѣтника, чего нельзя сдѣлать безъ Государя, а онъ кромѣ самаважнѣйшихъ бумагъ не велѣлъ ничего присылать къ себѣ въ Вѣну, но вѣроятно скоро возвратится. Онъ сказалъ мнѣ, что Оленинъ самъ очень желаетъ познакомиться со мною, но что чрезвычайно озабоченъ по новой должности на него возложенной, и свободныя минуты посвящаетъ семейству своему, живущему до зимы на дачѣ его, Пріютинѣ, въ двадцати верстахъ отъ Петербурга. И дѣйствительно, контрастъ между Сперанскимъ, столь примѣчательнымъ по необыкновенному уму своему и познаніямъ, и преемникомъ его Шишковымъ, который въ Славянской лингвистики ничего не смыслилъ, былъ слишкомъ разителенъ, чтобы сей послѣдній могъ долго оставаться на его мѣстѣ государственнымъ секретаремъ. Онъ уволенъ, и исправленіе этой должности поручено было Оленину.

Живши посреди друзей Русской литературы, я непримѣтнымъ образомъ съ нею ознакомился и сталъ болѣе заниматься ею. Все что ни затѣвалъ я въ жизни, приходило мнѣ въ голову внезапно, неужи-

данно; разъ поутру сказалъ я самъ себѣ: дай попробую, и принялся писать, что бы вы думали? историческій словарь великихъ мужей въ Россіи. Этотъ трудъ уже самъ по себѣ мнѣ былъ не подѣ силу; но былъ еще другой, гораздо важнѣе, отрывать источники, копаться въ нихъ; сей послѣдній испугалъ меня, отнял у меня всю бодрость. А покажѣсть написалъ я нѣсколько статей и имѣлъ безстыдство показать ихъ Блудову. Его неистощимая снисходительность ко мнѣ ослѣпила ли его, или онъ нашелъ, что для неопытнаго дѣйствительно недурно и надѣялся что со временемъ могу набить я руку, только похвалилъ меня. Похвала изъ устъ такого строгаго судьи въ литературѣ чрезвычайно возбуждательна и... и, какъ говорится, пошла писать! Судя по связямъ моимъ, хотя написалъ я немного строгъ и ни одной не напечаталъ, безграмотные начали подозрѣвать меня въ авторствѣ, и сіе дало мнѣ новое право на званіе бібліотекаря.

Наконецъ, въ Ноябрь, Алексѣй Николаевичъ и Елисавета Марковна Оленины возвратились изъ Пріютина и открыли домъ свой. Я вступилъ въ него твердою ногой, упираясь на трехъ поэтовъ, на прежняго наставника моего Крылова, на Гнѣдича и на Батюшкова. Подобнаго дома трудно было бы сыскать тогда въ Петербургѣ, нынѣ невозможно, и я думаю услужить потомству, изобразивъ его. Начнемъ съ хозяина. Принадлежа по матери къ Русской знати, будучи роднымъ племянникомъ князя Григорія Семеновича Волконскаго, Оленинъ получилъ аристократическое воспитаніе, выученъ былъ иностраннымъ языкамъ, посылаемъ былъ за границу. Древность дворянскаго рода его и состояніе весьма достаточное не дозволили бы однакоже ему, подобно знатымъ, ожидать въ праздности наградъ и отличій, подобно имъ быть знакому съ одною роскошью и любезностью гостиныхъ. Вѣроятно, онъ это почувствовалъ, а можетъ-быть, по врожденной склонности, сталъ прилежать къ наукамъ, пріучать себя къ трудамъ; онъ прослужилъ цѣлый вѣкъ и пріобрѣлъ много познаній, правда, весьма поверхностныхъ, но которыя въ его время и въ его кругу заставили видѣть въ немъ ученаго и дѣловаго человѣка. Его чрезмѣрно сокращенная особа была отмѣнно мила; въ маленькомъ живчикѣ можно было найти тонкій умъ, веселый нравъ и доброе сердце. Онъ не имѣлъ пороковъ, а нѣсколько слабостей, свѣтомъ извиняемыхъ и даже раздѣляемыхъ. Напримѣръ, никогда не измѣняя чести, былъ онъ, какъ всѣ служащіе въ Петербургѣ быть должны, искателемъ въ сильныхъ при дворѣ и чрезвычайно уступчивъ въ сношеніяхъ съ ними. Также, по пословицѣ, всегда гонялся онъ за всѣми зайцами вдругъ; но, не по пословицѣ, настигалъ ихъ: у котораго оторветъ лоскутъ уха, у котораго клочекъ шерсти, и сими трофеями любилъ онъ украшать не только

кабинетъ свой, а отчасти и гостиную. Онъ имѣлъ притязанія на званіе литератора, артиста, археолога; даже тѣ люди, кои видѣли несомнѣтельность сихъ претензій, любя его, всегда готовы были признавать ихъ правами. Самъ Александръ шутя прозвалъ его Tausendkünstler, тысячейскусникомъ.

Его подруга, исключая роста, была во многомъ съ нимъ схожа. Эта умная женщина исполнена была доброжелательства ко всѣмъ; но въ изъявленіи его нѣкоторая преувеличенность заставляла иныхъ весьма несправедливо сомнѣваться въ его искренности. Она была дочь извѣстнаго при Елисаветѣ и потомъ долго при Екатеринѣ Марка Федоровича Полторацкаго, основателя придворной капеллы пѣвчихъ и чрезвычайно многочисленнаго потомства. Характеръ имѣетъ также свою особую физіономію какъ и лицо, и единообразіе ея выпечатано было на всѣхъ дѣтяхъ его обоого пола; всѣ они склонны были, смотря по уму каждаго, къ пріятному или скучному балагурству; объ одномъ изъ нихъ, Константинѣ, гдѣ-то вскользь я упомянулъ. Склонность, о которой сейчасъ говорилъ я, и любовь къ общезитію, побѣждали въ Елисаветѣ Марковнѣ самыя тѣлесныя страданія, коимъ такъ часто была она подвержена. Часто, лежа на широкомъ диванѣ, окруженная посѣтителями, видимо мучась, умѣла она улыбаться гостямъ. Я находилъ, что тутъ и мужская твердость воли, и ангельское терпѣніе, которое дается однимъ только женщинамъ. Ей хотѣлось, чтобы всѣ у нея были веселы и довольны, и желаніе безпрестанно выполнялось. Нигдѣ нельзя было встрѣтить столько свободы удовольствія и пристойности вмѣстѣ, ни въ одномъ семействѣ—такого добраго согласія, такой взаимной нѣжности, ни въ какихъ хозяевахъ—столь образованной прівѣтливости. Всего примѣчательнѣе было искусное сочетаніе всѣхъ пріятностей Европейской жизни съ простотой, съ обычаями Русской старины. Гувернантки и наставники, Французы, Англичанки и дальнія родственницы, проживающія барышни и нѣсколько подчиненныхъ, обратившихся въ домохадцевъ, наполняли домъ сей какъ Ноевъ ковчегъ, составляли въ немъ разнородное, не менѣе того весьма согласное, общество и давали ему видъ трогательной патріархальности. Я увѣренъ, что Крыловъ болѣе всѣхъ умѣлъ окрасить его въ Русскій цвѣтъ. Замѣтно было, какъ пріятно было умному и уже нѣсколько пожилому тогда холостяку давать себя отгармливать въ немъ и баловать. Посѣщаемый знатью и лучшимъ обществомъ Петербургскимъ, домъ сей былъ уважаемъ; по моему онъ могъ назваться образцовымъ, хотя имѣлъ и мало подражателей. Въ послѣдніе годы существованія старыхъ супруговъ, когда Россія такъ и вѣвлася въ европеизмъ, онъ сдѣлался анахронизмомъ. Миръ праху вашему, чета неоцѣненная! Оставайтесь

неразлучны въ другомъ мірѣ, какъ связаны были въ этомъ! Я иногда тоскую по васъ. Простите мнѣ, если безпристрастіе и правдолюбіе мое вынудили меня коснуться нѣкоторыхъ несовершенствъ, нераздѣльныхъ съ человѣческою слабостію. Тѣни, наведенныя мною на свѣтлую картину жизни вашей, я думаю, еще болѣе выказываютъ всѣ красоты ея.

Итакъ, зиму эту провелъ я довольно пріятнымъ образомъ, стараясь помаленьку забывать свое Пензенское горе. Въ продолженіе сей зимы пришлось мнѣ сдѣлать небольшое путешествіе. Въ самомъ началѣ сихъ Записокъ сказалъ я, что дѣдъ мой съ отцовской стороны заложилъ на пятьдесятъ лѣтъ все маленькое имущество свое, состоящее изъ двухъ мызъ въ Везенбергскомъ округѣ, въ Евскомъ кирхшпиглѣ, съ такимъ условіемъ, чтобы залогодержатель, владѣя имъ, вѣсто процентовъ пользовался доходами съ него. Отцу моему чрезвычайно хотѣлось, чтобы родовое имѣніе сіе возвращено было фамиліи его. Во исполненіе желанія его, для нея священнаго, мать моя, согласно съ условіемъ, за два года до истеченія срока предъявила Эстляндскому Губернскому Правленію намѣреніе свое имѣніе выкупить. Срокъ приблизился, и она прислала мнѣ бумагу, уполномочивающую меня дѣйствовать отъ имени всего семейства съ нѣкимъ Александромъ Никитинымъ, крѣпостнымъ человѣкомъ, прикащикомъ ея, проворнымъ, вѣрнымъ и рачительнымъ о барскихъ выгодахъ: такихъ нынѣ уже болѣе нѣтъ.

На другой день Богоявленія, мы выѣхали съ нимъ по Рижскому тракту на наемныхъ извозчикахъ. На всемъ этомъ пути до самой границы, частному лицу и съ подорожной невозможно было имѣть почтовыхъ лошадей, развѣ платя двойные или тройные прогоны. Смотрители на станціяхъ и трактирщики все были одни Нѣмцы; первые прижимали путешествующихъ, послѣдніе обирали ихъ. Внутри Россіи можно было еще иногда на плута прикрикнуть; тутъ было дѣло другое: народъ былъ хотя хищный, но гордый и самолюбивый, потому что умѣлъ пріобрѣсть покровителей въ почтовомъ департаментѣ. До Нарвы на всѣхъ станціяхъ выстроены уже были красивые, каменные дома для проѣзжающихъ, съ просторными, свѣтлыми и чистыми комнатами, довольно хорошо меблированными; окончательно и успѣшно были они отдѣланы для проѣзда королевы Прусской. На входъ въ нихъ, мнѣ безподорожному, давало право требованіе обѣда, ужина или чая; плата за входъ обходилась довольно дорого. Дома сіи называли шагами къ просвѣщенію; съ этимъ я согласенъ и желаю, чтобы по большей части такими шагами подвигались мы къ нему.

Прибывши въ Нарву, не знаю по чьему совѣту, остановился я въ маленькомъ предмѣстіи, Ивангородѣ, у трактирщика Юргенса. Оттуда

отправилъ я Александра Никитина къ владѣющему имѣніемъ, изъ руки въ руки переходившимъ, отставному полковнику Борису Владимировичу Ребиндеру, возвѣстить о моемъ прїѣздѣ и спросить: гдѣ ему угодно будетъ назначить мѣсто для совѣщаній. Оставшись безъ него одинъ, и первый разъ въ жизни совѣмъ безъ слуги, мнѣ было весьма невесело. Горе мое умножалъ дешевый, но уже слишкомъ умѣренный, столъ и хозяинъ, съ которымъ пришлось мнѣ жить почти въ одной комнатѣ и который половину дня бывалъ пьянъ. Мрачный и молчаливый поутру, послѣ обѣда дѣлался онъ говорливъ и фамиліаренъ, дерзокъ и шутливъ; а вы знаете, какъ несносны шутки Нѣмца-простолюдина! Въ совершенной скукѣ, не зная что дѣлать, пока бывало свѣтло, все бродилъ я пѣшкомъ. Осмотрѣвъ старый замокъ, Русскими по сю сторону Наревы построенный, въ два дня разъ десять побывалъ я въ самомъ городѣ, котораго тѣсныя улицы и древняя архитектура сначала были для меня любопытною новостью; наконецъ я ходилъ къ расхваленному мнѣ водопаду, у котораго вокругъ него построенныя мельницы отнимаютъ всю поэзію. На третій день рано поутру, лишь успѣлъ я встать и одѣться, послышался мнѣ ужасный крикъ. Загорѣлось на чердакѣ, и я нашелъ работниковъ усиливающихъ залить огонь. Пока они тушили пожаръ, возгорѣлась жестокая брань между Юргенсомъ и его толстою супругой. Онъ разсудилъ въ этотъ день напиться до свѣту; при видѣ опасности исполнился онъ ярости и страха, началъ упрекать жену въ небрежности, поносить ее; она ему отвѣчала, и кончилось тѣмъ, что онъ прибилъ ее до крови. Въ негодованіи своемъ она сбѣжала внизъ, схватила дѣтей и опрометью помчалась къ какому-то богатому родственнику Гросслуну, давъ клятву никогда не возвращаться.

Я готовъ былъ за нею послѣдовать; мнѣ приходилось уже не въ мочь, какъ вдругъ явился мой Никитинъ и привезъ приглашеніе г. Ребиндера посѣтить его мызу не подалеку отъ станціи Вайвары. Никитинъ поступилъ какъ настоящій дипломатъ: онъ успѣлъ увѣрить Ребиндера, что я очень высоко цѣню честь быть Эстляндскимъ помѣщикомъ, и что въ Петербургѣ занялъ я семь тысячъ рублей серебромъ, дабы выкупную сумму внести всю сполна, тогда какъ присланныхъ матерью моею денегъ не было на то и четвертой доли *). Онъ изъяснилъ также желаніе осмотрѣть имѣніе въ подробности, и самъ Ребиндеръ возилъ его по полямъ и рощамъ: вотъ отчего замедлилось его возвращеніе. Не полѣнись только Русскій человѣкъ, онъ всегда проведетъ Нѣмца.

*) Суммы, которую по письму и довѣренности моей матери долженъ былъ я получить въ Петербургѣ, мнѣ не дали и очень хорошо сдѣлали.

Я прїѣхалъ на готовое: мнѣ не оставалось солгать ни одного слова. Г. Ребиндеръ старался мнѣ доказать всѣ невыгоды этого владѣнія. «Надобно самому тутъ жить, говорилъ онъ, и заниматься экономіей, чтобы извлечь изъ него какую-нибудь пользу; правда, лѣсу много, но онъ здѣсь не по чемъ; мужики лѣнны, и составляется проектъ объ ихъ освобожденіи: тогда дворяне лишатся половины своихъ доходовъ». Болѣе всего испугалъ онъ меня однимъ изъ условій закладной, мною незамѣченнымъ: сказано, что за детеріорацію (ущербъ) наследники ничего не имѣютъ права взыскивать, а за всякую меліорацію (улучшеніе) должны платить; изъ одного этого могъ бы выйти процессъ. Я молчалъ, а послѣ какъ будто сталъ колебаться, и когда онъ мнѣ предложилъ семь тысячъ рублей серебромъ въ наличности, дабы временное владѣніе превратить въ вѣчное, я едва могъ скрыть свою радость: онъ могъ бы не дать мнѣ ни одной копѣйки. Я для пристойности сталъ торговаться, но онъ устоялъ на своемъ. По странности случая, отрицательный мой актъ подписанъ нами, съ приложеніемъ печатей, равно черезъ пятьдесятъ лѣтъ, изо дня въ день, послѣ закладной, 14 Января 1815 года. *)

Всего прожилъ я тутъ дни два, и мнѣ показалось весьма прїятно, особливо послѣ Нарвскаго сраженія, коего былъ я только что зритель. Семейство было доброе, честное и образованное, Нѣмецкое семейство, какихъ нынѣ найдти только можно въ романахъ Августа Лафонтена. Сынъ г. Ребиндера, Борисъ Борисовичъ, человекъ уже въ лѣтахъ, находился въ отпуску и помогалъ отцу угащивать прїѣзжающихъ. Онъ служилъ въ Морскомъ Министерствѣ и по женѣ своей, урожденной Брунъ, былъ своякомъ морскаго министра, маркиза де-Траверсе. Тутъ была еще одна родственница, двадцатипятилѣтняя замужняя женщина, г-жа Гертетъ, которая обворожила меня. Полная, но стройная имѣла она прекрасныя черты и блѣдно-здоровый цвѣтъ лица. Она знала одинъ только Нѣмецкій языкъ, на немъ выражалась умно и красно и очаровательнымъ голосомъ своимъ его грубое нарѣчіе умѣла превращать въ небесную гармонию. Чтò, подумалъ я, еслибы наши красавицы захотѣли говорить по-русски! На обратномъ пути, разумѣется, не останавливался я у Юргенса, однакоже не оставилъ, чтобы не освѣдомиться о его домашнихъ дѣлахъ, и узналъ, что неумолимая супруга не поки-

*) Многорѣченный чудакъ Кошѣвъ, который безпрестанно покупалъ и продавалъ маленькія имѣнія вокругъ Петербурга и для того читалъ всѣ печатныя объявленія о продажахъ, встрѣтись со мною, воскликнулъ: „Помилуй, братецъ, чтò это ты сдѣлалъ? (тогда кто десятью годами былъ старѣе, позволялъ себѣ говорить *ты*). Я прочелъ въ Эстляндской газетѣ, что ты уступилъ право называться фонъ-Иллукъ, фонъ-Куртна. Да знаешь ли, что это не шутка: у нихъ кто фонѣ, тотъ и знатнѣе.»

даетъ своего убѣжища, а онъ продолжаетъ упиваться въ одиночествѣ. Тоже самое было мнѣ подтверждено, когда, три года спустя, случилось мнѣ опять проѣзжать Нарву. Отправивъ Александра Никитина въ Пензу съ вырученною мною суммой, весьма небольшую часть ея оставилъ я себѣ, и это помогло мнѣ въ этомъ году менѣе нуждаться.

Во время десятидневнаго отсутствія моего изъ Петербурга, разумѣется, никакой перемѣны въ немъ произойти не могло. Только я нашелъ, что приближеніе масляницы еще болѣе располагало всѣхъ къ веселостямъ. Въ этомъ шумѣ, кажется, забыли думать какъ о прошедшемъ, такъ и о будущемъ.

Беззаботное тогда Петербургское общество нисколько не дивилось продолжительности нескончаемаго Вѣнскаго конгресса. Повторяя чужія слова, онъ не идетъ, говорило оно, оттого что пляшетъ. Немногимъ, однакоже, привыкшимъ разсуждать казалось странно, что дѣло, повидимому рѣшенное торжествомъ Александра и наденіемъ Наполеона, можетъ встрѣчать еще какія-либо препятствія. Франція одна могла бы почитать себя обиженною, но ея участь рѣшена; всѣ царственные изгнанники: Гишпанскій и Сардинскій короли, папа, давно уже вѣрнулись въ свои столицы; возстановлены дома, Оранскій, Гессенъ-Кассельскій, Брауншвейгскій. Зачѣмъ же дѣло стало? Терялись въ догадкахъ и не могли совершенно проникнуть тайну, которая покрывала совѣщанія. Никто, можетъ быть, съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ я, не ожидалъ окончанія сего конгресса Вѣнскаго, который тогда называлъ я вѣчнымъ: напередъ надобно было рѣшить судьбу Европы, чтобы потомъ рѣшить мою судьбу. Впрочемъ и я, среди всеобщаго пріятнаго усыпленія, менѣе чѣмъ бы въ другое время заботился о своей будущности. Скоро всѣхъ насъ ожидало пробужденіе, произведенное ударомъ, которымъ на нѣкоторое время потрясена была вся Европа.

XII.

У Анны Андреевны Блудовой была меньшая единственная сестра, фрейлина, княжна Марья Андреевна Щербатова. Она по зимамъ жила вмѣстѣ съ нею, а лѣто и осень проводила въ Павловскомъ и въ Гатчинѣ у императрицы Маріи Ѳеодоровны, которой особенною милостію она пользовалась. Дабы понять нижеписанное, надобно знать, что она была права веселаго, но совсѣмъ не живаго; столько флегма, ни въ комъ не случалось мнѣ находить. Одинъ вечеръ (это было 6 Марта) провели мы очень весело у старшей сестры ея. Она довольно поздно воротилась изъ дворца отъ Императрицы; входя, очень равнодушно она

сказала намъ: «слышали ли вы, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы?» Мы съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга. «Успокойтесь, продолжала она; не знали, куда онъ дѣвался и были въ тревогѣ; но получили хорошее извѣстіе: онъ вышелъ на берегъ не подалеку отъ Фрежюса». — «Ну, правда, невольно усмѣхаясь сказалъ Блудовъ, добрая вѣсти привезли вы намъ!» Мы подивились, потолковали и разѣхались.

Въ слѣдующіе дни всѣ бросились на расхватъ читать газеты и ничего не находили въ нихъ ободрительнаго. Вѣчная война въ лицѣ Наполеона быстрыми шагами шла къ Парижу. Возвратившіеся изъ Россіи многочисленные старые солдаты его поступили опять въ полки, и новое правительство имѣло неосторожность послать ихъ къ нему навстрѣчу. Съ хвастливымъ краснорѣчіемъ, приспособленнымъ къ ихъ понятіямъ и сильно дѣйствующимъ на Французское тщеславіе, были написаны объявленія его. Отъ башни до башни, говорилъ онъ, полетятъ его орлы до Парижскаго собора; и онъ сдержалъ слово. Въ тотъ самый день, въ который могли бы мы праздновать взятіе Парижа, 19 Марта, вечеромъ у Оленина я узналъ, что онъ вступилъ въ него и что Бурбоны бѣжали.

Неисповѣдимы пути, избираемые Провидѣніемъ. Доселѣ всегда самихъ враговъ нашихъ превращало оно въ полезныя для насъ орудія. Во время конгресса старый обманщикъ Талейранъ успѣлъ составить союзъ между благодарнымъ Лудовикомъ XVIII, властолюбивою Англіей, коей всею душой сей послѣдній былъ преданъ, и недовѣрчивою Австріей, противъ того что называлъ завоевательнымъ духомъ Россіи. Неизвѣстно, съ какимъ намѣреніемъ онъ это дѣлалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что о возникшихъ несогласіяхъ былъ тайно извѣщаемъ Наполеонъ. Неугомоннымъ, вертлявымъ Французамъ между тѣмъ успѣлъ уже надобѣсть ихъ благоразумный, важный и толстый король, съ своею подагрой и бархатными сапогами: онъ сдѣлался предметомъ ихъ безпрестанныхъ насмѣшекъ; въ то же время ихъ краснобаи въ камерахъ пользовались безнаказанно правомъ имъ даннымъ болтать съ дерзостію. Возможно ли было, чтобы Наполеонъ не пожелалъ воспользоваться видимою для него благопріятностію такихъ обстоятельствъ, чтобы душа Корсиканца не алкала мести, чтобы честолюбивѣйшій изъ смертныхъ не захотѣлъ вновь ухватить отъятое у него всемоущество? Онъ былъ не подѣ стражей; напротивъ, онъ имѣлъ своихъ тѣлохранителей, однимъ словомъ, онъ все-таки царствовалъ; и не знаю, имѣли ли Англичане право остановить его, еслибы встрѣтили его на морѣ. Гигантскими замыслами и геніальнымъ исполненіемъ, конечно, стоялъ онъ выше всѣхъ предтечъ своихъ во всемірномъ величіи; но свѣтозарное его поприще

было все выпачкано безстыднымъ вѣроломствомъ Итальянскихъ кондотieri среднихъ вѣковъ; ничего для него не было священнаго, никакая клятва для него не была обязательною. Слава его была безъ благородства *). Вольно же было, знаяши это, щеголять великодушiемъ, и послѣ рѣшительнаго, смертоноснаго удара, нанесеннаго революціи взятiемъ Парижа, къ истребленію ея, равно какъ и въ отношеніи къ нему, не принять самыхъ рѣшительныхъ мѣръ? Но, впрочемъ, все было къ лучшему.

Русскіе забывчивы, Нѣмцы злопамятны: имъ казалось, что только вчера спало съ нихъ тяжкое ярмо, и оно вновь грозитъ имъ. Появленіе Наполеона произвело на нихъ впечатлѣніе гораздо сильнѣе чѣмъ на насъ, и между ими находился обворожительный Александръ, воинъ-миротворецъ, личный, главный непріятель Наполеона, настоящій его соперникъ, предметъ тайной зависти правительствъ, но тогда кумиръ всѣхъ народовъ. Его могучее, звучное, ласковое слово раздалось на конгрессѣ и всѣхъ ободрило, все примирило, все соединило. Внимая этому слову, всѣ народы Европейскіе вдругъ поднялись, какъ одинъ народъ. Ошибся въ своихъ расчетахъ нетерпѣливый Наполеонъ.

Важное это происшествіе потревожило и Россію; однакоже, въ изъясненіяхъ безпокойства ея жителей видно было болѣе досады, чѣмъ страха. Въ одной только Москвѣ, говорятъ, пріостановились было съ новыми постройками, но не долго: дѣло весьма естественное, она болѣе другихъ была настрашена, а пуганая ворона, по пословицѣ, и куста боится. Въ Петербургѣ же мнѣ пріятно было видѣть, что лучшее общество заговорило однимъ языкомъ съ простымъ народомъ. Люди, разъ зазнавшись, уже не сомнѣваются въ успѣхѣ. Поступокъ Наполеона въ глазахъ нашихъ былъ ни что иное, какъ возмущеніе противъ Александра, на котораго въ двѣнадцатомъ году всѣ смотрѣли мы съ обиднымъ состраданіемъ и въ котораго черезъ три года вѣровали безпредѣльно. Грозный же повелитель народовъ, законодатель цѣлой Европы, ужасъ Россіи, который имя свое долженъ былъ дать столѣтію, въ которомъ жилъ, казался намъ отчаяннымъ пройдохой, которому нечего было терять и который въ послѣдній разъ хочетъ испытать свое счастье. Сама Франція, сума переметная, въ мнѣніи нашемъ ниспала до состоянія слабой; вѣчно мятежной Польши, которую Россія столько

*) Не Юлій Кесарь и не Карлъ Великій были сначала его образцами, а Висконти, Галеасъ Сфорца, Скала, Медичи, Малатеста. Въ немъ ожили всѣ эти храбрые, хитрые и счастливые клятвopеступники, которые задушили маленькія республики, неосторожно вручившія имъ власть надъ собою, и которыхъ исторія среднихъ вѣковъ запятнала прозваніемъ тирановъ. Кругъ дѣйствія ихъ былъ только тѣснѣе, но во всѣхъ нихъ можно видѣть микроскопическихъ Наполеоновъ.

разъ безъ труда унимала. Даже простой народъ полагалъ, что съ Бонапартомъ также легко будетъ справиться, какъ съ Костюшкой (Косцюшко), и что казакъ на арканѣ вѣрно притащить его въ Русскій станъ. Чтò дѣлать? Видно Небу не угодно наше высокомѣріе; тотъ самый, кто далъ намъ всѣ причины, даровалъ намъ всѣ права возгордиться, увы! послѣ того всемѣрно трудился, чтобы сбавить у насъ слѣси.

Гвардія начала живо приготовляться къ походу и съ открытіемъ весны выступила изъ Петербурга. Радость была написана на лицахъ офицеровъ; они надѣялись опять пошатнуться въ Пале-Рояль, и когда ихъ спрашивали, куда имъ велѣно идти, они очень просто отвѣчали: да куда же? въ Парижъ! Нашу новую столицу болѣе всего можно называть гвардейскимъ городомъ. Гвардія составляетъ значительную часть Петербургскаго населенія; они родились почти въ одно время и вмѣстѣ росли и расширялись: безъ нея онъ какъ будто сиротѣть; я нахожу даже, что безъ нея онъ на себя не похожъ. Это первый разъ могъ я замѣтить только въ 1815 году, ибо во время троекратной отлучки ея изъ Петербурга и меня въ немъ не было.

Какъ ни любопытны сдѣлались опять заграничныя извѣстія, какъ сильно ни возбуждалось всеобщее вниманіе происходящимъ во Франціи, приготовленіями къ возгорающейся войнѣ, это никому не мѣшало заботиться о томъ, какъ бы пріятнѣйшимъ образомъ провести наступающее лѣто. Блудовъ для маленькаго семейства своего нанялъ не весьма большую дачу; а какъ за удобнымъ размѣщеніемъ этого семейства, все еще оставалась одна лишняя комната, то онъ предложилъ мнѣ занять ее, и такъ же, какъ въ 1811 году, раздѣлить съ нимъ лѣтніе веселые досуги.

То, чтò назвалъ я дачей, былъ одинъ изъ двухъ деревянныхъ, продолговатыхъ, двухъэтажныхъ домовъ, которые на Крестовскомъ островѣ стоятъ близнецами, вблизи стараго, долговѣчнаго трактира и неподалеку отъ большаго перевоза съ Колтовской. Крестовской островъ былъ нѣкогда уединеннѣйшимъ мѣстомъ въ окрестностяхъ Петербурга, далѣе всѣхъ другихъ острововъ выдвинутый во взморье; трехверстное его пространство со всѣхъ сторонъ окружено широкими протоками Невы и покрыто было дремучимъ непроходимымъ лѣсомъ. Съ удаленнѣйшими частями города имѣлъ онъ сообщеніе только посредствомъ лодокъ. Императрица Елисавета Петровна любила вездѣ ставить маленькіе дворцы; построенное тутъ при ней каменное зданіе имѣло форму Андреевскаго креста, да, сверхъ того, сдѣланы были крестообразно двѣ просѣки, одна вдоль, другая поперекъ острова. Увѣряютъ, чтò это дало ему названіе Крестовскаго; другіе утверждаютъ, что будто какой-то найденный въ немъ деревянный крестъ: хорошенько никто не

знаеть. Императрица подарила это мѣсто любимцу своему графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому; отъ него перешло оно къ брату и наслѣднику его Кирилу Григорьевичу, у котораго вездѣ были дворцы и загородные дома. Крестовскій островъ былъ совсѣмъ заброшенъ, и при Павлѣ, когда въ Петербургѣ всякій сбывалъ собственность свою за ничто, былъ опъ проданъ за девяносто тысячъ рублей ассигнаціями расчетливой княгинѣ Бѣлосельской, тогда какъ одного лѣса было въ немъ на полмиліона.

Когда, въ началѣ царствованія своего, Александръ полюбилъ Каменный островъ и твердымъ мостомъ соединилъ его съ Крестовскимъ, тогда вся эта сторона ожила. Мужъ княгини Бѣлосельской, человекъ со вкусомъ образованнымъ, хотя довольно страннымъ, поселившись на островѣ, имъ принадлежащемъ, исправилъ и украсилъ домъ и развелъ подлѣ него садъ. Онъ поселилъ нѣсколько крестьянъ противъ Елагина острова, и уголь между Каменнымъ и Аптекарскимъ очистивъ отъ лѣса, построилъ на немъ увеселительныя примазки, качели и горы, и уже въ 1802 году Французъ Торсі, во Французскихъ стихахъ, воспѣлъ это мѣсто подъ именемъ Жоли-Кантона. Лучшее общество сперва мало посѣщало еще сію прогулку, за то деревенька противъ Елагина съ нововыстроеннымъ трактиромъ сдѣлалась вожделѣннымъ мѣстомъ для Нѣмцевъ и особенно для молодыхъ Нѣмокъ: наканунѣ каждаго лѣтняго воскреснаго дня уже все твердили онѣ про Крестовски. Тамъ, въ трактирной залѣ, можно было найти тогда то, чтѣ на провинціальныхъ балахъ, а можетъ быть и на нѣкоторыхъ Петербургскихъ, сдѣлалось нынѣ тажъ обыкновенно: табачный дымъ столбомъ и посреди его неутомимую пляску. Когда графъ Строгановъ скончался, въ концѣ 1811 года, дача его покрылась трауромъ, звуки музыки умолкли на ней, открытое мѣсто на Крестовскомъ сдѣлалось средоточіемъ веселостей для всѣхъ окрестныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, островитянъ, и княгиня Бѣлосельская, уже вдовствующая, всѣми признана за Lady des Isles. Вокругъ новаго гулянья построила она нѣсколько домовъ, и въ одномъ изъ нихъ, по милости Блудова, пришлось мнѣ провести это лѣто.

Житіе мнѣ было славное: общество самое для меня пріятное, квартира, столъ,—все даромъ; только это продолжалось недолго. Супруга Блудова была вновь беременна, и не знаю почему, не хотѣла родить на дачѣ. Въ половинѣ Іюля хозяева мои вдругъ переѣхали въ городъ, а я остался и изъ гостя превратился въ хозяина, только безъ хозяйства, ибо некогда и не для чего было мнѣ имъ заводить. По близости отъ меня находился трактиръ, но въ цѣломъ Петербургѣ

нигдѣ нельзя было найти кушанья хуже и дороже. Бѣдѣ этой помогли сосѣди, и я опять долженъ сдѣлаться портретистомъ.

Рядомъ съ нами, домъ совершенно нашему подобный занималъ одинъ прелюбезнѣйшій молодой человекъ; живши, такъ сказать, объ стѣну, какъ было не познакомиться съ нимъ? Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, графъ Михаилъ Юрьевичъ Вѣльгорскій былъ уже вдовъ; отецъ его, вельможный панъ при дворѣ Екатерины, имѣлъ знатный чинъ и былъ женатъ на богатой наслѣдницѣ, единственной дочери оберъ-гофмейстерины, графини Анны Алексѣевны Матюшкиной; отъ того-то сосѣдъ нашъ Вѣльгорскій по вѣрѣ и по сердцу принадлежалъ Россіи. При первой встрѣчѣ поразилъ меня магнетизмъ его глазъ. Съ лицомъ бѣлымъ и румянымъ, онъ только-что былъ не дурень собою; но необычайный блескъ его взоровъ, какъ бы разливаясь по чертамъ его, дѣлалъ его почти красавцемъ. Двойное происхожденіе его, двойная природа образовали изъ него человека весьма примѣчательнаго. Въ немъ было пропасть ума, но съ недостатками обоихъ народовъ: Польская живость всегда ослабляема была въ немъ лѣнностію, безпечностію совершенно Русскими, неосмотрительность Польская умѣряема Русскимъ здравомысліемъ; вся же эта смѣсь была прелесть. Какими талантами не надарила его природа? Конечно, они не бесполезны были собственно ему; но они такого рода, что могли бы еще съ большею пользою посвящены быть государству. Родись онъ безъ состоянія, безъ извѣстнаго имени, изъ него бы вышелъ славный министръ, или извѣстный писатель, или знаменитый композиторъ музыки. Чтѣ дѣлать! Можно довольствоваться и тѣмъ, что есть. Слабости его, пороки даже, милы; достоинства его внушаютъ къ нему общую любовь и уваженіе: ни непріязненнаго, ни обиднаго чувства никогда ни въ одномъ человекѣ онъ не возбуждалъ.

Разъ въ недѣлю обѣдали у него знакомые; по сосѣдству онъ и меня пригласилъ и, разумѣется, я не отказался. Посѣтители его были все люди степенные, довольно образованные, но совсѣмъ не любезные и не блистательные. Людьями учеными или дѣловыми ихъ опять нельзя было назвать, хотя разговоръ ихъ былъ дѣльный, съ примѣсью, однакоже, нѣкоторыхъ изреченій, мнѣ вовсе непонятныхъ. Моложе ихъ всѣхъ, графъ Вѣльгорскій хотѣлъ быть между ими, какъ старшій между равными; это было невозможно: разстояніе было слишкомъ велико, и я скорѣе видѣлъ въ немъ маленькаго Нѣмецкаго владѣтельнаго князя, отнѣнно снисходительнаго къ приближеннымъ своимъ подданнымъ. Мнѣ было совсѣмъ неловко среди сихъ людей, между собою чрезвычайно согласныхъ, и коихъ присутствіе мое какъ будто тяготило; еслибы не любезность хозяина и славный его обѣдъ, я бы прекратилъ свои по-

сѣщенія. Къ повторенію ихъ побуждало меня и любопытство. Загадка сія вскорѣ для меня разрѣшилась. Вѣльгорскій былъ главою одного тайнаго общества, до того безвреднаго, до того неопаснаго для государства, что въ послѣдствіи и я не убоялся принадлежать къ нему. Лишившись родителей своихъ въ ребячествѣ, онъ слишкомъ рано пользовался независимостію; къ сожалѣнію, никѣмъ не руководимый, его пылкій, испытующій умъ требовалъ пищи, и онъ попалъ на такую, которая для него была вовсе не подкрѣпительна.

На Каменномъ острову, съ Крестовскаго перейдя мостъ, былъ у меня другой обѣдъ. Не помню, сказалъ ли я гдѣ-нибудь, что у матери моей была сестра Елисавета Петровна Тухачевская, нѣсколькими годами ея старѣе, которой имѣніе, равно какъ и собственное, умѣлъ промотать въ уѣздномъ городѣ Ломовѣ мужъ ея, Сергѣй Семеновичъ. Во вдовствѣ и въ бѣдности, спокойно и весело доживала она вѣкъ у меньшей сестры, матери моей. Старшій сынъ ея, Николай Сергѣевичъ, былъ человекъ съ высокими притязаніями и низкими пороками, слѣдствіями дурнаго воспитанія и страсти къ забавамъ и роскоши. Счастіе долго улыбалось ему; онъ избранъ былъ опекуномъ груднаго ребенка, роднаго племянника и однофамильца жены своей, Надежды Александровны, урожденной Кирѣевской, у котораго было болѣе пяти тысячъ душъ крестьянъ. Когда мальчикъ осиротѣлъ, у него не было ни одной копѣйки долгу; когда же вступилъ въ совершеннолѣтіе, оказалось его до трехъ сотъ тысячъ рублей; изъ сего можно видѣть, какъ роскошно и расточительно жилъ его попечитель*). На счетъ малолѣтнаго Кирѣевскаго супруга его воспитывала дѣтей своихъ. Она была женщина предобрѣйшая; страсть ко всему Французскому была единственно ея смѣшная, слабая сторона. Она обожала Лизаньгу, дочь свою, которая была мила какъ ангелъ; но ее начинила она своими заблужденіями, съ помощію мамзелей сдѣлала ее сентиментальною, романическою, и когда маленькой мечтательницею едва исполнилось шестнадцать лѣтъ, выдала ее за миліонера, жирнаго, здороваго купца Кусова. Еслибы она искала ея погибели, то лучше бы сдѣлать не могла.

Старикъ Иванъ Васильевичъ Кусовъ торговалъ долго, честно, неутомимо и счастливо, и дѣйствительно могъ почитаться Крезомъ. Но потомство его было безчисленное; этого не разочли мои Тухачевскіе. Бѣдная дочь ихъ попала въ семейство, гдѣ ни она никого, ни ея никто не понималъ и, можетъ быть, менѣе всѣхъ мужъ ея, Николай Ивано-

*) Сдавши опеку, онъ не зналъ, чѣмъ жить и для того пошелъ опять въ службу, хотя былъ уже не въ молодыхъ лѣтахъ. Ему и тутъ посчастливилось. Онъ получилъ мѣсто губернатора сперва Архангелогородскаго, потомъ Тульскаго, полѣзъ было въ гору, но съ нея упалъ подъ судъ; не оправданный и не прощенный онъ умеръ съ горя.

вичь, котораго смѣшило слово чувствительность. Жаловаться ни на что не могла она: никто не обижалъ ея, всё тѣшили, дарили бархатами и камнями, жемчугами и алмазами, кормили на убой. А она все скучала, ныла, сердце ея еще не знало любви; но въ головѣ у нея былъ идеалъ, который могъ осуществить всякій скорѣе чѣмъ мужъ ея. Свекру ея на Каменномъ острову принадлежала земля, которую обстроилъ онъ, когда Царь въ первый разъ поселился тутъ на лѣто. Александръ весьма искусно умѣлъ соединять величіе съ простотой. Онъ не посѣщалъ первыхъ вельможъ своихъ, оставляя между ними и собою почтительное пространство, которое никто не смѣлъ перешагнуть. За то охотно заѣзжалъ онъ иногда къ нѣкоторымъ купцамъ: разстояніе было слишкомъ велико, чтобы мысль о какомъ-либо равенствѣ могла придти имъ въ голову. Почитая себя Каменноостровскимъ помѣщикомъ, онъ видѣлъ въ Кусовѣ фермера своего, у котораго старшій сынъ женатъ былъ на красивой Англичанкѣ. Она скоро умерла, но знакомства съ симъ домою Государь не хотѣлъ прекратить. Иногда приходило ему въ голову послать къ Кусову сказать, что онъ будетъ къ нему запросто обѣдать: слуги не входили въ столовую, Государь сидѣлъ съ одиными женщинами, женой, невѣстками и дочерьми хозяина, который стоялъ за его стуломъ, а зятя и сыновья подавали кушанья и перемѣняли тарелки. Эта простота нравилась Царю, и безъ всякаго тайнаго умысла онъ дѣлался веселъ и любезенъ. Очень рѣдко семейство сіе бывало счастливо его присутствіемъ, когда молодая родственница моя вступила въ него. Никакого особаго вниманія не обращалъ онъ на нее; но видъ человѣка, повелѣвающаго миліонами людей, еще молодого, прекраснаго, ласковаго произвелъ на нее неизгладимое впечатлѣніе. Окружающее еще болѣе ей опротивѣло, и она втайнѣ мѣлѣяла мечту свою. Смотри на ея тихую грусть, Кусовы спрашивали у себя: чего недостаетъ ей? Развѣ птичьего молока. Любовь, особенно безнадежная, рано или поздно всегда даетъ себя угадывать.

По причинѣ этого дальняго родства, лѣтъ пять уже какъ узналъ я Кусовыхъ и ихъ богатое житье, но видѣлъ ихъ очень рѣдко; потому что мнѣ казалось у нихъ скучно, и жили они далеко отъ середины города, въ огромномъ домѣ у Тучкова моста. Старикъ возсѣдалъ съ женой всегда на первомъ мѣстѣ за длиннымъ столомъ, по бокамъ ко- его два поколѣнія, отъ него происшедшія, перемѣшаны были съ гостями, между коими находились и довольно чиновные. Съ дворянскими понятіями моими, или пожалуй предразсудками, я находилъ, что купцу не долѣветъ такъ высоко держать себя, забывая, что богатство, а еще болѣе царскія посѣщенія во всякія лѣта могутъ кружить головы.

Старикъ былъ не говорливъ и слишкомъ невнимателенъ къ гостямъ своимъ; онъ былъ правъ: ихъ привлекали къ нему его жирные обѣды. Отъ трехъ женъ сколько имѣлъ онъ дѣтей обоего пола, этого перечестъ не могъ бы я и въ тогдашнее время; помню только, что между ими были сорокапятилѣтнія и пятилѣтнія. Желая пріятнымъ образомъ польстить ему, нѣкоторые изъ посѣтителей называли его патріархомъ; мнѣ же напоминалъ онъ собою старинную оперу Федулъ съ дѣтьми. Не подозрѣвая даже никакой потаенной страсти въ кузинѣ своей, я одинъ понялъ положеніе ея и душевно скорбѣлъ о ней, и когда всѣ другіе видѣли въ ней причудницу, я про себя называлъ ее Бѣдною Лизой. Участіе, прочитанное ею въ глазахъ моихъ, сдружило насъ. Хорошенькая эта женщина, съ нѣжными чувствами, съ умомъ и знаніемъ приличій, могла бы украсить собою всякій аристократическій кругъ. Во время отсутствія моего изъ Петербурга, она съ каждымъ мѣсяцемъ болѣе дичала, уединялась и, наконецъ, получила дозволеніе являться только по праздникамъ къ общему столу; она страдала нервическими припадками и обѣдала одна у себя въ комнатѣ. По возвращеніи моемъ, зимой, не могъ я часто съ нею видѣться; а тутъ, въ столь близкомъ сосѣдствѣ, по возможности старался я развлекать, развеселять ее; иногда въ томъ и успѣвалъ. Я съ собою вносилъ къ ней нѣкоторую отраду, и мы довольно часто обѣдали вдвоемъ, не вида противныхъ ей и мнѣ не совсѣмъ пріятныхъ, широкихъ и раздутыхъ Кусовскихъ лицъ. Въ это время, слава Богу, особенно между среднимъ состояніемъ, дальнее родство почиталось еще наравнѣ съ близкимъ; любовная связь между родными была бы непонятный грѣхъ, которому православные не захотѣли бы повѣрить, и потому-то наша пріязнь въ глазахъ самого Бога, какъ и въ глазахъ человѣковъ, не имѣла ничего предосудительнаго. О несчастной и постыдной развязкѣ этого супружества да позволено мнѣ будетъ здѣсь ничего не говорить.

Предшествовавшею зимой познакомился я вновь съ Прасковьей Ивановной и Петромъ Васильевичемъ Мятлевыми. Родители, единственный братъ и обѣ сестры Прасковьи Ивановны одинъ за другимъ отошли въ вѣчность, и все Салтыковское имѣніе досталось ей по наследству. Сдѣлать домъ свой почтеннымъ и веселымъ вмѣстѣ никто лучше ея не умѣлъ. Страсть ея къ домашнимъ театральнымъ представленіямъ не уменьшилась лѣтами, и въ одной изъ длинныхъ залъ Салтыковскаго дома, на большой набережной, воздвигла она сцену, на которой въ эту зиму нѣсколько разъ играли Французскія піесы. Я учтиво отклонился отъ участія въ сихъ представленіяхъ, но не могъ отказаться отъ другаго, нѣсколько на то похожаго. У покойной фельдмаршалши Салтыковой была двоюродная сестра, Наталья Михайловна Строгонова,

которую Мятлева уважала какъ родную тетку; и кто же не уважалъ эту святую женщину, примѣръ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей? Надобно точно думать, что Небо испытуетъ своихъ избранныхъ, насылая имъ смертельныя горести. Оставшись въ молодости вдовой, имѣла она одного только сына, барона Александра Сергѣевича, коего нѣжностію была она счастлива, коего жизнию она дышала. Онъ былъ весьма не глупъ, и добръ, и милъ, и умѣлъ хорошо воспользоваться даннымъ ему аристократическимъ тогдашнимъ воспитаніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ весьма деликатнаго сложенія, чрезвычайно женоподобенъ, и отъ того въ обществѣ получилъ прозваніе барончика. Это еще идетъ къ первой молодости, но когда онъ достигъ тридцати лѣтъ и былъ гофмейстеромъ при дворѣ, то инымъ казался нѣсколько смѣшонъ. Грозная судьба, вскорѣ его постигшая, заставила умолкнуть смѣющихся. Годъ отъ году сталъ онъ болѣе страдать и сохнуть: сперва лишился употребленія рукъ, потомъ ногъ, наконецъ и зрѣнія, и въ семь ужасномъ положеніи прожилъ нѣсколько лѣтъ. Всѣ родные по возможности старались облегчать ему тягость такого существованія. Когда наступилъ постъ и даже дома нельзя было играть на театрѣ, госпожа Мятлева изобрѣла для него новаго рода спектакль; зрѣищемъ еще менѣе назвать можно то, что придумано было для слѣпаго. Вокругъ большаго стола сажались родные и знакомые, имѣя каждый передъ собою по экземпляру трагедіи или комедіи, которую въ тотъ вечеръ читать собирались; всякій старался голосу своему дать то выраженіе, котораго требовала его роля; бѣднаго слѣпца это забавляло: онъ могъ почитать себя въ театрѣ. Я зналъ тогда хорошо одну только старую Французскую классическую литературу, особенно драматическую ея часть, и любилъ о томъ потолковать: это побудило Мятлевыхъ предложить мнѣ доброе дѣло, быть въ числѣ сихъ чтецовъ-актеровъ и, получивъ мое согласіе, они поспѣшили предупредить Строгоновыхъ о моемъ посѣщеніи.

Состраданіе къ безнадежному состоянію хозяина пріязненно расположило меня къ нему. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти отъ роду, но весь сѣдой и казался семидесяти; странно было въ старцѣ находить рѣчи и манеры молодой придворной женщины. Онъ много путешествовалъ, все помнилъ, и я находилъ разговоръ его и пріятнымъ, и занимательнымъ. Тогда свѣтскіе люди старались быть лишь вѣжливы, любезны, остроумны, не думали изумлять глубокомысліемъ, которое и въ малолюдныхъ собраніяхъ не совѣмъ было терпимо. Съ запасомъ дерзости и отвлеченностей (абстракцій, какъ говорятъ нынѣшніе писатели), съ которыми нынѣ въ обществахъ являются и проповѣдуютъ часто невѣжды и глупцы, тогда нельзя было показываться.

Строгоновъ находилъ, что у меня голосъ привлекательный, съ удовольствіемъ слушалъ меня, и эта маленькая лесть, а можетъ быть искренняя похвала, понравились мнѣ. Мы другъ друга очень полюбили.

Сіе семейство, изъ двухъ лицъ состоящее, переѣхало также на Крестовскій островъ въ небольшой павильонъ, построенный самимъ причудливымъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ, братомъ Натальи Михайловны, котораго тогда уже на свѣтѣ не было. Это малое зданіе находилось и теперь находится на самомъ гуляньѣ, по берегу рѣки, и слѣдственно саженьяхъ во ста отъ нашего жительства. Сосѣдство людей хорошо расположенныхъ другъ къ другу еще болѣе сближаетъ въ чувствахъ. Не знаю, какъ узнали они, мать и сынъ, что я, лишившись Блудова, лишился и дневнаго пропитанія, и вслѣдствіе того предложили мнѣ не только всякій день обѣдать у нихъ, но когда почувствую лѣнь или болѣзнь, то присылать къ нимъ на кухню требовать что мнѣ угодно. Симъ послѣднимъ предложеніемъ, весьма заманчивымъ, мнѣ ни разу не случилось воспользоваться.

Лѣтомъ Петербургская знать разсыпается по окрестностямъ столицы. Многіе однакоже вблизи живущіе посѣщали этотъ домъ; чаще всѣхъ невѣстка баронессы Строгоновой, вдова Бѣлосельскаго княгиня Анна Григорьевна. Слѣсивое родство видѣло въ этомъ союзѣ неровный бракъ, мезалліансъ, ибо на Русскомъ языкѣ для того слова еще не существуетъ. А между тѣмъ предки отца ея, любимаго статсъ-секретаря Екатерины, умнѣйшаго и просвѣщеннѣйшаго чловѣка своего времени, Козицкіе, Руссо-украинскаго происхожденія, долго извѣстны были на Волыни своими богатыми владѣніями, и одна изъ нихъ, яже во святыхъ, Параскевія, была основательницею Почаевскаго монастыря. Но зато мать ея, тоже преумнѣйшая женщина, имѣла несчастіе наследовать миліонамъ дяди своего, купца Твердышова. Богатство родителей съ меньшою сестрой раздѣлила Бѣлосельская пополамъ; но весь умъ ихъ ей одной уступила она. Встрѣчая меня часто, она не лично меня пригласила, а поручила баронессѣ объявить мнѣ, что въ назначенные дни, разъ въ недѣлю, могу я обѣдать у нея въ замѣтъ. Такого рода приглашеніе столь же мало полюбилось мнѣ какъ и особа ея. Никакой пользы не видѣлъ я тогда въ этомъ знакомствѣ; она казалась мнѣ такъ скучна, такъ чванно пришепетывала, что я было отказался; но почтенная старуха сказала мнѣ, что ей сдѣлаю я тѣмъ удовольствіе. И какъ вассалъ у сюзереньши своей, и то не иначе какъ вмѣстѣ съ Строгоновыми, раза два обѣдалъ я у этой владѣтельной княгини. До конца Августа, всего только недѣль шесть, оставался я одинъ на Крестовскомъ, и слѣдственно недолго пожилъ на чужой счетъ.

Осень разлучила меня съ моими обѣдодавцами; и не одна осень, а съ иными и смерть. Наканунѣ переѣзда моего въ городъ обѣдалъ я у Бѣлосельской; въ послѣдній разъ, сидя за столомъ, Строгоновъ смѣялся, былъ веселъ; къ вечеру, кресла его поставили на носилки, и слуги повесли его домой; одинъ изъ нихъ поскользнулся и упалъ. Отъ этого паденія расшибся и бѣдный слѣпецъ: потрясеніе его полуразрушеннаго состава было слишкомъ сильно, чтобъ онъ могъ его перенести; черезъ двѣ недѣли прекратились его земныя страданія; уповаю, что незлобіе его души и молитвы матери спасли его и отъ вѣчныхъ. Наслѣдникъ его, двоюродный братъ, Григорій Александровичъ Строгоновъ, предоставилъ его матери пожизненное владѣніе имѣніемъ его; она недолго пользовалась симъ благороднымъ поступкомъ племянника. Зимой раза три я посѣтилъ ее и увидѣлъ, какую твердость можетъ дать вѣра; печаль ея была тиха и спокойна, и даже въ глазахъ ея можно было прочесть надежду на скорое свиданіе; она не обманула ея, ибо не болѣе четырехъ мѣсяцевъ прожила она безъ сына. Къ Бѣлосельской я съ тѣхъ поръ ногой не ступалъ; она меня не узнавала, и при встрѣчахъ съ нею я не находилъ надобности влгнаться ей. Любезную мою Кусову мнѣ нельзя было покинуть, и хотя изрѣдка, но я посѣщалъ уединеніе ея.

Въ городѣ графъ Вельгорскій тогда почти никого не принималъ. Онъ былъ женатъ на принцессѣ Биронъ и овдовѣлъ, какъ сказалъ я выше. Потерявъ жену, единственное утѣшеніе находилъ онъ въ единственной сестрѣ ея Луизѣ и всей душой привязался къ ней. Не знаю почему, религія наша, къ которой онъ принадлежалъ, допуская супружество между единокровными не въ дальнихъ степеняхъ, воспрещаетъ его между тѣми, кои по крови другъ другу совершенно чужды. Второй бракъ его, не будучи (добрень дворомъ, равномѣрно не былъ признанъ и обществомъ, и молодая чета нѣсколько лѣтъ должна была уединяться. Но этотъ бракъ, видно, не противенъ былъ Небу: ибо семейство, отъ нея происшедшее, по всей справедливости всѣми почитается благословеннымъ.

Иные могутъ подумать, что это лѣто, ведя жизнь праздную, хотя и не безпечную (ибо долженъ былъ пещись о прокормленіи своемъ), я мало заботился о важномъ вопросѣ, разрѣшающемся на Западѣ, быть или не быть Наполеону? Напрасно. Сей вопросъ весьма занималъ меня, но, признаюсь, по какому-то предчувствію мало безпокоилъ. Отрѣзанный отъ своего прошедшаго ссылкой на Эльбу, Наполеонъ казался другимъ человѣкомъ, даже въ самой Франціи Очарованіе исчезло; сосудъ, избранный Провидѣніемъ, ударившись о землю, расшибся; склеенный и подъятый вновь, онъ потерялъ большую часть цѣны сво-

ей въ глазахъ народовъ. Какъ утопающій хватается за гнилой сукъ дерева, такъ онъ прибѣгнулъ къ орудію, употребленному противъ него вѣнчанными его противниками: онъ заговорилъ о свободѣ. Онъ созвалъ новыя камеры. Изъ глубины общества, изъ окровавленной грязи его, въ которую онъ умѣлъ его вдавить, показался опять якобинизмъ, во всемъ ужасномъ безобразіи своемъ, и возсѣлъ между новыми законодателями. Казалось, что правительственная власть вся въ рукахъ имъ; а онъ, участвующій только въ ней, главный полководецъ. За то всѣ старые усачи, всѣ старые брюзги, гроньяры его, какъ онъ называлъ ихъ, съ восторгомъ собрались подъ вновь подъятымъ знаменемъ его, залогомъ для нихъ будущихъ побѣдъ; съ досадою косились они на жестокосердыхъ и неутомимыхъ болтуновъ, которые многорѣчіемъ и часто пустословіемъ своимъ надѣялись уничтожить и замѣнить какъ права, освященныя религіей и древностію, такъ и новѣйшія права, приобрѣтенныя славою. Нельзя было не замѣтить обмана съ обѣихъ сторонъ; но расчетъ Наполеона быть вѣрнѣе: побѣдивъ непріятелей, могъ онъ легко обратить оружіе на горсть непокорныхъ подданныхъ, осадить ихъ, связать нескромные ихъ языки. А они чего могли ожидать? Въ случаѣ новаго паденія Наполеона и они неизбѣжно должны были убраться въ нечистыя норы свои. Но много ли есть Французовъ, которые размышляютъ о послѣдствіяхъ предпринимаемаго ими даже въ случаѣ успѣха? Двѣ трети изъ нихъ спѣшатъ воспользоваться настоящимъ: *courte, mais bonne*, «на часъ, да въ скачъ». Первый, лучший изъ ихъ ораторовъ, Бенжаменъ Констанъ, тому обрадовался тогда, что можетъ развѣзжать въ каретѣ. Сими господами составленъ наскоро такъ называемый дополнительный актъ, и сію конституцію топорной работы торжественно принялъ бѣдный Наполеонъ на Майскомъ полѣ, гдѣ въ послѣдній разъ воспользовался онъ уроками наставника своего въ царскомъ величіи, актера Тальма.

Съ Майскаго поля, на которомъ былъ онъ какъ не свой, поспѣшилъ онъ на другое, ему столь знакомое, на которомъ наконецъ могъ онъ свободно вздохнуть. Среди шумнаго стана воспрянулъ опять упавшій духъ его, пробудился его геній, запыхалъ прежнимъ огнемъ его всевидящій взглядъ. Но все это похоже было только на эпилогъ великой поэмы, писанной потоками крови человѣческой, распѣтой пушечными громами.

Едва успѣли мы узнать въ Петербургѣ о выступленіи его въ походъ, какъ получили извѣстіе о рѣшительномъ, окончательномъ его поражении. Въ одинъ Юньскій вечеръ пріѣхалъ къ Строгоновымъ посланникъ маленькаго возстановленнаго Сардинскаго королевства, графъ Іосифъ Местръ, еще болѣе папистъ, чѣмъ легитимистъ, равновосильно

ненавидящій, п безбожниковъ Французовъ, и схизматиковъ Русскихъ. Объ немъ говорю я уже не въ первый разъ. Онъ вошелъ съ видомъ вдохновеннымъ, пророческимъ; помолчавъ съ минуту и вперивъ взоръ свой въ потолокъ, возвѣстилъ онъ обществу, что демонъ палъ, испровергнуть, истребленъ и что два еретика, Веллингтонъ и Блюхеръ, были исполнителями неисповѣдимой небесной воли. Нѣкоторыя подробности не совсѣмъ точныя, не совсѣмъ ясны, увѣрили насъ однакоже въ истинѣ имъ объявляемаго. Онъ назвалъ только Бель Алліансъ, и въ семь имени уже увидѣли мы счастливое знаменованіе. Нѣсколько дней прошло, и міру прогремѣвшее имя Ватерлоо достигло и до слуха нашего. Оно заглушило названія Маренго, Аустерлица, Бородина и Лейпцига; они мало-по-малу слабѣютъ въ памяти человѣческой, когда оно послѣ тридцати лѣтъ все еще раздается по вселенной. Если я позволилъ себѣ двѣнадцатый годъ сравнить съ Троянскою войной, то, конечно, его можно уподобить Фарзалѣ, и если не Гомеръ, то какой-нибудь Луканъ воспоетъ его. Увы! Русскіе не участвовали въ семь великомъ дѣлѣ: они изъ глубины своей едва поспѣли только къ концу вторичнаго завоеванія Франціи.

Во время этого похода, одно только важное событіе ознаменовало силу Россійскаго оружія, и этой славой обязано отечество генералу Чернышову (послѣ министру, графу и князю), который привыкъ поражать непріятелей неожиданными ударами, который быстро вскакалъ въ Берлинъ и еще быстрѣе и удачнѣе выскочилъ изъ него съ отрядомъ казаковъ, который въ томъ же 1813-мъ году вступилъ съ триумфомъ въ опустѣвшій городъ Кассель, столицу великаго Вестфальскаго королевства. Онъ донесъ, что взялъ штурмомъ неукрѣпленный городъ Шалонъ на-Марнѣ, не потерявъ ни одного человѣка, не убивъ ни одного непріятеля, и за сей изумительный, неимовѣрный фе-д'армъ, едва по ошибкѣ не получилъ было Александровскую ленту.

Движенія Французской арміи бываютъ всегда чрезвычайно быстры. Ретирадѣ училъ ихъ Моро, но не выучилъ: послѣ неудачи, знаютъ они только побѣгъ. Какъ изъ-подъ Малаго-Ярославца, какъ изъ-подъ Лейпцига, такъ и тутъ, употребляя Малороссійское выраженіе, утесли они. Не переводя духа, Англинская и Прусская арміи пустились за ними въ погоню до самаго Парижа и облегли его. Унялись ли наконецъ въ немъ крикуны? Ни мало; они пуще прежняго начали шумѣть: въ остающіеся имъ не дни, а часы, имъ хотѣлось навратъ. Ихъ бодрость въ палатахъ походила на сумасшествіе. Пощады имъ ждать было не отъ кого: Веллингтонъ былъ холоденъ какъ ледъ и гусаръ Блюхеръ казался разъяреннымъ дикимъ звѣремъ, а въ дали, какъ бури, катили Русская и Австрійская арміи. Но и безъ Александра, послѣ него, при-

мъръ его еще спасительно дѣйствовалъ. Отправляя къ союзнымъ монархамъ депутаціи съ нелѣпыми предложеніями, въ тоже время, вмѣсто того, чтобы участіемъ утѣшить ими же вызваннаго Наполеона, они упоили его оскорбленіями. Сравненіе съ ослами, лежащими въ умирающаго льва, никому такъ не было прилично, какъ имъ. Жалва и гадка была въ это время Франція!

Не замедлилось рѣшеніе участи ея: стодневное правленіе рушилось, и возвратились опять Бурбоны. Въ судѣ царей рѣшенъ и жребій Наполеона, и въ ссылкѣ, и въ утробѣ земли величіе было суждено этому человѣку. Океанъ сдѣлался его темницей, Великобританія—стражемъ, цѣлый островъ—могилой его и памятникомъ. Малодушіе Французовъ, дважды развѣнчавшее его, не оставляющее въ покоѣ ни живыхъ, ни мертвыхъ, для потѣхи своей, лишило его и сей великолѣпной гробницы. Изъ нея возставалъ онъ привидѣніемъ пловцамъ Англій и минувшими бѣдами еще грозилъ ей самой; она уже натѣшила его страданіями, прахъ его тяготилъ ее, и она охотно уступила его любезной своей, а еще болѣе покорной, союзницѣ.

Изнуренная длиннымъ и шибкимъ походомъ, Русская армія такъ скоро успѣла выправиться, что подала Александру счастливую мысль пощеголять ею. Лагерь и маневры подъ Вертю стоили выиграннаго сраженія: они равно изумили непріятелей и союзниковъ. Все хорошо на своемъ мѣстѣ, и такая мирная война разъ-два можетъ быть полезна, но, наконецъ, безъ настоящей потеряетъ свое дѣйствіе. Говоря о подвигѣ Чернышова, я было и забылъ сказать, что въ эту войну Русское войско встрѣтило дѣйствительное упражненіе подъ стѣнами Метца, который довольно долго и упорно защищался. Въ сей осадѣ особенно отличился зять мой Алексѣевъ, и доказательствомъ тому служить данный ему за то чинъ генералъ-лейтенанта.

Въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, 14-го Сентября, тайно подписавъ и впослѣдствіи объявленъ былъ религіозный и политическій актъ, столь извѣстный подъ именемъ Святеннаго Союза. Сей залогъ мира для правительствъ и народовъ внушенъ былъ Александру любовію къ Богу и человѣчеству, къ неблагодарному человѣчеству, коего обуздывалъ онъ страсти и которое, обругавъ его за то, и понынѣ не перестаетъ поносить безсмертную мысль, его создавшюю. Если Александръ, въ древности прозванный Великимъ, мечемъ разсѣкалъ узлы, то Александръ новѣйшихъ временъ любовію умѣлъ ихъ завязывать.

Переговоры съ новымъ или, лучше сказать, съ возобновленнымъ Французскимъ правительствомъ могли быть не иначе какъ продолжительны. Для собственнаго спасенія своего ему надлежало принять са-

мыя тягостныя условія для націи. Не говоря уже о необъятной контрибуціи, которую наложили на нее, недавно еще столь гордая Франція подвергнута величайшимъ изъ уничиженій. Какъ бы малолѣтняя, или развратная, или ума лишенная, поставлена она подъ опеку союза Европейскихъ государей и отдана подъ караулъ. Стопятидесятитысячная армія, подъ начальствомъ Веллингтона, должна была занять ея сѣверо-восточныя провинціи и всѣ крѣпости въ нихъ находящіяся, и на ея же иждивеніи должна была оставаться тутъ три года. Въ ней было четыре корпуса: Австрійскій, Россійскій, Англійскій, Прусскій, да еще пятый, составленный изъ воиновъ другихъ мелкихъ государствъ, въ каждомъ по тридцати тысячъ человекъ. Прославившійся въ послѣднюю войну графъ Воронцовъ назначенъ начальникомъ Русскаго корпуса; новый генералъ-лейтенантъ Алексѣевъ, по собственному выбору Государя, въ этотъ корпусъ начальникомъ кавалерійской дивизіи. Братъ мой Павелъ, полковникъ еще безъ полку, былъ очень радъ, что съ огромнымъ содержаніемъ сдѣлали его директоромъ корпусныхъ госпиталей. Итакъ, часть семейства моего, сестра, зять и братъ сдѣлались жителями Франціи, чего имъ прежде и во снѣ не грезилось.

Послѣ Наполеона Европа, какъ будто, Александру была пригазана. Множество разнообразныхъ заботъ, распоряженій всю осень удержали его въ Парижѣ, и онъ только зимой могъ воротиться къ намъ.

ХІІІ.

Въ это гремящее время поэзія у насъ не умолкала: ея голосъ иногда громко раздавался, и воины, равно какъ и граждане, съ восторгомъ внимали ему. Жуковскій, Вяземскій, Батюшковъ, Шаховской и многіе другіе литераторы и стихотворцы вступили въ дружины и ополчились на враговъ отечества. Но только первый изъ нихъ, *пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*, какъ они называли его, и какъ самъ онъ называлъ прекрасное стихотвореніе свое, былъ счастливо вдохновенъ ужаснымъ и новымъ для него зрѣлищемъ.

Всѣ журналы гласили только о военныхъ или политическихъ происшествіяхъ. На сценѣ ничего не показывалось новаго, кромѣ небольшихъ патріотическихъ піесъ, приноровленныхъ къ настоящимъ обстоятельствамъ. Изъ-подъ пера славнаго баснописца нашего, Крылова, выходили басни, также къ сему предмету относящіяся. Въ одной изъ нихъ ворона попадаетъ къ Французамъ въ супъ, въ другой ловчій Кутузовъ говоритъ волку Наполеону: «ты сѣръ, а я, братъ сѣдь, и волчью вашу я натуру знаю».

Когда же, послѣ взятія Парижа, Александръ возвратился въ Петербургъ, тогда вся восхищенная имъ толпа поѣтовъ, въ честь и хвалу его, возвысила свои искренніе, не купленные голоса. Посланіе свое къ нему Жуковскій начиналъ сими словами:

Когда летящіе отвсюду шумны влики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, къ тебѣ зовуть великій...

Когда раздался всеобщій сей неподобный, трогательный гимнъ, то въ немъ различить можно было и умирающіе звуки лиры Державина, и нѣжный, но уже сильный голосъ еще ребенка-Пушкина, который посвятилъ ему первые плоды чуднаго своего таланта. Крыловъ нашель средство въ маленькой, премолюй баснѣ, *Чижъ и Ечка*, также воспѣть ему хвалу. Все напоминало первые дни его царствованія; сердца Русскихъ, казалось, еще сильнѣе пылали къ нему, но онъ былъ уже не тотъ.

Пока продолжался Вѣнскій конгрессъ, внутри Россіи, такъ же какъ и въ Петербургѣ начали забывать и прошедшее горе, и минувшую радость; всякій помаленьку сталъ приниматься за прежнее дѣло, и сочинители стали попрежнему пописывать и слегка перебраниваться.

Весьда открыла вновь свои торжественныя засѣданія, но они ставились все рѣже и совсѣмъ потеряли великое значеніе, которое имѣли до войны. Разъ вздумалось намъ съ Блудовымъ (помнится, въ Ноябрь 1814 года) изъ любопытства отвѣдать ихъ препрославленной (куки и, можно сказать, были ею пресыщены. Ни забавнаго, веселаго и остроумнаго, ни глубокомысленнаго или ученаго ничего мы не слышали, а все что-то такое, о чемъ бы не стоило говорить. Не одною скукою были мы жестоко наказаны за сію не совсѣмъ благопріязненную попытку. Блудовъ отослалъ домой карету и слугу; они еще не воротились, когда кончилось чтеніе; свѣтъ началъ гаснуть въ залѣ, и она скоро закрылась. Намъ пришлось оставаться въ передней между лакеями, ибо въ гостиную къ Державину, куда переселились чтецы и слушатели, одному незнакомому, а другому извѣстному противнику *Весьды* и Шишкова, явиться было не триппчно. Мы предпочли въ однихъ фракахъ идти пѣшкомъ вдоль по Фонтанкѣ, при сильномъ холодномъ вѣтрѣ, и осыпаемые мелкимъ снѣгомъ. Скоро встрѣтилась намъ карета, мы сѣли въ нее и, только согрѣвшись, нашли, что случившееся съ нами довольно забавно. Впослѣдствіи Блудовъ весьма искусно помѣстилъ сіе происшествіе въ одномъ шуточномъ произведеніи своемъ.

Во время продолжительнаго отсутствія моего изъ Петербурга произошла въ немъ перемѣна, не смотря на мой патріотизмъ, для меня

весьма непріятная. Французскій театръ для холостыхъ, для молодыхъ людей, большой свѣтъ мало посѣщающихъ, былъ усладительнымъ препровожденіемъ времени. Въ 1812 году, по мѣрѣ какъ Французскія войска приближались къ Москвѣ, началъ онъ пустѣть и наконецъ всемі брошенъ. Государь, который никогда не былъ охотникъ до театральныхъ зрѣлищъ, симъ воспользовался, чтобы велѣть его закрыть и разсчитаться съ актерами, которые почти все одинъ за другимъ черезъ Швецію уѣхали *). Публика лишилась плѣнительныхъ Фились и Жоржъ, сперва повидимому мало о томъ жалѣла, а наконецъ и со всемі ихъ забыла. Для меня же безъ нихъ Петербургъ потерялъ болѣе половины своей прелести.

Нѣмецкій театръ замѣнить его не могъ. Онъ, точно такъ же какъ до упраздненія Французскаго, какъ и послѣ него, такъ же какъ и нынѣ существуетъ для особаго міра. Не смотря на предпочтеніе, данное впослѣдствіи духу Германской литературы предъ другими, даже Нѣмцы лучшаго тона никогда не посѣщаютъ его. Онъ остался вечернею отрадой всего своекорыстнаго и трудящагося у насъ Нѣмецкаго населенія. Пасторы, аптекари, профессоры и медики занимаютъ въ немъ кресла; семейства ихъ—ложи всехъ ярусовъ; булочники, портные, сапожники—партеръ; подмастерья ихъ, вѣроятно, раекъ.

Итакъ, для общей забавы оставалась одна только Русская труппа, и надобно признаться, она умѣла воспользоваться присутствіемъ Французской, а еще болѣе отсутствіемъ ея. Русскій народъ переимчивъ: наши актеры, посмотрѣвши на Французовъ, первыхъ актеровъ въ мірѣ, всемі силами старались замѣнить ихъ, и начали прилежно изучать все тонкости художества своего, когда предстали предъ лучшею публикой. Созрѣвшій талантъ Семеновой изумлялъ и очаровывалъ даже тѣхъ, которые не понимали Русскаго языка; до того черствые стихи Хвостова и другихъ въ устахъ ея дѣлались мягки и пріятны. Она заимствовала у Жоржъ поступъ, голосъ и манеры, но такъ же какъ Жуковскій, можно сказать, творила подражая. Въ комедіи и оперѣ показалось нѣсколько примѣчательныхъ молодыхъ артистовъ; но какъ они долго оставались на сценѣ, то надѣюсь найти случай въ другомъ мѣстѣ поговорить о нихъ.

Мода на трагедіи какъ будто прошла. Новыхъ комедій тоже что-то не было. Ополчившемуся Шаховскому сперва не до того было; но онъ уже замышлялъ вступить въ новый бой, ему болѣе свойственный, а покамѣстъ новымъ, маленькимъ твореніемъ потѣшилъ публику. Его

*) Какъ времена мѣняются! Нынѣ высшій кругъ, совсѣмъ обѣвропеившійся, такую справедливую мѣру не могъ бы простить правительству.

Казакъ Стигторевъ очень милый малый и особенно примѣчательнъ тѣмъ, что первый выступилъ на сцену подъ настоящимъ именемъ водевила. Отъ него потянулась эта нескончаемая цѣпь сихъ легкихъ произведеній, которыхъ нынѣ по три и по четыре ежедневно появляется на сценѣ. Въ первые годы появленіе каждаго изъ нихъ было происшествіемъ для любителей театра. Оперы почти всѣ попрежнему были переводныя съ Французскаго; опасаясь сравненія, преимущественно играли тѣ, кои гвардія вновь привезла съ собою изъ Парижа, — *Жана Парижскаго*, *Жаконду*, именно тѣ, въ коихъ зрители не видали Фились.

Въ 1815 году, откуда ни возмись, показался новый комикъ, который въ произведеніяхъ своихъ сдѣлался извѣстенъ не на одномъ драматическомъ поприщѣ. Мнѣ былъ онъ давно знакомъ, равно и тѣмъ, кои съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочтуть меня. Никто не подозрѣвалъ въ родственникѣ моемъ, Михаилѣ Николаевичѣ Загоскинѣ, тѣхъ рѣдкихъ способностей, которыя труды и время развили въ немъ, а я, можетъ быть, менѣе чѣмъ кто другой. Отецъ его, почтенный чудакъ, исполненъ былъ религіознаго духа и любознательности, жилъ всегда въ деревнѣ и на ярмаркахъ запасался всякаго рода книгами, выходящими на Русскомъ языкѣ; ихъ давалъ онъ читать сыновьямъ своимъ. У старшаго было чрезвычайно много живости въ крови и мыслей въ головѣ; къ тому же съ ребячества имѣлъ онъ любовь (которую назову я страстною) къ истинѣ и справедливости и какой-то свой особенный, но не менѣе того вѣрный и ясный взглядъ на людей и ихъ недостатки. Однимъ словомъ, въ немъ воображеніе сочеталось съ разсудкомъ, а изъ чего же составляется умъ? Проведя отрочество въ деревнѣ и первую молодость въ среднемъ тогдашнемъ кругу, его наблюдательности представились сперва самые низшіе слои общества. Онъ тѣмъ воспользовался, и я готовъ назвать его Крыловымъ въ прозѣ и романахъ. Но кипеть его характера дѣлала его разсѣяннымъ и невнимательнымъ къ этой глазури свѣта, которую посредствомъ, а часто и ничтожество, такъ удачно наводитъ на себя умѣють. Какъ человекъ совершенно Русскій, онъ любилъ подтрунивать; видя зло, горячился, сердился, но никогда до ненависти, и въ сегодняшнемъ врагѣ такъ и хотѣлось ему видѣть завтрашняго друга. Я всегда любилъ его за его доброту и веселонравіе, но не имѣлъ довольно опытности, чтобы умѣть достойнымъ образомъ оцѣнить качества его души и ума: въ глазахъ моихъ, всякій гостинный эмабельный дуракъ стоялъ выше его. До 12 года оставался онъ мирнымъ канцелярскимъ чиновникомъ; казалось, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ военнымъ ремесломъ, какъ вдругъ любовь къ отчизнѣ вызвала его на поле брани; онъ всту-

пилъ въ Петербургское ополченіе и храбро дрался съ нимъ подъ Полоцкомъ и подъ Данцигомъ. По возвращеніи изъ похода, всегдашняя страсть его къ театру сблизила его съ Шаховскимъ; имъ ободряемый, онъ рѣшилъ написать небольшую комедію *Проказникъ*, довольно плохую, но которая дала ему почувствовать, что онъ въ состояніи творить лучше.

Весной того же года рѣшилъ, наконецъ, Жуковскій пріѣхать въ Петербургъ на житье. Ему предшествовала выросшая его знаменитость, и онъ особенно милостиво былъ принятъ у вдовствующей Императрицы, которая любила въ немъ пѣвца обожаемаго ею, могущественнаго, препрославленнаго сына своего. Не смотря на новый образъ жизни, Петербургъ не могъ показаться ему чужбиной: вѣдра дружбы ожидали его въ немъ. Тщеславный и лѣнивый Тургеневъ, который выслуживался чужими трудами и плелъ себѣ вѣнокъ изъ чужой славы, контисковалъ его въ свою пользу и далъ ему у себя помѣщеніе.

Желая имъ похвастаться и имъ угостить, въ одинъ весенній вечеръ созвалъ онъ на него всѣхъ короткихъ знакомыхъ своихъ. Я рано придти не могъ: принадлежа къ Оленинскому обществу, я счелъ обязанностью, въ этотъ день видѣть первое представленіе Расиновой *Ифигеніи въ Авмидѣ*, коей переводчикъ, Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ, былъ одинъ изъ приближенныхъ къ Алексѣю Николаевичу. Публика приняла трагедію хорошо; а какъ одинъ партеръ съ нѣкотораго времени имѣлъ право изъявлять народную волю (что палунамъ и крикунамъ было весьма пріятно), то она не упустила случая симъ правомъ воспользоваться, и потому-то, вѣроятно, шумными возгласами вызвали переводчика. Ничтожество и самолюбіе были написаны на лицѣ этого бездарнаго человѣка; переводъ его былъ не совсѣмъ дуренъ, но Хвостовъ, я увѣренъ, сдѣлалъ бы его лучше, то-есть смѣшнѣе.

Съ Крыловымъ, съ Гнѣдичемъ и съ самимъ, вѣнчаннымъ свѣжими лаврами, поэтомъ, послѣ представленія, прямо изъ театра явились мы къ Тургеневу. Но, о горе! приходъ послѣдняго едва былъ замѣченъ. На Жуковскомъ сосредоточивались всѣ любопытные и почтительные взоры присутствовавшихъ: онъ былъ истиннымъ героемъ праздника. Въ помутившихся глазахъ и на блѣдныхъ щекахъ Лобанова выступила досада, которую развѣ одинъ я только замѣтилъ. Быстрый переходъ отъ торжества къ совершенному невниманію дѣйствительно жестокимъ образомъ долженъ былъ тронуть его самолюбіе. Вскорѣ послѣ того неудовольствіе свое выместилъ онъ на мнѣ: осмѣивая пристрастіе мое къ Французскому театру, въ какомъ-то стихотвореніи, необидную, неопасную злость свою излилъ онъ слѣдующими стихами:

Не столько Телемакъ крушился обь Улиссѣ,
Какъ многіе у насъ крушились о Филисѣ.

На этомъ вечерѣ, къ кругу не весьма обширномъ, могъ я ближе разглядѣть одного молодаго еще человѣка, котораго дотолѣ встрѣчалъ въ однихъ только большихъ собраніяхъ. Щеголя свѣтскою ловкостью, всякаго рода успѣхами и Французскими стихами, Сергій Семеновичъ Уваровъ старался брать первенство передъ находящимися тутъ ровесниками своими, и его откровенное самодовольствіе нѣсколько смирилось только передъ остроуміемъ Влудова и исполненнымъ достоинства разговоромъ Дашкова. Мнѣ показался онъ нестерпимъ. Человѣкъ этотъ играетъ важную роль въ государствѣ; онъ даетъ направленіе образованію всего учащагося юношества, и благо или зло, имъ посѣянное, отзовется въ потомствѣ. Вотъ почему я полагаю, что всякая подробность, относящаяся до происхожденія его, характера, жизни, достойна вниманія этого потомства и заслуживаетъ быть ему передана.

У одного богатаго дворянина древняго рода, Ивана Головина, женатаго на одной бѣдной Голицыной, сестрѣ оберъ-егермейстера князя Петра Алексѣевича, было двѣ дочери. Старшая Наталья, съ молода красавица, вышла за упомянутаго мною не разъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Меньшая Дарья, слѣдуя ея примѣру, искала также блистательнаго союза...

У князя Потемкина былъ одинъ любимецъ, добрый, честный, храбрый, веселый Семень Ѳедоровичъ Уваровъ. Благодаря его покровительству, сей бѣдный рядовой дворянинъ былъ флигель-адъютантомъ Екатерины и подъ именемъ вице-полковника начальствовалъ лейб-гренадерскимъ полкомъ, коего сама называлась она полковникомъ. Онъ мастеръ былъ играть на бандурѣ и съ нею въ рукахъ плясать въ присядку. Отъ того-то безъ всякаго обиднаго умысла Потемкинъ, а за нимъ и другіе, прозвали его Сеней-бандуристомъ. Пріятелей было у него много; они сосватали его... Во время короткаго знакомства моего съ г. Уваровымъ, мнѣ случилось съ любопытствомъ смотрѣть на портретъ или картину, въ его кабинетѣ висящую. На ней изображенъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, пріятной наружности, въ простомъ Русскомъ нарядѣ съ бандурою въ рукахъ, но съ бритою бородою и съ короткими на головѣ волосами. На нескромный вопросъ, мною о томъ сдѣланный, отвѣчалъ онъ сухо: «это такъ, одна фантазія». Я нашель однакоже, что на эту фантазію чрезвычайно похожъ меньшей братъ его, Ѳедоръ Семеновичъ. Рано лишился Уваровъ... отца своего. Въ родствѣ съ Куракиными да съ Голицыными, воспитанный на знатный манеръ какимъ-то ученымъ аббатомъ, онъ спозаранку исполнился аристократическаго духа. Признанный вельможею, любимецъ двухъ импе-

раторовъ Павла и Александра, дальній родственникъ его, Фeдоръ Петровичъ Уваровъ, далъ новый блескъ мало извѣстному дотолѣ его фамильному имени. Мальчикъ былъ отъ природы уменъ, отменно понятливъ въ наукахъ, чрезвычайно пригожъ собою, говорилъ и писалъ по-французски въ прозѣ и въ стихахъ, какъ настоящій Французъ; всѣ хвалили его, дивились ему, и все это вскружило ему голову. Семнадцати лѣтъ не болѣе попалъ онъ ко двору камеръ-юнкеромъ пятаго класса.

Но вдругъ и на него пришла невзгода. Мать его, желая обоимъ сыновьямъ своимъ, особенно старшему, доставить средства для поддержанія себя блистательнымъ образомъ въ свѣтѣ, за большіе проценты отдала все имѣніе свое подъ залогъ по казенному питейному откупу. Она умерла, откупщикъ сдѣлался несостоятеленъ, страшное взысканіе пало на имѣніе, и совершенное раззореніе угрожало Уварову. Чтобы сохранить довольно завидное положеніе, въ которомъ онъ находился, готовъ онъ былъ на все. Одна фрейлина, богатая графиня Разумовская, двѣнадцатью годами его старѣе, которая, не знаю по какому праву, имѣя родителей, могла располагать собою, давно была въ него влюблена; а онъ объ ней думать не хотѣлъ. Узнавъ о крайности, къ которой онъ приведенъ, она безъ обиняковъ предложила ему руку свою, и онъ съ радостью принялъ ее. Этотъ бракъ въ полномъ смыслѣ составилъ фортуна его.

Вскорѣ послѣ совершенія его, тестъ его, графъ Алексѣй Кириловичъ назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ тотчасъ доставилъ ему, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, мѣста попечителя Санктпетербургскаго учебнаго округа и президента Академіи Наукъ, остававшіяся праздными послѣ удалившагося, прежде всемогущаго, Новосильцова. И ему было тогда только двадцать три года отъ роду.

Вступивъ въ храмъ учености, узналъ онъ, что одной Французской литературы мало, и устыдился невѣдѣнія своего. Съ большими способностями, сильнымъ желаніемъ приведенными въ движеніе, началъ успѣвать онъ въ наукахъ, даже усердно принялся за Русскій языкъ. Но по мѣрѣ какъ въ сей части дѣлалъ онъ новыя пріобрѣтенія, со врожденнымъ его тщеславіемъ, спѣшилъ ими хвастать. Баричъ и галломанъ во всемъ былъ виденъ; отъ того-то многимъ членамъ Бесѣды онъ совсѣмъ пришелся не по вкусу; нѣкоторые изъ нихъ, болѣе самостоятельные, позволяли себѣ даже подсмѣиваться надъ нимъ. Это его взорвало; но покамѣстъ принужденъ онъ былъ молчать. Пріѣздъ Жуковскаго не нравился большей части Бесѣдниковъ, что и подало Уварову мысль вступить съ нимъ въ наступательный и оборонительный союзъ противъ нихъ.

Онъ обманулся въ своихъ разчетахъ: Жуковскій, такъ же какъ и Карамзинъ, чуждался всякой чернильной брани. Не менѣе того ошиблись въ немъ и Петербургскіе его естественные враги. Въ наружности его дѣйствительно не было ничего вселяющаго особое уваженіе или удивленіе; въ обхожденіи, въ рѣчахъ, былъ онъ скромный и простой: ни чванства, ни педаанства, ни витійства нельзя было найти въ нихъ. Оттого въ одно время успѣхамъ его завидовали, а особу его презирали. Оленинская партія не въ явь, но тайно также не благоволила къ нему. Тогда-то Шаховскому (и кому же иному?) вздумалось однимъ ударомъ сокрушить сіе безобидное, по мнѣнію его, твореніе, его и всю знаменитость и всѣхъ друзей его.

Мы обыкновенно день именинъ Дашкова и Блудова, 21-го Сентября, праздновали у сего послѣдняго; Крыловъ и Гяфдичъ тутъ также находились за обѣдомъ. Афишка въ этотъ день возвѣщала первое представленіе 23-го числа новой комедіи Шаховскаго въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ, подъ названіемъ: *Липецкія воды или Урокъ Кокеткамъ*. Для любителей литературы и театра извѣстіе важное; кто-то предложилъ заранѣе взять нѣсколько нумеровъ кресель рядомъ, чтобы раздѣлить удовольствіе, обѣщаемое симъ представленіемъ; всѣ изъявили согласіе кромѣ двухъ Оленистовъ.

Насъ сидѣло шестеро въ третьемъ ряду кресель: Дашковъ, Тургеневъ, Блудовъ, Жуковскій, Жихаревъ и я. Теперь, когда я могу судить безъ тогдашнихъ предубѣжденій, нахожу я, что новая комедія была произведеніе примѣчательное по искусству, съ какимъ авторъ побѣдилъ трудность заставить свѣтскую женщину хорошо говорить по-русски, по вѣрности характеровъ въ ней изображенныхъ, по веселости, заманчивости, затѣйливости своей и, наконецъ, по многимъ хорошимъ стихамъ, которые въ ней встрѣчаются. Но лукавый дернулъ его, ни къ селу ни къ городу, вклеить въ нее одно дѣйствующее лицо, которое все дѣло перепортило. Въ цоэтѣ Фіалкинѣ, въ жалкомъ вздыхателѣ, всѣми пренебрегаемомъ, передъ всѣми согнутомъ, хотѣлъ онъ представить благородную скромность Жуковскаго; и дабы никто не обманулся на счетъ его намѣренія, Фіалкинъ твердитъ о своихъ балладахъ и произноситъ нѣсколько извѣстныхъ стиховъ прозваннаго нами въ шутку баладника. Это все равно что намалевать рожу и подписать подъ нею имя красавца; обманъ немедленно долженъ открыться, и я не понимаю, какъ Шаховской не разсчелъ этого. Можно вообразить себѣ положеніе бѣднаго Жуковскаго, на котораго обратилось нѣсколько нескромныхъ взоровъ! Можно себѣ представить удивленіе и гнѣвъ вокругъ него сидящихъ друзей его! Перчатка была бро-

пена; еще кипящіе молодостию Блудовъ и Дашковъ спѣшили поднять ее.

Это можно было почитать продолженіемъ литературной войны между Москвою и Петербургомъ, нѣкоторыя подробности которой описаны мною въ предшествующей части сихъ Записокъ, или лучше сказать возобновленіемъ ея, ибо во дни всеобщей борьбы Европейскихъ народовъ сія пустая возня на время прекратилась. Она должна была возгорѣться съ новою силой, когда не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ прочности Европейскаго мира.

Побѣда казалась на сторонѣ Шаховскаго; новая піеса его имѣла успѣхъ чрезвычайный, публика приняла ее съ шумнымъ, громогласнымъ одобреніемъ. Въ тотъ же вечеръ, какъ намъ сказывали, по сему случаю было большое празднество у Петербургскаго гражданскаго губернатора Бакунина, коего супруга, сестра Павла Ивановича Кутузова, надѣла вѣнокъ на счастливаго автора. Крыловъ, съ которымъ на другой день я увидѣлся, сказалъ мнѣ съ коварною улыбкой: «Какъ быть *les rieurs sont de son côté*» (насмѣшники на его сторонѣ). Торжество Шаховскаго пуще раздражало насъ. Ахъ, юность, юность! Ну, право, какъ будто и смѣшно, и совѣстно за себя и за другихъ, когда вспомнишь, какъ всѣ эти пустяки почитали мы дѣломъ серьезнымъ и важнымъ.

Для получения наслѣдства Блудовъ когда-то ѣздилъ въ Оренбургскую губернію Дорогой случилось ему остановиться въ Арзамасѣ; рядомъ съ комнатою, въ которой онъ ночевалъ, была другая, куда нѣсколько человекъ пришли отужинать, и ему послышалось, что они толкуютъ о литературѣ. Тотчасъ молодое воображеніе его создало изъ нихъ общество мирныхъ жителей, которые въ тихой, безвѣстной долѣ своей посвящаютъ вечера сужденіямъ о предметѣ, который тогда исключительно занималъ его. Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ и о другомъ, проведенномъ со мною, подало ему мысль библейскимъ слогомъ написать нѣчто подъ названіемъ: *Видѣніе въ какой-то оградѣ*. Арзамаскіе любители словесности, въ одно изъ своихъ вечернихъ собраній слышатъ странный шорохъ въ сосѣдней комнатѣ; Шаховской въ магнетическомъ свѣѣ бродить по ней; они прислушиваются, а онъ рассказываетъ, какъ въ памятную намъ бурную ночь вздумалось ему остановиться передъ окошкомъ опустѣвшей залы дома Державина, и какія чудеса ему тамъ привидѣлись. Потомъ принимается онъ исповѣдывать всѣ тайныя, но всѣмъ извѣстныя грѣхи свои. Писано было отмѣнно забавно, а для Шаховскаго съ товарищами довольно язвительно. Напечатать было невозможно, а рукописи всегда трудно разойтись по рукамъ и получить общую извѣстность; главное было то, чтобъ она

дошла до Шаховскаго, и въ чашу радости его много подлила она горечи.

Дашковъ поступилъ еще лучше, то-есть смѣлѣе. За начинающимся недостаткомъ политическихъ происшествій, слѣдственно и извѣстій, въ *Сынъ Отечества* Грець начиналъ уже помѣщать литературныя статьи, но и ими журналъ сей не изобиловалъ. Вѣроятно оттого-то согласился онъ напечатать въ немъ *Письмо къ новѣйшему Аристофану* Дашкова, притворяясь, будто не знаетъ, на чье лицо оно писано. А угадать было не трудно: самымъ пристойнымъ, почти учтивымъ образомъ авторъ письма, какъ палицей, такъ и билъ съ плеча въ Аристофана. Шумъ и великая тревога сдѣлались оттого въ непріятельскомъ станѣ.

Принимая въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе, не менѣе того видѣлъ я и забавную его сторону. Съ родственникомъ моимъ Загоскинымъ, вѣрно преданнымъ Шаховскому, я не прерывалъ своихъ сношеній; мы часто посѣщали другъ друга. Я любилъ бѣсить его, позволяя себѣ нескромныя шутки и повторяя всѣ колкости, слышанныя мною въ кругу моихъ пріятелей на счетъ его патрона. Съ своей стороны и онъ не слишкомъ щадилъ сихъ послѣднихъ, и въ нетерпѣніи своемъ высказывалъ мнѣ злыя намѣренія нашихъ противниковъ. Такимъ образомъ пламя раздора все болѣе раздувалось, и съ обѣихъ сторонъ готовились къ новымъ битвамъ. Передавая все слышанное мною дружескому обществу нашему, я въ шутку самъ прозвалъ себя его шпиономъ или лазутчикомъ, а тамъ, въ сердито-веселомъ расположеніи духа, находя это названіе слишкомъ жестокимъ, перевели его на слово соглядатай. Роль поджигателя была очень веселая, не совсѣмъ уваженія достойная, но какъ быть? дѣло отъ бездѣлья.

Новое нападеніе противной стороны, возбужденной мною посредствомъ Загоскина, ограничилось его комедіей *Урокъ волокитамъ*, въ трехъ дѣйствіяхъ и въ прозѣ. Она была не дурна, особливо какъ скороспѣлка. Въ ней, хотя не совсѣмъ остроумно, досталось всѣмъ, а болѣе всѣхъ мнѣ. Пожалуй, я могъ бы не узнать себя въ Фольгинѣ, большимъ вралѣ, вѣтреномъ модникѣ, какимъ никогда я не бывалъ, еслибы нѣкоторыя изъ словъ и сужденій моихъ не были вложены въ уста его. Я зналъ-чѣмъ отомстить человѣку, который, по всей справедливости, гордился едва ли не болѣе древностію рода своего, чѣмъ новостію своей извѣстности. Я увѣрилъ его, что всѣ пріятели мои не хотятъ вѣрить его существованію, фамильное имя его почитаютъ вымышленнымъ, однимъ словомъ, видятъ въ немъ псевдонимъ, подъ которымъ самъ Шаховской написалъ комедію.

Любопытно въ это время было видѣть Уварова. Онъ слегка былъ задѣтъ въ комедіи Шаховскаго и придрался къ тому, чтобъ изъяснять

величайшее негодованіе. Мнѣ кажется, онъ болѣе радъ былъ случаю тѣснѣе соединиться съ новыми пріятелями своими. Мысленно видѣлъ онъ уже себя предводителемъ дружины, въ которой были столь славныя бойцы, и на чель его долженъ былъ сіять вѣнецъ, въ который какъ драгоценный алмазъ намѣренъ былъ онъ вставить Жуковскаго. Опытъ доказалъ ему, что онъ никакой подчиненности не можетъ ожидать отъ соратствующихъ: все равно, въ Петербургскомъ большомъ свѣтѣ онъ гораздо ихъ болѣе извѣстенъ, и въ глазахъ его можетъ показаться главою партіи. Вѣчно-тщеславные расчеты этого человѣка бывали часто невѣрны, но иногда и удачны и тогда помогали ему высидѣть то въ обществѣ мнѣнія, то на поприщѣ службы. Друзья литературы поступили бы безразсудно, еслибъ отвергли помощь зятя министра просвѣщенія, человѣка, который имѣлъ непосредственное вліяніе на цензуру.

Въ одно утро нѣсколько человѣкъ получили циркулярное приглашеніе Уварова пожаловать къ нему на вечеръ 14-го Октября. Въ ярко освѣщенной комнатѣ, гдѣ помѣщалась его библіотека, нашли они длинный столъ, на которомъ стояла большая чернильница, лежали перья и бумага; онъ обставленъ былъ стульями и казался приготовленнымъ для открытія присутствія. Хозяинъ занялъ мѣсто предсѣдателя и въ краткой рѣчи, хорошо по-русски написанной, осуществляя мысль Блудова, предложилъ засѣдающимъ составить изъ себя небольшое общество *Арзамасскихъ безвѣстныхъ литераторовъ*. Изобрѣтательный геній Жуковскаго по части юмористической въ мигъ пробудился: однимъ взглядомъ увидѣлъ онъ длинный рядъ веселыхъ вечеровъ, нескончаемую нить умныхъ и пристойныхъ проказъ. Отъ узаконеній, новому обществу имъ предлагаемыхъ, всѣ помирали со смѣху; единогласно избранъ онъ секретаремъ его. Когда же дѣло дошло до президентства, Уваровъ позналъ, какъ мало готовы къ покорности избранные имъ товарищи. При окончаніи каждаго засѣданія, жребій долженъ былъ рѣшать кому предсѣдательствовать въ слѣдующемъ; для нихъ не было даже назначено постоянного мѣста; у одного изъ членовъ попеременно другіе должны были собираться. Уварову не могло это нравиться, но съ большинствомъ спорить было трудно; онъ остался при мысли, что время подчинить ему эту республику.

Все это знаю я только по слуху, ибо въ этомъ первомъ засѣданіи я не участвовалъ: Уваровъ забылъ или не хотѣлъ пригласить меня на него. Удивленные моимъ отсутствіемъ, всѣ другіе члены изъявили желаніе видѣть меня между собою. Тогда собралось насъ всего семь человѣкъ, которыхъ въ припадкахъ ослѣпленнаго дружелюбія и самолюбія сравнивалъ я съ семью мудрецами Греціи, а общество наше

называлъ то плеядой, то семиствольною цѣвницей. Всѣхъ выводилъ я на сцену передъ читателемъ, одинъ Жихаревъ оставался въ глубинѣ ея. Теперь его очередь.

Изъ деревни привезенъ былъ онъ въ Московскій университетскій пансіонъ и оттуда воротился опять въ провинцію, гдѣ и оставался лѣтъ до восемнадцати. Онъ принялъ всѣ ея навыки; съ большимъ умомъ, съ большими способностями, въ кругу образованныхъ людей, онъ никогда не могъ отстать отъ нихъ. Наружность имѣлъ онъ Азіатскую: оливковый цвѣтъ лица, черные какъ смоль кудрявые волосы, черные блистающіе глаза, но которые никогда не загорались ни гнѣвомъ, ни любовію, и выражали одно флегматическое спокойствіе. Онъ казался мраченъ, угрюмъ, и не знаю, бывалъ ли онъ когда сердить или чрезвычайно веселъ. Образъ жизни тогдашнихъ Петербургскихъ гражданскихъ дѣльцовъ имѣлъ великое сходство съ тѣмъ, который вели дворяне внутри Россіи. Тѣхъ и другихъ могъ совершенно развеселить одинъ только шумный пиръ, жирный обѣдъ и безпрестанно опоражниваемая бутылка. Погинутую родину обрѣлъ нашъ Жихаревъ въ Петербургѣ у откупщиковъ, у оберъ-секретарей. Потомъ свелъ онъ дружбу съ Шаховскимъ и Русскими актерами, что и вовлекло его въ литературу и даже въ Бесѣду, куда былъ принятъ онъ сотрудиномъ. Онъ принялся за трудъ, перевелъ трагедію *Атрей*, комедію *Розовый Чортъ*, написалъ какую-то поэмю *Барды*: все это ниже посредственности. Безвкусіе было главнымъ недостаткомъ его въ словесности, въ обществѣ, въ домашней жизни. У него былъ живъ еще отецъ, человѣкъ достаточный, но обремененный долгами; онъ поступалъ съ нимъ какъ почти всѣ тогдашніе отцы, которые къ дѣтямъ не слишкомъ были чивы и требовали, можетъ-быть весьма справедливо, чтобы сынки сами умѣли наживать копѣйку, а Жихаревъ любилъ погулять, поѣсть, попить и самъ поподчивать. Это заставило его войти въ долги и прибѣгать къ разнымъ изворотамъ (*expédients*, какъ называютъ ихъ Французы), строго совѣстливостію не совсѣмъ одобряемымъ. Дурныя привычки, по нуждѣ въ молодости принятыя, къ сожалѣнію, иногда отзываются и въ старости. Богъ вѣсть какъ припелся онъ къ моимъ знакомымъ, вѣроятно черезъ Дашкова, съ которымъ учился; только въ 1814 году нашель я его уже водвореннымъ между ними. Я не встрѣчалъ человѣка болѣе готоваго на послуги, на одолженія; это похвальное свойство и оригинальность довольно забавная сблизили его со мною и съ другими.

Арзамасское общество, или просто *Арзамасъ*, какъ называли мы его, сперва собирался каждую недѣлю весьма исправно, по Четвергамъ, у одного изъ двухъ женатыхъ членовъ—Блудова или Уварова. Съ каждымъ засѣданіемъ становился онъ веселѣе; за каждую шуткой

слѣдовали новыя, на каждое острое слово отвѣчало другое. Съ какою цѣлю составилось это общество, теперь бы этого не поняли. Оно составилось невзначай, съ тѣмъ, чтобы проводить время пріятнымъ образомъ и про себя смѣяться глупостямъ человѣческимъ. Не совсѣмъ прошель еще вѣкъ, въ которой молодые люди, какъ умныя дѣти, отъ души умѣли смѣяться; но конецъ его уже близился.

Благодаря неистощимымъ затѣямъ Жуковского, *Арзамасъ* сдѣлался пародіей въ одно время и ученыхъ академій, и масонскихъ ложъ, и тайныхъ политическихъ обществъ. Такъ же, какъ, въ первыхъ, каждый членъ при вступленіи обязанъ былъ произнести похвальное слово покойному своему предмѣстнику; таковыхъ на первый случай не было и положено брать ихъ на прокатъ изъ Бесѣды. Самимъ основателямъ общества нечего было вступать въ него; все равно, каждый изъ нихъ въ свою очередь долженъ былъ играть ролю вступающаго, и рѣчь президента всякій разъ должна была встрѣчать его похвалами. Какъ въ послѣднихъ странныя испытанія (впрочемъ не соблюденныя) и клятвенное обѣщаніе въ вѣрности обществу и сохраненіи тайнъ его предшествовали принятію каждаго новаго Арзамасца. Все отвѣчало одно другому.

Вечеръ начинался обыкновенно прочтеніемъ протокола послѣдняго засѣданія, составленнаго секретаремъ Жуковскимъ, что уже сильно располагало всѣхъ къ гиларитету, если позволено такъ сказать. Онъ оканчивался вкуснымъ ужиномъ, который также находилъ мѣсто въ слѣдующемъ протоколѣ. Кому въ Россіи не извѣстна слава гусей Арзамасскихъ; эту славу захотѣлъ Жуковскій присвоить обществу, именемъ ихъ родины названному. Онъ требовалъ, чтобы за каждымъ ужиномъ подаваемъ былъ жареный гусь, и его изображеніемъ хотѣлъ украсить гербъ общества.

Все шло у насъ не на обыкновенный ладъ. Дабы болѣе отдѣлиться отъ свѣта, отреклись мы между собою отъ именъ, которыя въ немъ носили, и заимствовали новыя названія у баладъ Жуковского. Такимъ образомъ нареченъ я Ивиковымъ Журавлемъ, Уварова окрестили Старушкой, Блудова назвали Кассандрой, Жуковского Свѣтланой, Дашкову дали названіе Чу, Тургеневу Золовой Арфы, а Жихареву Громобоя.

Ни Государь, ни Елисавета Алексѣевна въ это время не воротились еще изъ-за границы, а дворъ со вдовствующею Императрицей оставался въ Гатчинѣ. Что удивительнаго если въ Петербургѣ дѣятельно занимались тогда всякимъ вздоромъ. Глухо разнеслась въ немъ вѣсть о существованіи какого-то во мракѣ возникшаго общества. Бѣсѣда первая догадалась, что оно оживлено не совсѣмъ пріязненнымъ

къ ней духомъ; въ ней предполагали, что тайно готовятся на нее сильныя нападенія: кто скрывается, тотъ долженъ имѣть дурной умыселъ, и словесники готовы были приписывать намъ заговоръ противъ правительства. А впрочемъ кому же придется въ голову, что порядочные люди собираются еженедѣльно единственно за тѣмъ, чтобъ умно подурачиться! Еслибы нѣкоторые изъ членовъ Бесѣды, изъ тѣхъ которые были поумнѣе, могли подслушать насъ, то вѣрно были бы успокоены и обезоружены. Правда, въ похвальныхъ имъ рѣчахъ дарованія ихъ не слишкомъ высоко оцѣнивались, притязанія ихъ на авторство были осмѣяны, но личности противъ нихъ никто себѣ не позволялъ. Они бы узнали, что, устранивъ всякое педанство, Арзамасы между собою не чинились и часто позволяли себѣ даже трунить одинъ надъ другимъ.

Не менѣе Бесѣды взволновано было Оленинское общество: Арзамасъ казался ему загадкою, которой тайну я не спѣшилъ открыть ему. Изъ словъ и обхожденія Крылова и Гнѣдича могъ я замѣтить, что они чуждаются падшихъ и не дерзнуть возстать на торжествующихъ. Вся эта истинно-комическая исторія (ибо комедія Шаховскаго была началомъ ея) должна была имѣть вліяніе на судьбу мою. Въ домѣ у Олениныхъ Жуковский былъ принятъ съ усиленною ласкою; со мною какъ будто ни въ чемъ не бывало. Не смотря на то, я могъ ясно видѣть, что недавнія связи совершенно разорваны, а все изъ чего? Батюшковъ могъ бы вразумить этихъ людей, но его тогда въ Петербургъ не было: онъ лѣтомъ уѣхалъ въ армію и оттуда еще не возвращался. По приѣздѣ онъ вѣрно бы бросился въ отверстія ему объятія *Арзамаса*, который и по заочности избралъ его своимъ членомъ подъ именемъ Ахилла. Случилось то, чего ожидать надлежало: старикъ Сухтеленъ, по желанію, уволенъ съ чиномъ и пенсіономъ, а на его мѣсто въ бібліотеку опредѣленъ нѣкто Аткинсонъ, ничтожный и ледащій малый, одинъ изъ домочадцевъ Оленинскихъ, сынъ Англинской няньки, воспитывавшей у нихъ дѣтей.

Идя отъ неудачи къ неудачѣ, я какъ будто привыкъ къ нимъ, да какъ Панглось, готовъ былъ сказать, что все къ лучшему. Но приятели мои сильно вознегодовали: имъ хотѣлось приклеить меня къ какому нибудь вѣдомству, дабы оттуда вѣрнѣе могъ я попасть на стезю настоящей службы. Не говоря мнѣ ни слова, поставили на ноги Жихарева, который имѣлъ связи во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, канцеляріяхъ, департаментахъ. Также не предупредивъ меня, переговорилъ онъ обо мнѣ съ Дружининимъ, директоромъ канцеляріи министра финансовъ, и въ одинъ разъ привезъ мнѣ и опредѣленіе, подписанное министромъ о причисленіи меня вновь къ канцеляріи его, и о

томъ мою просьбу, которую заднимъ числомъ заставилъ подписать меня. Это опредѣленіе было тѣмъ особенно для меня выгодно, что въ немъ сказано, будто, по окончаніи занятій моихъ въ Пензенскомъ комитетѣ, возвратился я къ прежнему мѣсту служенія. Итакъ, два года съ половиною, проведенные мною въ праздности, зачтены мнѣ въ службу, тогда какъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, по милости Сперанскаго, почитался я два года въ отставкѣ, когда часто являлся на службу. Въ судьбѣ людей такимъ образомъ иногда встрѣчаются вознагражденія.

Меня причислили къ неизбѣжному для меня третьему отдѣленію, по кредитной части, и я не весьма охотно въ него явился. Послѣ Рибошера имъ управлялъ графъ Ламбертъ, бывшій секретаремъ посольства, отправленнаго въ Китай, читателю извѣстный. Онъ удивилъ меня своимъ пріемомъ: тоже едва замѣтное наклоненіе головы ту же сухость и важность въ манерахъ нашелъ я; только слова его исполнены были вѣжливости и доброжелательства. Онъ сказалъ мнѣ, что благодарить случай, который свелъ его съ прежнимъ сослуживцемъ и надѣется, что мы не скоро разстанемся. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ мнѣ, что слѣдующею весной имѣеть въ виду другое назначеніе, котораго пока открыть онъ мнѣ не можетъ, но что въ предполагаемомъ новомъ управленіи (комmissія погашенія долговъ, какъ послѣ я узналъ) приготовить онъ мнѣ мѣсто, гдѣ выгоднымъ и пріятнымъ образомъ могу продолжать я службу. Между тѣмъ онъ нашелъ, что посѣщать мнѣ отдѣленіе совсѣмъ не нужно, развѣ только для свиданія и бесѣды съ нимъ.

На минуту возвратимся въ Арзамасъ. Слѣдующею зимою, среди морозовъ, онъ все болѣе развѣталъ и съ каждымъ мѣсяцемъ обогащался новыми членами, изъ коихъ многими имѣлъ онъ причину гордиться. Существованіе его было непродолжительно; онъ прожилъ не съ большимъ два года. Если Богъ дастъ мнѣ написать пятую часть сихъ Воспоминаній, то непременно помѣщу въ ней всѣ занимательныя подробности, до него относящіяся.

XIV

Въ первыхъ числахъ Декабря (1815) Государь возвратился послѣ вторичнаго продолжительнаго отсутствія; но какое разительное несходство было между первымъ его пріѣздомъ изъ Парижа и послѣднимъ! Совершивъ великое чудо избавленія Европы отъ тягостнаго ига, былъ онъ тогда кумиромъ подданныхъ, союзниковъ и самихъ враговъ. Въ благо-

пріятнѣйшее время года природе за одно съ людьми ликовала, прі-
вѣтствовала его. Онъ вѣровалъ тогда въ добро, въ возможность тво-
рить его, дѣлать людей счастливыми, и взоръ его былъ ясенъ; улыбка
его была нѣжна и ласкова. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ узналъ
все коварство, всю неблагодарность тѣхъ, коихъ помощь его воскре-
сила. Онъ любилъ родъ человѣческій, и тяжело ему было научиться
презирать его. Спокойствіе опять возстановлено, но душа его разоча-
рована. Сію кроткую душу не могла радовать жестокая участь изуми-
тельного и въ паденіи своемъ врага его (онъ подплывалъ тогда
къ каменному гробу, въ которомъ немилосердая Англія заживо хотѣла
его похоронить). Александръ казался скученъ, говорятъ, даже сердитъ.
Никакими восторгами Петербургъ его не встрѣтилъ. Казалось, Россія
познала, что наступило для нея время тихое, но сумрачное.

Государь началъ показывать себя вновь взыскательнымъ и стро-
гимъ: всѣмъ гвардейскимъ и другимъ военнымъ офицерамъ запретилъ
носить гражданское платье, находя сіе вреднымъ для дисциплины.
Вскорѣ потомъ явилъ онъ себя даже грознымъ: статсъ-секретарь Мол-
чановъ, столь могущій въ продолженіи трехъ или четырехъ лѣтъ, ко-
торый заправлялъ дѣлами цѣлаго государства, вдругъ былъ отставленъ
и преданъ суду. Сего мало: наряжено слѣдствіе для разсмотрѣнія дѣйстви-
тельнаго Военнаго Министерства и самого управляющаго онымъ, князя Алексѣя
Ивановича Горчакова, который вмѣстѣ съ тѣмъ и удаленъ отъ дол-
жности. Всѣ приближенные его главные чиновники, Самбурскій, При-
клонскій и другіе отданы подъ судъ и разсажены по разнымъ гаупт-
вахтамъ столицы, гдѣ и оставались нѣсколько лѣтъ. Всѣ ужаснулись
сперва; но когда увидѣли, что за сими суровыми мѣрами, коихъ спра-
ведливость, впрочемъ, была доказана, не послѣдовало никакихъ новыхъ,
то вскорѣ и успокоились потомъ.

Послѣ удаленія князя Горчакова, управляемое имъ министерство
получило новое образованіе. Во время послѣдней войны армія до того
увеличилась, что число дѣлъ по военному вѣдомству, конечно, утрои-
лось. Государь нашелъ нужнымъ раздѣлить ихъ на двое, часть денеж-
ную, счетную, продовольственную отдавъ военному министру, которому
послѣ этого, кажется, слѣдовало бы называться генераль-интендантомъ;
всѣ прочія дѣла поступили въ вѣдѣніе Главнаго Штаба его величества.

Примѣрно отличившійся во время послѣднихъ кампаній генераль
Петръ Петровичъ Коновницынъ назначенъ былъ военнымъ министромъ.
Въ молодости, при Екатеринѣ, начальствуя Старооскольскимъ пѣхот-
нымъ полкомъ, слылъ онъ лихимъ полковникомъ и отчаянно дрался съ
Поляками подъ начальствомъ Суворова. При Павлѣ, какъ и всѣ, былъ
въ отставкѣ и не хотѣлъ было опять вступить въ службу, но всеобщій

бранный шумъ пробудилъ въ немъ бодрость. Онъ былъ при Буксгевденѣ дежурнымъ генераломъ во время Шведской войны, и находился начальникомъ штаба при Кутузовѣ въ 1812 году. Должность на него возложенная не была слишкомъ тягостна, и онъ былъ еще не старъ; но военные труды, походы, раны изнурили его, и послѣ назначенія своего министромъ, кажется, не болѣе двухъ лѣтъ онъ прожилъ.

Самый близкій человѣкъ къ Государю, съ малолѣтства при немъ неотлучный, князь Петръ Михайловичъ Волконскій назначенъ былъ начальникомъ штаба его. Не знаю, какъ до сихъ поръ не пришлось мнѣ сказать объ немъ ни слова. Примѣчательно, что при дворѣ почти всѣ случайные люди съ знатнымъ фамильнымъ именемъ принадлежатъ къ носящимъ его обѣдѣвшимъ семействамъ. Такимъ образомъ и этотъ князь, кажется, происходитъ отъ той отрасли, которая все болѣе размножается нынѣ и почти заселяетъ Рязанскую губернію. Родному дядѣ его, князю Димитрію Петровичу, удалось жениться на Катеринѣ Алексѣевнѣ Мельгуновой, племянницѣ Николая Ивановича Самтыкова, воспитателя великихъ князей Александра и Константина. Старый царедворецъ, желая въ будущемъ еще болѣе умножить кредитъ свой, маленькихъ наслѣдниковъ престола умѣлъ окружить малолѣтними же сыновьями своими, близкими и дальними родственниками; въ числѣ ихъ находился и Волконскій.

Онъ болѣе всѣхъ сдѣлался угоденъ Александру. Я помню, какъ, въ ребячествѣ, не смотря на запрещеніе наставника, любилъ я, бѣгая по саду, играть съ холопскими мальчиками. Я право не золь, чтобы ни говорили, а иногда случалось мнѣ тузить ихъ, и тѣ, которые были болѣе покорны и терпѣливы, мнѣ болѣе нравились. Почему же слабость простаго отрока не могла встрѣтиться и въ порфирородномъ? Главная, единственная добродѣтель Волконскаго была собачья вѣрность. Когда во дни Павла самъ наслѣдникъ его долженъ былъ трепетать и окруженъ былъ тайными надсмотрщиками, адъютанту его, Волконскому, никто не подумалъ даже о томъ предложить. Въ день восшествія на престолъ, сдѣланъ онъ флигель-адъютантомъ его, а въ день коронаціи—генераль-адъютантомъ.

Зная, сколь полезна царямъ нравственная власть, какъ избавляетъ она ихъ отъ необходимости часто употреблять матеріальную, Александръ, даже въ кругу самыхъ близкихъ по крови, не переставая быть любезнымъ, старался сохранять всю величественную свою важность. Нельзя, чтобы безпрестанное наблюденіе за самимъ собою иногда не утомляло его; наединѣ съ Волконскимъ любилъ онъ отдыхать; не открывая ему души своей, при немъ становился онъ человѣкомъ, который смѣется, сердится или бранится, какъ всѣ прочіе люди. Точно

также во время частыхъ и быстрыхъ путешествій своихъ, сидя съ нимъ въ коляскѣ, говорятъ, не иначе привыкъ онъ отдыхать, какъ засыпая на плечѣ его. Такія удобства объясняютъ продолжительность милостей къ нему Александра, который, не такъ какъ другіе, въ окружающихъ его любилъ находить просвѣщенный умъ. Говорятъ, что для камердинера нѣтъ великаго человѣка; Александръ угадалъ, что для вѣрноподданничества Волконскаго всякій былъ бы великій мужъ, лишь былъ бы онъ Царь. Долго государствомъ былъ онъ мало замѣченъ въ толпѣ Чарторижскихъ, Строгановыхъ, Голицыныхъ и другихъ любимцевъ, всѣхъ, болѣе его отличенныхъ. Однакоже самую мелкую вещь, поставленную у самаго свѣтильника, нельзя не разглядѣть; но въ глазахъ Россіи все оставался онъ на одномъ планѣ съ метръ-дотелемъ Миллеромъ, медикомъ Вилліе и брадатымъ кучеромъ Ильею. Только въ 1815 году началъ онъ вдругъ выростать до Аракчеева, до соперничества съ нимъ.

Столько же, какъ тотъ, былъ онъ суровъ, но совсѣмъ не такъ золъ. Если Аракчеевъ старался выигрывать у Царя мнимымъ чистосердечіемъ своимъ, то Волконскій—истиннымъ безпристрастіемъ. Онъ никого не хотѣлъ знать: ни друзей, ни родныхъ; не только награды, прощенія, помилованія въ случаѣ вины, никому изъ нихъ не хотѣлъ онъ выпрашивать. До того прославился онъ ненавистію къ nepотизму, что чувство это начали называть уже эгоизмомъ. Въ безпредѣльной преданности Царю у Аракчеева болѣе всего былъ расчетъ, у Волконскаго—привычка; только развѣ у одного Александра Николаевича Голицына было чувство. На одномъ Волконскомъ истощалось иногда все дурное расположеніе духа Государя, къ нему чрезмѣрно милостиваго: онъ все переносилъ со смиреніемъ и вѣроятно полагалъ, что въ свою очередь имѣетъ онъ право показывать себя грубымъ, брюзгливымъ съ подчиненными, даже съ тѣми, къ которымъ особенно благоволилъ. Я не имѣлъ никакихъ сношеній съ симъ вельможею, не видалъ отъ него ни худа ни добра, и меня не стануть обвинять, я надѣюсь, въ пристрастіи при изображеніи его портрета.

Хотя зима была холодная и мрачная, какъ расположеніе царствующаго, однакоже она была свидѣтельницей нѣсколькихъ необходимыхъ торжествъ, изъ коихъ первымъ былъ въѣздъ Персидскаго посла и свиты его.

О Закавказскомъ краѣ, въ 1812 и послѣдующихъ годахъ, Россія совсѣмъ забыла, какъ будто онъ ей не принадлежалъ, какъ будто онъ никогда не существовалъ. А между тѣмъ война съ Персіей тамъ не прекращалась, и ручьями текла благородная кровь Русскихъ воиновъ. Съ такимъ же самоотверженіемъ, съ какимъ братія ихъ внутри оте-

чества гибли тогда, спасая его, они сражались единственно во славу его; вожди ихъ падали съ оружіемъ въ рукахъ, не возбуждая никакого участія въ согражданахъ и не сѣтуя на темный свой жребій. Главнымъ начальникомъ посланъ былъ туда одинъ престарѣлый, увѣчный и хворый генералъ Николай Ѳедоровичъ Ртищевъ, въ военной лѣтописи почти неизвѣстный; изъ Тифлиса, какъ могъ, распоряжалъ онъ дѣйствіями. Но гроза Русскаго имени все еще удерживала горцевъ, и борьба съ Персіянами шла не безуспѣшно.

Изъ глубокаго забвенія, коимъ тогда покрыта была эта часть Россіи, вдругъ вырвалось одно славное имя и ярко блеснуло. Котляревскій, Петръ Степановичъ, съ малолѣтства воинъ, всю жизнь провель на Кавказѣ и за Кавказомъ въ бояхъ съ воинственными народами, его обитающими. Достигнувъ генеральскаго чина, онъ безпрестанно поражалъ непріятелей и никому изъ насъ не былъ вѣдомъ, тогда какъ въ то же время имя каждаго партизана повторялось по цѣлой Россіи. Подвиги свои довершилъ онъ взятіемъ неприступной крѣпости Ленкорана, на берегу Каспійскаго моря. По грудамъ тѣлъ Русскихъ и вражыхъ взошелъ онъ въ нее самъ, весь изъязвленный, весь покрытый ранами. Смерть пощадилъ его; но онъ ожидалъ ея, счастливѣе Эпаминонда, вида непріятеля не бѣгущаго, а истребленнаго. Онъ живъ еще и понынѣ, только умеръ для службы, ибо съ трудомъ владѣеть членами. Щедро и справедливо былъ онъ награжденъ Георгіевскою звѣздой; поэзія поднесла ему также свой вѣнокъ. Славнѣйшій изъ поэтовъ его времени, исполненный сочувствія ко всякой славѣ отечества своего, положилъ на него клеймо славы слѣдующими стихами:

О, Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой—
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...

Взятіе Ленкорана понудило Персіянъ искать примиренія. Не весьма задолго до взятія Парижа, миръ, подписанный въ Гюлистанѣ, положилъ конецъ двѣнадцатилѣтней войнѣ и владѣнія Россіи распространилъ до Аракса и Куры.

Въ 1814 году отъправленъ былъ отъ Тегеранскаго двора посоль съ поздравленіями къ нашему Царю и съ увѣреніями въ дружбѣ шаха Персидскаго. Онъ пріѣхалъ въ Москву осенью и былъ тамъ задержанъ всю зиму. Весною привезли его въ Петербургъ и помѣстили въ Таврическомъ дворцѣ. Онъ скучалъ, опасался своего правительства и говорилъ: «какъ вы хотите, чтобъ у насъ кто-нибудь повѣрилъ, будто во время столь продолжительнаго отсутствія падишаха не было въ

народъ мятежей и все государство не возмутилось? Это былъ онъ же, который видѣлъ въ Петербургъ вновь строящійся городъ и наше лѣто, которое тогда дѣйствительно было чрезвычайно дождливо, называлъ зеленою зимой.

Въ разказахъ о привезенныхъ имъ будто сокровищахъ было много баснословнаго, напоминающаго *Тысячу и одну ночь*. Между прочимъ говорили о какой-то серебряной кадкѣ, вмѣсто земли наполненной жемчугомъ, въ которой посажено было золотое дерево съ изумрудными листьями и алмазными цвѣтами. Всѣ подарки ограничились на повѣрку плохими шаями для императорской фамиліи и главныхъ придворныхъ особъ; важнѣйшими же дарами были два слона обоего пола. На другой день Рождества, 26 Декабря, при сильномъ вѣтрѣ и ужасной мятели, они, одинъ за другимъ, открывали церемоніальное шествіе посольскаго вѣзда. На нихъ надѣты были теплые сапожки; бѣдная слониха потеряла одинъ изъ нихъ и жалобно выла.

Другія торжества происходили внутри дворца: Царь выдавалъ замужъ двухъ сестеръ или, лучше сказать, одну, ибо старшая сама выходила.

Великая княгиня Екатерина Павловна, предметъ обожанія Россійскаго двора, воинства и народа, лѣто 1812 года провела въ Ярославлѣ, а по очищеніи Москвы отъ непріятелей возвратилась въ Тверской дворецъ свой. Тамъ лишилась она супруга, сдѣлавшагося жертвой челоуѣколюбія своего. Онъ часто посѣщалъ въ больницѣ раненыхъ, подвергся заразительному ея вліянію и умеръ отъ госпитальной горячки. Тогда навсегда оставила она Тверь, которая безъ нея опустѣла и поднесъ живеть однимъ ея воспоминаніемъ. Для развлеченія горести уговорили ее отправиться въ Германію, куда силою оружія брата ея открыта была дорога для Русскихъ путешественниковъ. Потомъ явилась она въ Лондонъ; красота ея, умъ и враждебное расположеніе къ Наполеону восхитили Англичанъ. А она, пользуясь симъ и въ виду имѣя одну только пользу любезной ей Россіи, успѣла, говорятъ, разстроить преднамѣреваемый бракъ наслѣдницы престола, единственной дочери принца-регента, съ принцемъ Оранскимъ, наслѣдникомъ не утвердившагося еще Голандскаго престола; все это, говорятъ, съ намѣреніемъ выдать за него меньшую сестру свою, Анну Павловну, а брата своего Николая Павловича женить на невѣстѣ его, Англинской принцессѣ Шарлоттѣ. Первое удалось ей, а послѣднее было дѣломъ несбыточнымъ.

На Вѣнскомъ конгресѣ, или гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ за границей, понравился ей кронъ-принцъ Виртембергскій. Будучи вдовою, имѣла она право собою располагать, и согласилась отдать ему свою руку. Этотъ

союзъ, говорятъ не слишкомъ нравился ея семейству, вѣроятно отъ того, что, по любви ихъ къ ней, братья и мать надѣялись никогда съ ней не разстаться. Женихъ былъ мужчина видный, совсѣмъ не чета первому ея супругу. Другой же, принцъ Оранскій, молоденькій красавчикъ, умный и ловкій и уже знаменитый въ бояхъ, который имѣлъ въ виду владѣть отдѣльнымъ государствомъ и повелѣвать народомъ, прославившимся въ искусствахъ, торговли и мореплаваніи, казался всѣмъ еще выгоднѣйшею партией. Тѣнь Петра Великаго въ горнихъ селеніяхъ должна была возрадоваться, видя, что потомству его суждено владычествовать въ Сардамѣ.

Сии браки совершены въ Генварѣ и Февралѣ мѣсяцахъ 1816 года, а я намѣренъ былъ воспоминаніями о 1815-мъ заключить четвертую часть сихъ Записокъ; но въ бракахъ сихъ вижу я непосредственныя послѣдствія происшествій, бывшихъ въ предшествующихъ годахъ. Какъ громовыя тучи пронеслись они надъ нами. На политическомъ горизонтѣ все проявилось; но воздухъ сталъ ли чище? Здѣсь не мѣсто еще о томъ говорить.

Великія событія временъ Наполеона само собою врѣзывались въ память, и простой рассказъ о нихъ могъ быть уже достаточно занимателенъ. Но послѣ него наступили времена иныя; первые годы послѣ его паденія не были столько обильны происшествіями, за то показывали гораздо болѣе движенія въ умахъ. Я смотрѣлъ на него равнодушно, разсѣянно; занятія по службѣ, удовольствія не совсѣмъ еще покинувшей меня молодости, при наружномъ спокойствіи, коимъ пользовались тогда всѣ народы, развлекая меня, не допускали меня обращать на происходящее наблюдательныхъ взглядовъ. Вотъ почему описаніе этой эпохи для меня дѣло многотрудное; оно ужасаетъ меня.

И такъ положу покаместъ перо; пособравшись съ мыслями и съ духомъ, не иначе какъ послѣ зрѣлыхъ размышленій, можетъ-быть, приступлю къ изображенію временъ болѣе новыхъ. Да поможетъ мнѣ Господь Богъ!

Конецъ четвертой части.